

Антология поэзии

ЕВРЕЙСКОЙ
АВТОНОМНОЙ
ОБЛАСТИ

Антология поэзии Еврейской автономной области. 1930-2010 гг. / Сост.,
вст. ст., заключ. и комм. В.И. Антонова. – Биробиджан, 2010. – 242 с.

В данную антологию включены лучшие и наиболее характерные образцы поэзии ЕАО, созданные авторами, работавшими в автономии с первых лет её создания до произведений литераторов, творящих в ней ныне. Также в антологию включены стихи, написанные поэтами, ныне проживающими за пределами области и в других странах, но в чьих произведениях тема «малой родины» продолжает звучать. Ряд переводов с идиша (еврейского языка) выполнен заново или сделан впервые поэтами ЕАО в 2000-х годах. Среди авторов Эм. Казакевич, А. Вергелис, И. Бронфман, Л. Школьник, М. Асламов, Н. Наволочкин, В. Соломатов и другие.

Вступительная статья,
заключение и комментарии — **В.И. Антонов**

Редакционная коллегия:

В.И. Антонов, член Союза журналистов России
Т.А. Ильина (Сафарова), член Союза писателей России
Л.Н. Капуцына, декан факультета филологии,
истории и журналистики ДВГСА, к. ф. наук
А.Я. Рабинович, член Союза журналистов России

Художественное оформление — **В.А. Цап**

Под общей редакцией — **Е.Р. Добровенской**

Издательский дом «Биробиджан», 2010.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Сегодня нередко приходится слышать, что время поэзии ушло. Оно не совместимо с прагматизмом рыночной экономики и информационным бумом. На мой взгляд, это неверное утверждение. По крайней мере, для нашей Еврейской автономной области.

У нас сейчас, наоборот, наблюдается повышенный интерес к литературному творчеству. И ему, как говорится, все возрасты покорны. Безусловно, этому способствуют традиционные мероприятия, такие как детский литературный конкурс «Золотое пёрышко», областной фестиваль поэзии, о котором знают во многих регионах России.

И всё же главный секрет устойчивой популярности литературного творчества в области кроется в традициях, заложенных её первостроителями. Идея создания государственного образования евреев на Дальнем Востоке вдохновила многих писателей и поэтов, имевших общероссийскую и даже международную известность. Некоторые из них жили и работали в области, некоторые посещали её, что нашло искреннее и горячее отражение в их творчестве. Это дало столь мощный импульс литературному движению в ЕАО, что его не смогли загасить никакие политические катаклизмы, идеологические нападки и даже репрессии.

Книга, которую Вы держите в руках, не просто объединила под одной обложкой произведения поэтов, в разные годы живших в Еврейской автономной области или в какой-то мере связавших с ней свою творческую биографию. «Антология поэзии Еврейской автономной области» позволяет проследить преемственность поколений, найти общие черты в авторском почерке тех, кто стоял у истоков литературной жизни области и поэтов, принявших у них творческую эстафету.

И в то же время, прочитав этот сборник, Вы наверняка сделаете для себя вывод о самобытности поэзии ЕАО. Эту самобытность определил особый менталитет. Он сложился в области благодаря изначально толерантной межнациональной атмосфере, способствовавшей взаимопроникновению и взаимообогащению различных национальных культур.

Правительство области считает очень важным поддерживать эту традицию. Издание антологии поэзии – один из конкретных шагов в данном направлении.

Желаю Вам приятного и вдумчивого знакомства с этой книгой.

**Губернатор Еврейской
автономной области**

А.А. Винников

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИЗГИБ МЫСЛИ» И ЕДИНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Способна ли небольшая группа литераторов в исторически короткий срок — чуть более 75 лет — создать «с нуля» национальную литературу? А достаточно оригинальную или хотя бы узнаваемую региональную?

Вопрос не риторический. Это вопрос, если хотите, самоидентификации литераторов Еврейской автономной области. Он стоял перед ними и три четверти века назад, актуален и сейчас не менее.

В 30-40-х годах XX века литературный процесс в только что созданной ЕАО шёл активно и имел свою неповторимость. Область оказалась уникальным субъектом в Российской Федерации, где литературный процесс начался с литературы на еврейском языке (идише), на котором говорила, читала и писала меньшая и новейшая часть населения. На идише здесь создавались новые художественные произведения, выходила литературная периодика (с середины 30-х — журнал «Форпост», а со второй половины 40-х — альманах «Биробиджан»), и эти материалы активно продвигались за пределы области, пропагандируя её строительство в стране и за рубежом. Порой образы, привнесённые в эту молодую литературу из Торы и других древнееврейских сакральных текстов, органически вводились их авторами в произведения, описывающие день сегодняшний.

Эти произведения призваны были сформировать не только новую еврейскую литературу на земле Биро-Биджана, но и самый тип нового человека — биробиджанца, свободного от местечковой замкнутости, ограниченности, несвободы, породнившегося с новой для него дальневосточной землёй. Фактически литература молодой области попыталась сформулировать и реализовать некую «национальную идею».

Наиболее ярко эти идеи выражались в таких произведениях биробиджанской литературы, как стихотворение «Корейская новелла», пьеса «Молоко и мёд» Эммануила Казакевича, стихотворение «Свадьба в Биробиджане» Ицика Фелфера, пьеса Бузи Миллера «Он из Биробиджана»... Творческие устремления литераторов Биробиджана, государственные задачи и понимание властей тогда удачно (хотя, как оказалось, ненадолго) совпали.

Литературная среда ЕАО в 1930-40-х гг. в основном была средой журналистской — практически все здешние поэты, прозаики, драматурги были работниками различных СМИ. В то же время в ЕАО не было официальной писательской организации. Её роль выполняло достаточно неформальное литературное объединение из маститых и совсем молодых авторов.

Произведения литераторов области публиковались в журнале «Форпост», выход которого начался в 1936 году. Первые номера журнала на идише вышли в Москве, затем он печатался в Биробиджане. Уже после выпуска третьего номера он был признан лучшим еврейским изданием в СССР, «имевшим большой успех в Советском Союзе и за границей». Выпуск «Форпоста» был прерван в годы Великой Отечественной войны.

В 1947 году на смену «Форпосту» пришёл литературный альманах «Биробиджан», также издававшийся в ЕАО на идише. Но областное литературное

объединение к той поре понесло значительные потери: в 30-х годах ряд писателей, поэтов, драматургов был репрессирован, вынужден был покинуть Биробиджан Эммануил Казакевич, за годы войны погибли на фронте Бузи Олевский, Моисей Гольдштейн, Владимир Шульман. Вливались местные свежие силы — подготовил свою книжку стихов молодой автор Исроэль Эмиот. В 1947 году в ЕАО начал работу прибывший из Белоруссии поэт Хаим Мальтинский, у которого остро чувствовался «национальный изгиб мысли».

Но отдельными изданиями художественные произведения биробиджанских литераторов на территории области практически не выходили.

В 1949 году в СССР началась борьба с так называемым «еврейским национализмом» и «космополитизмом». Незамедлительно эти процессы обозначились и в ЕАО. Еврейские книги изымались из библиотек. Был прекращён выход литературного альманаха. После ареста и осуждения в 1950 году по так называемому «Биробиджанскому делу» № 68 крупной группы биробиджанских еврейских деятелей культуры (в основном литераторов) и высшего руководства ЕАО полноценный литературный процесс в Еврейской автономии прекратился, утратив свою неповторимость, в том числе национальную. И всё-таки «Литературный Биробиджан» был наиболее удавшейся и жизнеспособной частью «Биробиджанского проекта», сохраняющей актуальность и сегодня.

После получения Еврейской автономной областью в 1990 году статуса самостоятельного субъекта Российской Федерации творческий процесс в её литературе приобретает качественно иной характер со специфическими задачами и сложностями их разрешения.

Интересно, что практически в любой период число стихотворцев в области превышало число прозаиков, тем более склонных работать в жанре крупной прозы. Поэтому не случайно с 2004 года здесь проводятся поэтические фестивали «Адрес: ЕАО, Биробиджан», собирающие литераторов автономии и ряда дальневосточных городов.

К сожалению, пока в ЕАО остро не хватает важной составляющей полноценного литературного процесса — литературной критики, которая занималась бы истолкованием и оценкой создаваемых литературных произведений, способствовала бы выявлению и утверждению творческих принципов и литературных направлений, оказывала бы активное влияние на литературный процесс, а также на формирование общественного мнения вокруг произведений местных писателей. Но наличие в области социально-гуманитарного вуза и профессиональных филологов в рядах литературной общественности ЕАО создаёт предпосылки для развития конструктивной, профессиональной литературной критики.

Особенность литературы ЕАО (уже упомянутая выше) в том, что она преимущественно поэтическая. Такой она начала формироваться с самого рождения области. Почему? Возможно, краткость, выразительность, а, если хотите, то и «оперативность» поэзии сыграли тут свою роль. Ещё Платон считал поэзию... опасной, т. к. она легко заражает массы своими идеями. И это, по всей видимости, было актуально в первые десятилетия строительства еврейской государственности на исторически новых местах.

Литературу Биробиджана изучают в университетах Израиля, ей интересуются литературоведы в США, но до сих пор нигде не было выпущено поэтической антологии ЕАО, хотя произведения ряда поэтов ещё три десятка лет назад включались в антологию советской еврейской поэзии. Работа по отбору

таких материалов в основном произведена в 2009-2010 гг. и завершилась созданием вот этой «Антологии поэзии Еврейской автономной области», собравшей лучшие и наиболее характерные произведения более сорока авторов, созданные за три четверти века. И стихи современных поэтов занимают среди них не последнее по качеству место.

Творчество Риммы Лавочкиной можно расценивать как последовательное создание произведений национальной, еврейской литературы, но уже на русском языке.

В стихах Марины Смирновой национальные мотивы навеяны личным опытом жизни в Израиле и мыслями по возвращении в Биробиджан. Особое место в её творчестве занимают тексты к песням, звучащим в спектаклях театров «Кудесник» и «Когелет».

У Александра Драккина — «певца старого Биробиджана» — прослеживается ностальгическая нотка. Своеобразный колорит его стихам придают характерные словечки и бытующие в речи старых биробиджанцев выражения, вкрапления в русский текст транслитерированных еврейских слов.

У других литераторов традиционные еврейские образы оказываются пришедшими в творчество как через повседневность, личный жизненный опыт (русское и еврейское в Биробиджане нередко переплетается на семейном уровне), так и через знакомство с Ветхим Заветом христианской Библии.

Неизбежно в приграничном регионе некоторое влияние на литературное творчество китайской культуры. Хотя китайские мотивы в оригинальном творчестве (стихотворения «Девушки Китая», «Мы — Китай» Виталия Бурика, «Из восточной экзотики...» Тамары Ильиной) — пока вещи штучные, навеянные, скорее, личным бытовым опытом общения с соседней страной и её жителями. Иногда отмечаются попытки отдельными авторами переводов из классических китайских поэтов на русский язык

В определённой мере современная ситуация в литературном сообществе области напоминает ситуацию первой половины 30-х годов. Но творческий процесс пока здесь не един. Так, может быть, рано говорить об этой книге, как об антологии поэзии ЕАО? И это пока лишь собрание поэтов, где каждый — своя судьба, свои темы, образы, свой язык? Можно ли здесь выделить нечто, связующее творчество этих очень разных по жизненному опыту людей, разных, наконец, по эпохам, в которые им оказалось суждено жить и работать?

Современное литературное сообщество ЕАО не формировалось в рамках определённой творческой организации, творческой или общественной идеи. Значительная часть нынешних литераторов приехала в Еврейскую автономию, уже имея творческий багаж, сформированный в литературной или университетской среде Хабаровска, Владивостока, Бурятии, Ленинграда, другие литераторы испытали влияние на свою судьбу и мировоззрение израильских реалий. Некоторые яркие, своеобразные авторы выглядят сегодня одиночками, творческие искания которых ещё не обрели последователей...

Биробиджанская литература 30-40-х гг. зарождалась как новая национальная литература. Сегодня о литературе ЕАО верней говорить как о литературе региональной. Но и для региональных литератур характерны обобщения через территориально-историческую общность людей: мы — сибиряки, мы — уральцы, мы — сахалинцы, магаданцы, приморцы.

Уверен, что завершение работы над формированием антологии поэзии ЕАО позволит начать серьёзную и системную литературоведческую работу по отделе-

живанию того, что происходило и происходит в региональной литературе. Прослеживаются ли у авторов антологии общие свойства поэтики, присутствуют ли в настоящее время в произведениях авторов, живущих и работающих уже за пределами ЕАО, надгеографические связи и переключки с литературой области, отражают и формируют ли эти произведения особый менталитет жителей национально-территориального образования с уникальной историей культурного строительства?

Есть надежда, что эта антология поможет исследователям культуры, истории, менталитета жителей ЕАО, Биробиджана найти ответы на многие из поставленных вопросов.

Литераторам же современной Еврейской автономии и их потенциальным читателям тоже предстоит определиться с ответами на вопросы: «А кто мы? Для кого мы пишем?»

Виктор АНТОНОВ

Алла АКИМЕНКО

* * *

*Памяти Шнеера Коника,
переводчика газеты «Биробиджанер штерн»,
артиста Еврейского народного театра*

Какая тишь и солнышко какое...
И небо цвета голубиных крыл.
Вчера ушёл из жизни Шнеер Коник
И дверь тихонько за собой закрыл...
У школы во дворе шумят мальчишки.
Им невдомёк, они летят гурьбой,
Что кто-то ненаписанные книжки
В небытие своё забрал с собой.
А у ДК в сторонке сиротливо
Им сыгранные роли собрались.
Ведь он когда-то молодой, счастливый,
О них мечтал у новеньких кулис.
В библиотеке книги онемели.
Они дружили с ним который год,
На идише беседовать умели.
Когда и кто теперь переведёт?!
Кадиш* и траур над свечой лучатся.
Иная жизнь берёт свои права.
И с опозданием в дверь его стучатся
Несказанные добрые слова.

1998

* Кадиш - поминальная молитва (евр.)

* * *

Плодоносящий маленький Израиль,
Я - твой росток, попавший на восток.
Тем, самым первым, изгнанным из рая,
Бог всё ж оставил райский уголок.
Все говорят, что городок курортный,
Кто хоть однажды в гости приезжал.
Живёт во мне любовью первородной
Мой райский уголок - Биробиджан.
И пусть не иудейка я по крови,
На идише мне город детства пел
Мотив негромкий тополиной кроны,

И Сара мне качала колыбель.
 Я примечаю: на большой планете
 Такие благодатные места -
 Где путеводной звёздочкою светит
 Избранник Бога и народ Христа.
 В мельканье лиц усматриваю лики,
 Любовь с печалью пополам в глазах...
 Народ, который о себе "великий"
 Другим высокомерно не сказал.
 И каждый, как пчела в медовых сотах,
 За дело взявшись, толком завершит.
 Коль по-еврейски без ленцы работать,
 То можно по-еврейски сладко жить...
 Среди берёз и сосен величавых
 Мы чуточку добрее и мудрей,
 Покуда рядом
 Смуглый и курчавый
 Всегда неунывающий еврей.
 Надёжно ненавязчивое братство,
 Общение не в тягость - только всласть...
 Мне никуда вовек не оторваться.
 Где проросла, там крепко прижилась.

1991

КУЗНЕЦОВСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Придётся ли ещё когда-нибудь
 Мне Кузнецовский перевал проехать,
 Как в детстве?
 Годы...
 А поди забудь
 Страх леденящий,
 Если глянуть сверху,
 Крутой подъём и резкий поворот...
 Сижу - дрожу
 В прокуренном вагоне:
 А вдруг на вираже не повезёт -
 И прямо в пропасть
 Домиком картонным?
 "Не бойся, дочка", -
 Чей-то голос был,
 Вещает дед из темноты вагона:
 "В людские кости был забит костыль,

И кровью полит
 Каждый метр погонный -
 Надёжней, чем Китайская стена.
 Она, кажись, замешана
 На яйцах?
 Наш Сталин наработал
 До хрена
 Таких дорог...
 Куда до нас китайцам!"
 Звучала неизбежная тоска
 Невыдуманной горечи рассказа
 О смертниках,
 Бесчисленных ЗК,
 Которых после вспомнили
 Не сразу...
 Тогда,
 По окончании работ,
 Навеки не один
 Бесследно канул...
 Зато оставил кто-то
 Из рабов
 Усатый барельеф
 На вечном камне.
 Тот раб, наверно,
 Сам был поражён
 Портретной достоверностью
 Тирана...
 О, Родина!
 Ты с каждым виражом
 Детей своих не считано
 Теряла...
 Истории урок,
 Предположу,
 Не с кафедры преподавали деду,
 И содрогнусь.
 А, может, задрожу,
 Как будто
 В том вагоне
 Снова еду...

1991

Павел АЛЕКСЕЙЧУК

ПИР ВЕСНЫ

Словно крохотные бочки
Зелена вина,
Раскупоривает почки
Щедрая весна.

Вышибает с треском донце:
- Пей, кто жизни рад!
Захмелев, целует солнце
Всё и всех подряд.

И становится всё краше
И свежее май...
Хочешь счастья?
Вместо чаши
Сердце подставляй!

СНЕГОПАД

Вокруг меня по улице,
Как белый пудель, носится —
Весёлый и неистовый —
Косматый снегопад.
На грудь с разбега бросится,
У ног волчком закружится,
Как будто встрече искренне
И до безумья рад.
И в полымя то белое
С крыльца запорошённого,
Не ёжась и не думая,
Рванулся неспроста.
Вновь сердце — освежённое,
Как этот ветер, смелое,
Опять душа — безумная,
Как этот снег чиста.
Зима несёт позёмкою

Лавину белозвёздную.
И с бесшабашной удалю
Кружится снегопад...
Люблю я осень позднюю,
Прозрачную и звонкую,
Но и зиме, что вовремя,
Ничуть не меньше рад.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Такие стихи читаю,
Что даже взглянуть боюсь,
И тьма предо мною Русь.

Сейчас я — глаза поэта...
И кажется мне порой:
Всё в этих стихах воспето
Сегодня и лично мной.

И стал я мудрей и проще —
Стал частью его судьбы...
Я кланяюсь светлой роще,
Срезая, как он, грибы.

И, птиц услышав над нами
Прощальные голоса,
Ласкаю, как он, глазами
Усталые небеса.

Я слился с душой поэта...
Вглядись - и найдёшь меня
Среди тишины и света,
Среди золотого дня.

* * *

Без умолку кукушка куковала,
Как будто бы в охотку, без труда
Под музыку кузнечиков ковала
Мою судьбу на долгие года.
Но я её посулы не считаю.

Не важен срок кончины роковой.
А важно то, что я предпочитаю
Полгода счастья жизни вековой.

СЕЛЬСКИЕ СИРЕНЫ

Я — у окна. Опять не спится мне.
И снова в этом песня виновата.
Ох, и поют же в этой стороне
Ночной порою сельские девчата.

То, набегая плавною волной,
То, как родник, звеня, переливаясь,
Их чудо-песни льются над луной,
В глубинах бесконечности теряясь.

Стоят замороженные сады,
И звёздный мир застыл в оцепененье.
Возможно, где-то вышли из воды
Русалки, чтоб послушать это пенье.

И вся земля, дыханье затая,
Те звуки окрылённые ловила...
Но что со мною? Всё сильнее меня
Влечёт к себе их сказочная сила.

А песни успевают наполнять
Спокойной грустью и огнём веселья...
Сейчас я в состоянии понять
Привязанного к мачте Одиссея.

Виктор АНТОНОВ

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ДОГ

Том оставил дом на дога.
Дог глядит с порога строго.
И за дом спокоен Том —
Дог чужих не пустит в дом.

Только долго нету Тома —
Неспокойно догу дома.

ЧАУ-ЧАУ

- Дорогая Чау-Чау!
Жду я вас на чашку чаю.

- Обязательно, Лариса!
Вас я жду на чашку риса.

СОБАЧЬЯ ОБНОВКА

Пёс одет, ну точно модник,
В новый кожаный намордник!
Но лишён собачьих прав
На свободу слова «Гав».

КОШАЧЬЕ МЕСТО

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...
Здесь, сев под дверью спозаранку,
Нетрудно провести полвека,
Вдыхая запах валерьянки.

А после всё начать сначала.
И высветит в ночи фонарь
Порог аптеки у вокзала,
Котов, орущих на февраль.

ВСЕ МЫ НЕМНОЖКО КОШКИ

Вы знаете,
Кошки — они как люди
Много чего смыслят в сметане.
Они её ценят в любой посуде:
Хоть в ложке, хоть в плошке,
Даже в стакане.

Да не стесняйтесь — придвиньте плошку,
В неё мордашку смелее тычьте...
Скажите прямо: а вы — не кошка?
Да не стесняйтесь своих — мурлычьте!

ЗАВИРУША

Капелька воды из крана
Хвастала на дне стакана:
- В Океане я жила —
Целым Морем там была!
Возмутился Океан:
- Капля, а вранья — стакан!

О СТОЙКОСТИ

Целое лето
В холодной реке
Цапля стояла
На тонкой ноге.
Рыбу ловила себе на обед
И соблюдала молчанья обет.

Я говорил этой цапле: «Привет!»,
Цапля лишь молча кивала в ответ.

То ли она опасалась кого-то,
То ли её наказали за что-то,

Но, не жалея озябшей ноги,
Цапля не смела надеть сапоги.

Я не завидую ни капли
Железной воле этой цапли.

БИРОБИДЖАНЕЦ

Не еврей, а лишь биробиджанец,
Я на всей планете — иностранец.
Потому — ни постный, ни кошерный* —
Я такой — почти не правомерный.
Город мой — карманная столица,
Ищет всё, куда бы притулиться.
Примеряет платьица и флаги,
Да ещё корону из бумаги.
Ждет похвал, обидчив как ребёнок...
Он ещё не вырос из пелёнок.
А Тора** — с тысячелетий грузом,
А Москва — опять прижала пузом,
Давит бок китайская граница...
Ну куда, куда тут притулиться?
Собираю я насытнный ужин...
Вот такой, зачем, кому я нужен?
Намешал в себе кровей без меры,
Потому ни счастья мне, ни веры...
Но когда великая Россия
Под любой бедою голосила —
Поливал я смешанною кровью
Все поля её со всей любовью.
Потому что вся она, большая,
Мне нигде по крови не чужая!..
Надеваю под ушанку кипу***,
И один пою свою молитву.
Насыпаю (не пройдёте мимо!)
Боровицкий холм**** Ерусалима...

* *Кошерный* — ритуально чистый в еврейской традиции, соблюдающий правила Кашрута (например, кошерная пища — мясо без крови, мясное не смешивается с молочным и т. д.).

* *Тора* — Священное Писание (евр.).

** *Кипа* — шапочка (ермолка), которую носят религиозные евреи.

*** *Боровицкий холм* — один из холмов, на котором строилась Москва.

КИТАЙСКИЕ МОТИВЫ
ИЗ ЦИКЛА «СЕРДЦЕ БЕЛОГО КАМНЯ»
(ЗНАКОМЯСЬ С ТВОРЧЕСТВОМ ЦИ БАЙШИ*)

* * *

Весною лилии цвели,
Весной стихи легко писались.
Сидели гости до зари
И стихотворцем восхищались.

Здесь до утра лучину жгли,
Здесь стихотворец был простужен,
Здесь в лампу масла не нашли —
Оно пошло гостям на ужин.

* * *

Пройдись в моей деревне по дворам —
Все знают всех в лицо, по именам.
И даже ласточки в своей небес тиши
Слыхали о бродяге Ци Байши.

Я в Город Ласточек пришёл — к тебе, Пекин.
И среди людского моря я — один.
Здесь твёрдо знает имя Ци Байши
Лишь тот старик, что сдал мне за гроши
Каморку. Я же с видом виноватым
Четвёртый день прошу понизить плату.

* * *

Пуст мой котёл и прохутился кров,
Для очага сегодня нету дров,
Огонь погас... Но нет нужды в огне:
Сама луна пришла светить ко мне!

* * *

Грустить не успевают мотыльки —
У них минуты очень коротки.
А мне всё тяжелее с длинным веком
Весёлым оставаться человеком.

* * *

Полвека позади.
Ущербная луна
На скорый мой уход
Сегодня указала.

Но как горит луна,
Как требует луна:
- Останься на земле.
Во что бы то ни стало!

* * *

*Я пока ещё не умер...
Ци Байши*

Не умер я пока.
Столетье — не предел
Для жизни памяти,
Для пользы наших дел.

Покуда видит глаз
И пальцы держат кисть —
И смерти не сорвать
С календаря мой лист!

* *Ци Байши* — Ци Хуан Байши
(род. 1963-й или 1960-й, умер в 1957 году) -
китайский художник и каллиграф,
преподавал в Академии художеств в Пекине.

Михаил АСЛАМОВ**БИРА****Виктору Астафьеву**

Засмущаюсь в дороге прогонной,
 Словно что-то исполнить пора,
 Всякий раз, как в окошке вагонном,
 Обозначится имя - БИРА.

Что исполнить - давно мне известно,
 Потому и смутилась душа,
 Что и ныне вот
 Данную местность
 Проскочу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
 Позабуду её вдалеке,
 Вспоминая короткое имя
 В подорожном казённом листке...

Вот нагряну, надеясь на отпуск,
 Похожу от крыльца до крыльца,
 Феофана Асламова отпрыск -
 Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит? Прошло столько лет уже,
 Он тут пожил - как будто в гостях:
 Рвался к морю, да баба последышем
 Разрешилась в пути второпях.

АХ, ОТЦЫ!

Точно шанежка сладкая,
 Тяга древняя к дальним краям...
 Становились нам станции бабками
 Повивальными, их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?
 Но я знаю, как только смогли,
 Эти станции нас обряжали,
 Эти станции нас берегли.

Всем, что было, умели делиться.
От душевной своей доброты
Тёплым мякишем в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Сладко-сладко
Мазутом и мятой
Пахнет раннего детства земля.

Вот и колокол вызвонил зычно -
Отправленье.
Составу вослед
Покачнулась Бира, словно зыбка,
Из которой я выполз на свет.

* * *

В ночь беззвёздную, как бездна,
Снова вспомнил об отце...
Долго с ним перед отъездом
Говорили на крыльце.

Был ещё он вроде б в силе,
Мирно трубочку курил.
Говорили, говорили...
Больше я всё говорил.

Мне б тогда припасть сердечно:
«Батя, мол, благослови!»
Ну, а я ему - про вечность,
Про учёности мои.

Меж речами златоуста
Уловив, однако, брешь,
Он сказал мне грустно-грустно:
- Ты, сынок, побольше ешь.

- А не то, - добавил хмуро,
Прядь седую беребя, -
Эта самая культура
Паром выйдет из тебя...

Ну, молот я - вспомнить стыдно!
 Больно метят нас года.
 Он-то жил, хоть и не сытно -
 Не бахвалясь никогда.

Ставил срубы - глянуть любо!
 Бога попусту не клял.
 Сколько помню, словом грубым
 Никого не оскорблял.

И, воспитывая сына,
 Сам поднявшись из заплат,
 Не жалел он керосина
 И других каких затрат.

Так и жил - не для парада,
 А для жизни в трудный век,
 Потому как он, взаправду,
 Был культурный человек...

Ночь замыла деревеньку,
 Затуманила лицо...
 ...Поднимаюсь по ступенькам
 На отцовское крыльцо.

ЧЕЛОВЕК С БУХЕНВАЛЬДСКИМ ЗНАЧКОМ*

Мы попутчики.
 Мне незнаком
 Молчаливый купейный сосед мой.
 Он шуршит одиноко газетой,
 Человек с бухенвальдским значком.

Оказавшись потом остряком,
 Улыбаясь вставными зубами,
 Анекдотом меня позабавил
 Человек с бухенвальдским значком.

Он смеётся надрывным баском,
 От сухого заходится кашля...

А о том - не проси, не расскажет
Человек с бухенвальдским значком.
Он огонь высекает молчком
И к нему припадает, прищурясь, -
Табаком свою память врачует
Человек с бухенвальдским значком.

Он сошёл на разъезде ночном
(Получилось прощание банальным...) -
Человечества совесть больная -
Человек с бухенвальдским значком.

* Бухенвальд - самый крупный нацистский лагерь смерти в Тюрингии (Германия). Действовал до 1945 года, в нём побывали 280 тыс. заключённых, 55 тыс. из них погибли.

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему - хоть под откос!
Ни дать, ни взять - курьерский,
Когда вожжа под хвост!

Тот плавлен так - на зависть
И важен так - на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясёт - не вмоготу.
Наверно, паровозик
Шурует на спирту.

Но, в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то такая
В нём прелесть всё же есть.

Он так людём напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он демократичней
От тесноты такой.

Тут жизнь встаёт в натуре
Из мешанины слов
В людской аспирантуре
Тех, местных, поездов.

А то вот, как с разбега,
Да в омут канешь в сон -
И явится телега
С травой или с овсом.

Трясёт её просёлоч,
И конь бренчит уздой,
И ты - такой весёлый,
К тому же - молодой!

Луга да перелески,
И не в беду - беда...
Такие сны
в курьерских
Не снятся никогда!

Поверьте мне, быть может,
А может быть, и нет...
О боже!
С полки всё же
Свалился мой сосед!

Евгения БАТУРИНА

* * *

А ты ещё смуглей вблизи,
Как царь языческий и дикий.
На золотистых жалюзи
Играют трепетные блики.

Из льна молочного хитон
Спадает с плеч волной небрежной.
И твой негромкий баритон
Звучит застенчиво и нежно.

И сквозь вселенский блеск и шум
Я дорожу одним мгновеньем.
Но об одном тебя прошу:
"Не обжигай прикосновеньем!"

* * *

Я полюбила сумерки зимой:
За синеву морозные и свечи
Далеких звезд с туманною каймой,
За то, что ты порой идешь навстречу.

За тени от деревьев на снегу,
За тихие безлюдные аллеи,
За то, что я сама себе не лгу
И ни о чем напрасно не жалею.

За грусть и радость, что могу одна
Гулять, желанье загадав любое,
И постоять у твоего окна,
Давным-давно забытая тобою.

За то, что я могу пойти домой,
За то, что месяц безмятежно светел...
Я полюбила сумерки зимой,
Как любят сказки маленькие дети.

ВЛАДИВОСТОК

Я в городе, где чайки сгоряча
Кричат над морем о чужой печали,
Где ветры рассыпают по плечам
Слова и кудри, где штормит вначале.

Где сквозь молочно-голубой туман
Сerp месяца желтеет на рассвете,
Где нежность не похожа на обман
И где мужчины, как большие дети.

Где с поезда подняться на вокзал
И до Морского - здесь подать рукою,
Где у прохожих ясные глаза:
В них синева небесная с морскою.

Где с прошлогодней ржавчиной листок
Вдруг кто-то с дуба мне под ноги бросит...
Непредсказуем так Владивосток,
Что в нём весна напоминает осень.

* * *

Тоска по предкам с каждым днем сильней,
По их земле и по забытой доле.
Как тяжело поэту без корней,
Как сорняку засохшему на поле.

Как страннику с дырявою сумой,
Что посохом в болоте ищет брода.
Душа поэта просится домой,
А он не знает своего народа.

Остаться на ночлег в чужом дому,
Проснуться утром - и опять в дорогу.
Ему бы помолиться. Но кому?
Какой молитвой и какому богу?

ЦАРЬ СОЛОМОН*

Словами страстными и странными
Тревожа сердце мне сквозь сон,
Ночами августа туманными
Ты снился мне, царь Соломон.

Ты звал меня в сады прохладные,
Туда, где лунные лучи
Ласкают лозы виноградные,
Где бьют горячие ключи.

Ты звал меня глазами, голосом.
Был взор твой нежен и глубок.
Ты смоляным волнистым волосом
Касался губ моих и щёк.

Всевышним нити судеб вяжутся.
Твоим лишь именем живу.
Ты звал меня, и мне всё кажется,
Что это было наяву.

* Соломон - легендарный царь Израиля, прославившийся своей мудростью. Ему приписывается авторство Песни песней - лирико-эротической поэмы, вошедшей в Библию.

Хаим БЕЙДЕР

НА ИДИШ

Прищури́в глаза, он всерьез удивился,
Как будто я вдруг с того света свалился,
И молвил: "Неужто стихи свои пишешь
И вправду на идиш?"

Конечно, с вершины двадцатого века
Ему я пещерным кажусь человеком,
Вороною белой, чья песенка спета:
"Зачем тебе это?"

Ему безразличен, он в этом признался,
Язык, на котором я с ним бы общался:
"Английский?" - Конечно. Предельно все ясно...
"Турецкий?" - Прекрасно.

"Но идиш? - спросил он. - Язык разве это?"
Не верю, что память не знает ответа:
Иль ты не имел здесь, в местечке на Буге,
Сестры иль подруги?

Иль, может, забыл ты, что в ямах зловонных
Расстрелянных братьев лежат миллионы?!
Они ведь на идиш пред смертью кричали!
Не помнишь? - Едва ли...

А может, совсем не на идиш звучала
Та песня, что мама тебе напевала
Пред люлькой твоею, смеясь или плача?
Нет, глаз ты не спрячешь!

Ты лжешь! Пока сердце в груди твоей бьется,
Как искра, язык этот в нем остается,
Но рвется наружу, чтоб вспыхнуть как пламя.
Навеки он с нами!

И сколько б не знал языков ты, донине
Наш идиш - и совесть твоя, и святыня.
Его, словно мать, что всех в мире дороже,
Предать ты не сможешь!

Перевод Семёна Вайнблата

НАВОДНЕНИЕ

Земля плыла в воде по горло,
Крича навсхлип, навзрыд, взхлѐб:
"Я не могу! Мне горько! Голо!
Останови, Господь, потоп!"

Но в трубы грома ангел гнева
Трубил и, дух переведя,
С размаху оземь шмякал небо
Под барабанный гул дождя.

И снова хмурился могучий,
И вновь грозил своей трубой,
И ветер гнал седые тучи
За сто морей на водопой.

Перевод А. Бродского

ДОБРОЕ УТРО, ГОРОД!

Зачем эта "Волга"? Такси пусть уйдѐт!
Послушайте лучше, как сердце поѐт.

Мне отдых не нужен, и завтрак - потом:
Мы сразу с вокзала на Биру пойдѐм.

Там столько оставлено встреч и потерь...
Там в домике настѣжь распахнута дверь.

Еѐ не закрыл я, чтоб ночью и днѐм
Друзья согревались в жилище моѐм.

Огонь там не гаснет - он виден в окно,
Друзьям приготовлены хлеб и вино.

Года пролетели, а кажется - миг...
Не бойтесь - я выведу вас напрямик.

Мне всё здесь знакомо, всё памятно мне,
Как будто прошли эти годы во сне.

Так здравствуй, мой город! К тебе я спешу!
Тебя я всю жизнь в моём сердце ношу.

Дороги, разлуки, года, города...
Но ты был со мною везде и всегда.

О чём же грустит твой осенний наряд?
Не тронет любви никакой листопад.

По-прежнему молодо смотрят глаза,
Ты видишь: я здесь, я вернулся назад.

Я так изнывал без тебя от тоски...
Пешком!
Напрямик!
И не надо такси!

Перевод А. Бродского

БЕРЁЗКА

Среди елей стройных, броских,
Как с иголочки одетых,
Робко замерла берёзка
В золотом разливе света.

Ели шествуют в наряде
Щегольском, зелёном, вечном.
Ей же, голой, снится рядом
Сон о платье подвенечном.

Ей досадно, ей обидно -
Будто всюду пересуды:
- Гляньте, как она бесстыдно
Солнцу выставила груди!..

Перевод М. Фильштейна

* * *

Целый день разборчивое небо
Цвет и настроение меняет.
То висит бессолнечно и немо,
То округлый глаз его мигает.

И тогда волна тепла и света
Омывает пасмурные лица.
Но лишь миг - и снова вихри ветра
У деревьев похищают листья.

И гудят деревья, начиная
С диким ветром древнее сражение.
И земли накладка золотая
Бьётся от его прикосновенья.

Перевод Н. Бабицкой

ЗАКАТ

Простор полусном объят.
Объятя, как дым, легки.
Спустился тихо закат
На чистую гладь реки.

Малиновый воздух пить
Беззвучно стала река.
Луча золотая нить
Порезала облака.

И Бира светла опять,
И бег ей сдержать невмочь.
Не может сопка понять
Кто царствует: день или ночь?

Перевод Н. Бабицкой

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Тех первых, кому имена — старожилы,
Поднявших топор и наладивших пилы,
Чтоб гулом таежные дали наполнить,—
Ты должен их помнить!

Парней и девчонок Бердичева, Балты,
Чьих песен не пел ты, чьих судеб не знал ты.
Чей путь и на карте найти не сумеешь —
Забыть их не смеешь!

Иду я по улицам, паркам и скверам,
В которых — их песня, их воля, их вера,
И в гомоне будничных дел и событий —
Как можно забыть их?

У них уже — внуки, они уже — деды,
Но встал монументом борьбы и победы
Их город, охваченный шумом зеленым,—
Нижайший поклон им!

Здесь каждая пядь по лесам и болотам
Их честным, их праведным полита потом.
О, кто был верней и надежней тех первых? —
Ты помни, ты верь в них!..

Перевод Л. Беринского

ПЕРВЫЙ ГЛОТОК

Рассветной раннею порой
Он вышел на берег речной
И тихим взором лес обвёл:
Он дошагал, достиг, добрёл!

А за рекой, на берегу
Олень отпрянул на бегу.

Не бойся, трепетный олень,
Благословен твой ясный день!
Иди, пришельца не страшись —
Ведь он не смерть несёт, а жизнь!

Ушёл олень и всей тайге
Трубил о встрече на реке...

А человек горячим ртом
Припал к воде. Она листом
Пропахла и была чиста,
Как воплощённая мечта.

И он глотнул — и тот глоток
Потом всю жизнь забыть не мог!

Перевод Л. Беринского

ЗАКАТ НА БИРЕ

Солнце кануло, в тоске
Заломив лучи.
И закат уста в реке
Жадно омочил.
Приподняв свой кряж, Хинган
Смотрит, как река,
Изгибая гибкий стан,
Бьётся в берега.

И пока закат алел,
Солнце скрылось прочь.
День багрово догорел.
Наступила ночь.

Перевод А. Бродского

АВТОБУС “СОПКА-ВОКЗАЛ”

Что ж вы молчите: крик застрял во рту?
Как молния, как выстрел, как обвал -
Табличка на автобусном борту:
“Сопка-вокзал”.

Обычайший маршрут...
Так почему
Всей логике житейской вопреки
Я потрясенно подхожу к нему
На расстояние дрогнувшей руки?
Уже вошёл последний пассажир,
И дверь водитель тихо затворил...
Что ж вы молчите?
Разве этот мир
По-прежнему таков, каким он был?

Остановись, о жизнь моя!
Постой!
Пусть вновь приснится тот далекий сон:
Вокзал и сопка — год двадцать восьмой,
Вокзал и сопка — первый эшелон.

Как дышит стужей чёрная тайга:
 Не струсите?
 Пробьётесь?
 Хватит сил?
 Скользит по зыбкой насыпи нога,
 И временный качается настил...

Не трусили.
 Пробились.
 Мысль и труд —
 Великие начала всех начал.
 Лети, автобус! Верен твой маршрут:
 “Сопка-вокзал”!

Перевод А. Бродского

ДОЖДИ ВСЮ НЕДЕЛЮ...

Дожди всю неделю,
 Дожди всю неделю,
 Так льёт, что хоть в реку
 От сырости лезь...
 Мы, город, проститься с тобой не успели,
 А просто я вышел —
 И снова я здесь.

И люди всё те же,
 И улицы — те же,
 И в окнах — шуршащие капли тоски,
 И влажным туманом одето безбрежье
 Сереющих сопот
 И дымной реки.

А помнится, было,
 Душа не забыла, —
 Но, боже мой, как это было давно! —
 Вечерняя Бира по берегу била,
 И ждали друзья,
 И глядели в окно...

И вот я вернулся, —
 Как будто проснулся.

Я тот же, а вы — не успели забыть?
Простите, что боли невольно коснулся:
Хотелось бы с вами
Лишь радость делить.
Мы стали старше,
Мы стали мудрее
(Как жалко, что сверстницы наши седы!)
Зато подросли молодые деревья,
Зато расцвели молодые сады.

Не всё мы успели,
Не всё мы допели.
Что делать — так издавна заведено...
Дожди всю неделю.
Дожди всю неделю...
Но что это?
Звёздочка!
Смочит в окно...

Перевод А. Бродского

БУДЬ ЧИСТ И ПРОСТ

Будь чист — и в удаче, и в горькой доле.
Будь чист, как слеза на глазах малыша,
Ещё не познавшего истинной боли.
Как поле под небом, как небо над полем,
Когда воедино — и плоть, и душа.
Будь прост.
Пусть предвестье неведомых истин
Созреет, как в семени зреет росток,
Дающий могущество кроне и листьям.
А ты, как земля, будь всегда бескорыстен:
Без соков её кто же был бы высок?

Но если в душе — и такое бывает! —
Не всё безупречно... Не падай на дно:
Есть пятна на солнце, но не убывает
Живительный свет, что тебя согревает.
Вот пламя! Но как милосердно оно...

Перевод Р. Добровенского

РОДОСЛОВНАЯ

Светлые,
Милые мне имена —
В них ли душа моя погребена?
Шапочник Вэльке
Да Ицик — кузнец,
Боль моя вечная — дед и отец...

Пепел местечек, поросших полынью,
В сердце безмолвно стучит и поныне,
Плачет земля,
Вопиют небеса —
Ваши мне слышатся в них голоса.

Светлые,
Милые мне имена,
Кто мне ответит, и чья тут вина?
Может быть, Ривка — мама моя?
Может быть, бабушка Цирл моя?

Нет их.
И нет их имен и теней,
В памяти только остались моей.
Боль моя сыну и внуку твердит:
Все позабыто,
Никто не забыт.

Светлые,
Милые мне имена,
Вам ли растаять виденьями сна?
Кто же поймёт этот скорбный упрек:
Как я берёг вас!
И не уберёг...

Перевод Л. Беринского

ПОЙДЁМТЕ, ЛЮБА!

Л. Вассерман

Пойдёмте, Люба!
Вы мне так давно
Хотели показать в часы заката
И ветреной зари веретено,
И вечер, догорающий крылато,
И золото заречного костра,
И голубой туман над кромкой луга,
Как неба ткань прозрачна и пестра...
Пойдёмте, Люба!

Пойдёмте, не спеша, не торопясь, —
Туда, где Бира плещет и играет,
И белой пены кружевная вязь
О чем-то давнем мне напоминает.

Пойдёмте, Люба!..
Сопка вся в огне,
Обшита золотистой каймою.
Всё меньше на мосту машин,
И мне так хорошо здесь с вами над рекою,
Где в мир, что волшебством преображён,
Ни горе не ворвётся, ни разлука,
И юность здесь мерещится, как сон...
Пойдёмте, Люба!..

Перевод А. Бродского

Исаак БРОНФМАН**К ПЕРЕВОДЧИКУ**

Ты не шей мне новых одеяний.
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мне благодеяний.
Ты оставь меня таким, как есть.
Невысок и рус, закалки прочной,
С грудью, что кузнечные меха.
Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.
И ко мне мои приходят строки -
Шумный вихрь прожитых мною дней.
С гулом тракторов на солнцепёке,
С пеньем рельс и звоном тополей.
Вот они - бессонными ночами
В муках мной рождённые - бери!
Но смотри моими ты глазами,
Сердцем ты моим, прошу, смотри.
Спой, как я! И радость, и улыбки,
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.

Перевод А. Рыбочкина

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллея -
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов
И перебранка пил.

Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таёжный воду пил.
И не жалею,
Что кирпичиком здесь лёг я
Вот в эти мостовые
И дома.
Взметнулся город
Птицей-песней лёгкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
"Смеяться здорово,
Врачи велют смеяться!"
На площадях цветёт сирень, акация.
«Шолом-Алейхем!» - это значит
"Мир вам!"
Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,
Укутанный таинственностью снов.
Шолом-Алейхем -
Звонкий мастер слова -
Любил людей
И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова
На улице,
Носящей это имя.
Здесь поднялись дома
До неба синего,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди
Честные и сильные -
Строители
Невиданнейшей нови.
Когда рассвет
Крыло зари расправит
И приподнимет
Чёрный полог ночи,
Ему навстречу
Двери открывает

К станкам своим спешащий
 Люд рабочий.
 О, если б мог
 Шолом-Алейхем видеть,
 Как труд их светел,
 Радостен и славен.
 Он - вечно молодой
 Смешливый витязь,
 Великой Песнью
 Песней б их прославил.
 Над городом -
 Распахнутые дали...
 Шолом-Алейхем, люди!
 Мир вам, люди!
 И улице мы это имя дали -
 Она достойна.
 И всегда так будет!

Перевод В. Соломатова

ЖИВОЙ РОДНИК

Вот снова я моюсь
 Целебной кульдурской водицей*,
 Горячим туманом
 Встает над источником день.
 Склонённая ветка
 В бегучие струи глядится,
 Легка и приятна
 Её благодатная тень.

Я вижу оленя,
 Того, из старинных сказаний,
 И отзвук я слышу
 Его притомлённых шагов...
 Вот вылечил раны он,
 Вот он, стремительный, замер,
 Вот поднял в прыжке он
 Корону ветвистых рогов...

Родник! Расскажи мне,
 А сколько с тех пор пролетело

Суровых и славных,
И чёрных, и светлых годов?
...Вот силой оленьей
Моё наливается тело,
Готов я к полётам,
К нелёгким походам готов.

Поэзия, жизнь моя!
Будь как целебный родник,
Который повсюду
Для счастья людского открылся.
Хочу, чтобы всякий,
Кто раз к тебе с жаждой приник,
Навек от недугов души исцелился.

Перевод С. Смолякова

* ...целебной кульдурской водицей.- Кульдурские горячие источники дали начало бальнеологическому курорту российского значения на севере ЕАО.

* * *

Лес
В душу лез.
Он пах хвоею,
Гудел, раскачивался, чах,
И небо светло-голубое
Держал на сгорбленных плечах.
Снег таял... И в его останки
Апрель вколачивал траву.
Мы отдыхали возле танков
И молча слушали Москву,
И сухари жевали с грустью,
В ручей макая их сперва,
И нам казалось - пахнуть Русью -
Простые русские слова.
За тридевятым перевалом
Осталась милая страна,
И в нашей памяти вставала
Родная наша сторона -
Деревней,
Улицей неброской,

Резной скамейкой у ворот,
 И той единственной берёзкой,
 Что вечно в памяти живёт.
 И вдруг сигнальная ракета
 Взметнулась каплей голубой
 Над лесом,
 Означало это -
 Нам снова в бой!
 Нам снова в бой!
 За вёсны, что у нас отняты,
 За всё, что отдано войне,
 За вас, погибшие солдаты,
 Мы бьёмся в дальней стороне.
 За мир от края и до края,
 За землю милую свою...

Мы взяли город у Дуная
 В том наступательном бою.

Перевод В. Шульжика

ИСПРАВЛЕННАЯ ОТМЕТКА

В детстве был учитель у меня,
 Знающий, но очень уж суровый.
 Недовольством сдвинутые брови
 Памятны до нынешнего дня.

Помню, вызвал к карте: - Ну, дружок,
 Покажи-ка Венгрии столицу...
 И пришлось мне, помню, провалиться:
 Отыскать столицу я не смог.
 - Что ж, садись, - сказал он, - единица!

Прошумело много долгих лет.
 Как-то в Будапеште на привале
 Повара танкистам подавали -
 В первый раз по-мирному обед.

Мой дружок, механик-сибиряк,
 Помню, мне сказал тогда с улыбкой:

- Ты, земляк, не убивайся шибко,
Ты теперь в отличниках, земляк.
Не на карте, а в святом бою
Ты нашёл венгерскую столицу.
Дома школу навести свою -
Пусть старик исправит единицу.

Перевод С. Смолякова

СЫГРАЙ МНЕ, НЕХАМЕЛЕ!

Несложного напева повторенье...
Я дочери соседа говорю:
- Играй! Тебе всегда я отворю
Скрипучие врата стихотворенья.

Нехамеле, сыграй на скрипке снова!
Тебе я в стену грозно не стучу.
Я по складам мелодию учу,
Чтоб сочетались в ней и музыка, и слово.

Без музыки бы души онемели,
Искусство онемело бы тотчас.
Когда вбегает песенка, лучась,
То праздник настанет среди недели!

Нехамеле, нет лучшего в природе,
Чем эта дружба скрипки и смычка!
Я вижу: наполняется строка
Сиянием и трепетом мелодий...

Перевод Р. Добровенского

* * *

Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада.
Попудь со мною, говорить не надо,
Давай споём под музыку воды.

Пусть нашу песню слушают цветы,
 Девичий голос жадно ловят птицы,
 Им у тебя полезно поучиться...
 Никто здесь не был - только я и ты.

Дрожат росинки на ресницах трав,
 В них маленькие радуги играют.
 Восторженно глаза твои сияют,
 Всю красоту весны в себя вобрав.

Ты улыбнулась, словно кто позвал,
 Меня, родная, это не тревожит:
 Другой влюблённый звать тебя не может -
 До нас никто в долине не бывал.

Перевод Н. Филипкиной

КОСАРИ

Три косаря сидят под стогом,
 А луг порывом ветра смят.
 По голубеющим отрогам
 Густые сумерки скользят.

Плывёт луна.
 Мигают звёзды.
 И вечер падает на луг.
 - Эх, красота! А воздух! Воздух! -
 Один из них промолвил вдруг.

Второй добавил: "Прелесть просто!"
 А третий: "Чудо!"
 И опять,
 В молчанье трепетном и остром
 Царит земная благодать.
 Сгустилось небо грозное,
 Зарницы вспыхнули вдали.
 Как три солдата после боя,
 Сидят под стогом косари.

Перевод В. Соломатова

ДВЕ БЕЛЫХ РОЗЫ

Две белых розы в комнате моей.
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня, и много дней,
Они, как два светильника, горят.

Их поливаю чистою водой,
Слезами - с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.

Я двух сестёр лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я, как памятники им.

Заходит солнце. Время поливать.
Нам надо жить - любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать,
И охранять, и охранять живых...

Перевод А. Рыбочкина

Виталий БУРИК

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

На крыльях ветра, на снежных хлопьях,
на серых крышах, на дымных трубах,
судьба писала, да не поспела
до первой ночи зимою белой.

Зимою снежной, зимою вьюжной
простужен город оконным кружевом.
Мороз — что путник уснул убогий,
во сне он держит чашу с грогом.

Горячий грог — убийца грусти,
избавит мир от лишней мудрости,
от лишней боли, от личной злобы...
Во сне не так холодны сугробы.

Там странный малый летит над миром,
где праздник ёлок в теплых квартирах.
В день первый года он смотрит в окна
с той стороны, где очень холодно.

ИЗ МАЛЕНЬКИХ ПОЭМ

ДОМ ДОЖДА

Дом. Лестница.
Гость без лица
Вошел, пододвинув
В передней стул.
Сел у окна.
За дощатой стеной,
Где живет тишина, —
Дробный стук.
Вдруг раскололся
На тысячи капель
Хрустальный шар.
Чей-то чуть слышный
На лестнице шаг

Вторит в комнате
Тени шорохом.
Ворохом листьев
Клен ответил.
А лестница — скрипом...
Поднявшись со стула,
Гость вышел.
И дверь тишину разломила.
Букет лакированных вишен
Сквозь промытые стекла
Стучался... Шаги —
Всё тише,
И — стихли.
Ты — слышал?

ВОДА

Повторяю тебя наизусть,
заполняю от края до края
свои кладовые молчания
тобой, как прозрачной
холодной пьянящей водой.
Повторяю, как заклинание
в неизбыточном желании рая,
все твои имена и надежды,
все, что так мимолётно тобой,
было сказано — пролито
быстрой текучей водой.
Задержать мудрено на стремнине
вместе с вечно текущей водой
голос, ставший однажды тобой
для меня в иссушенной пустыне,
но во мне растворившись, отныне
он живет полноводной рекой.

* * *

Солнца жизнь дарит свет,
В море - золота блик,
Рыбы вглубь унесут
Мокрый солнечный лик.
Шевельнется тогда
Сонной тины покой -
Мячик солнца вода
Вверх подбросит рукой.

ПТИЦА

Почему так холодно?
Город за околицей
Льдом сухим щетинится,
Ветром в окна бьет...

А Она - по городу,
В ночь, навстречу холоду,
Сердце - птахе жаркую
Любимому несет.

А придет - согреется,
Будет вновь надеяться,
словно в хрупкой лодочке
по шальной реке...

Лишь душа хмелела бы,
Только б птаха пела бы,
Да не околела бы
В ледяной руке...

ПРИРОДА ВОСТОКА

* * *

Ветер на озере.
Верёвочка от капюшона
хлещет по озябшей щеке.

* * *

Когда умирает сом,
он вытягивается в столбик.
Мокрая скользкая сабля.

* * *

Тропка. В развалку
прошёл медведь,
как человек без обуви.

* * *

Чахлах осин хоровод
ворожит омелой.
В просвете ветвей - луна.

ДЕВУШКИ КИТАЯ

Девушки Китая —
Маленькие лисички
С печальными глазами
И призывной улыбкой...

Часто — с неровными
И крупными зубами...

Девушки Китая —
Мужская деловитость,
Гуттаперчевая гибкость.
Лилии, цветущие вечером.

И как лилии — вянут,
Превращаясь во взрослых.

С усталыми глазами,
Неизгладимыми морщинами,
Виноватой улыбкой,
Будто сияясь вспомнить

Нежное время,

Будто желая донести

Ветерок той свежести...
Будто говоря:
« — Эксюз ми, я была бы рада,
но, — эксюз ми, это — не я...»

*Люба ВАСЦЕРМАН***ПРОЩАНИЕ**

Глаза мои во тьме горят прощальным жаром,
 Наш месяц отшумел, как буйное вино.
 Склони своё лицо с коричневым загаром,
 Быть может, новых встреч уже не суждено.

Мы росли с тобой в грязи глухих предместий,
 На этом - я, а ты - на том материке.
 И встретились в строю голодных масс. И вместе
 За хлебом и трудом пошли, рука к руке...

И оба мы с тобой теперь в стране свободной.
 Но месяц пролетел... Захваченный борьбой,
 Ты едешь вновь туда... Звучит сигнал отходный.
 И сердцем я своим, и мыслями - с тобой!

1937

Перевод А. Гая

В ТЮРЬМЕ

Я знаю, по улице бродит весна,
 Деревья цветут, слышен смех.
 Моя ж одиночка из камня - тесна,
 На голову падает снег.
 За долгие годы я стала седой,
 Без радости и без души.
 Но лучик в оконце сверкнул золотой
 И слёзы мои осушил.
 Он тихо шепнул, что за этой стеной
 Привольно гулял ветерок,
 И неподалёку меня ждут домой
 И муж, и любимый сынок.
 Тут сумрачно-тихо, молчанья печать.
 На двери - тяжёлый замок.
 Растерзаны чувства, лишь в сердце печаль,

Лишь каменный этот мешок.
А я - птица в клетке, и крылья - больны.
Сию, согреваясь мечтой
Лететь из тоски, из нелепой вины,
И спрашиваю: "За что?"

Начало 1950-х
Перевод А. Акименко

МОЙ ДОМ

Нет, места эти не были дикими -
Первозданными были.
Вдали
Сопки таяли в солнечной дымке,
Ждали нас,
И тогда мы пришли.
И земля оживала богатая,
В изумленье гудели леса.
Даже эхо устало подхватывать
Наши юные голоса.

СЫНУ

Люблю тебя кормить я утром, мальчик мой!..
Ещё в твоих глазах - лишь первый отблеск света,
Но сна уж нет - и кровь поёт во мне самой,
Приливом свежих сил и нежностью согрета.

И реет тишина - прозрачна и легка,
Когда склонюсь к тебе я в трепете счастливым,
И алый ротик твой, как лепесток цветка,
Опять к моей груди приникнет торопливо.

Мне так легко с тобой, привольно и светло,
Дыхание твоё - сочнее винограда,
Твой взгляд - как песня для меня, твоё тепло
Во мне - как вешний сок, животворящ и сладок!..

Когда впервые ты меня узнал, любя,
 Зажглись твои глаза, чтоб никогда не гаснуть.
 И в первый раз тогда, взяв на руки тебя,
 Увидела я мир в твоей улыбке ясной.

Перевод А. Гая

МОЯ РЕКА

Она звенит, бурлит она
 Напротив моего окна.
 Загадочная, как века,
 Струится горная река.
 И дни и ночи напролёт
 Песнь песней мне она поёт.
 Она всё шире и вольней...
 Вот имена реки моей:
 Вмешившая и свет и тень,
 Родная, чистая, как день,
 Зелёной утренней порой...
 Ещё её зовут Бирой.

Перевод Р. Добровенского

ЛАНДЫШ

Это в самом начале лета,
 (В горах начал таять высокий снег)
 Ландыш - комочки снега и света -
 Ты неуклюже подносишь мне.
 Сам их ставишь в стакан с водою.
 Ландыш свесился через стекло.
 Что ты смотришь с грустью такую?
 Думаешь, много воды утекло?
 Думаешь, время свершает кражи,
 Слишком за годом торопится год,
 Снег, что слетает на головы наши,
 Больше уже никогда не сойдёт?
 Нет - за прошедшее нету боли.
 Годы, хоть обманули в ином,

Но отзвенели колосьями в поле,
Но отшумели шипучим вином.
Ох, как бывало тяжело и трудно!
Ох, как сиял и смеялся май!
Что ж ты так смотришь, чужак мой, друг мой!
Ну, подойди ко мне, приласкай.
Нет, не за песни мои - бог с ними!
Только за верность - в аду и в раю...
Эта ладонь твои страхи снимет.
Эта - прогонит печаль твою.
Ласкай, целуй меня. И ничьи нас
Усмешки не смогут уже оскорбить.
Кто нам суд! Когда лоб в морщинах,
Разве грех друг друга любить?

Не хмурься!
Лучше, как травы - свету,
Ты улыбнись,
Как ребёнок - весне.
А будущим летом, в начале лета,
Снова ландыш подаришь мне.

Перевод Р. Добровенского

*Арон ВЕРГЕЛИС***ЛЮБАР***

Вдоль улицы дома крепки,
 Из окон свет - ищи иголку!
 В райком Любарский - напрямки.
 Там знамя красное. Из шёлка!

Но сбиты на дверях замки
 И площадь ров разрезал криво...
 - Да что же это, земляки?!
 - А, будет так до Тель-Авива!

И этот пыльный городок,
 Евреев, красных и Россию
 Раздавит вермахта сапог,
 И втопчет в улицы кривые!

Какой пугающий язык!
 Застывший люд не шелохнётся.
 И удивляется на миг:
 - На чистом идиш фриц смеётся!**

Перевод В. Антонова

* Любар - местечко на Украине, родина поэта.

** Еврейский язык (идиш) в начале XX века многие филологи относили к диалектам немецкого.

РОДИВШИЙСЯ В ТАЙГЕ

Мой брат, родившийся в тайге Биробиджана,
 С рожденья знал пути в лесах наверняка;
 Дремучая тайга и в сумраке тумана
 Была ему ясна, как степь для степняка.
 Он был, как юный кедр, не тот, что пересажен
 В угрюмую тайгу, чтобы сродниться с ней,
 А тот, что из земли здесь вырос ростом в сажень,
 Вцепясь в тяжёлый грунт сплетением корней.

Его отцы прошли по всем дорогам мира,
 И нету для него родней реки, чем Бира.
 Здесь он родился, здесь переболел он корью
 И терпкий сок берёз сосал, как молоко,
 И шёлковой травы зелёные нагорья
 Его, запеленав, баюкали легко.
 Тайга крепила рост его зубов молочных
 Пахучею смолой и корешками трав,
 И ветви в колыбель тянула, чтоб неточный,
 Неверный первый шаг он сделал, не упав.
 Она вела его, как нянюшка, играя,
 В атласный мир листвы, где мог он без конца
 Свистеть и щебетать, дразня и повторяя
 Такого же, как он, задорного птенца.
 Теперь он великан с могучими руками;
 Открытое лицо, и взгляд по-детски чист,
 И бронзовый загар, и кудри - ручейками,
 Он зорок, как орёл, и по-оленьи быстр.
 На юношу взглянув, припомнишь ты неожиданно
 Скитальческую жизнь и ощутишь острей:
 Вот поросль коренных сынов Биробиджана,
 Возращённая трудом еврейских матерей!

1947

Перевод П. Шубина

ЕЩЕ ВЫ, ДЕТИ, НЕ ВИДАЛИ...

Ещё вы, дети, не видали
 Реку Амур?
 Скорей туда,
 Где в затуманенные дали
 Течёт, задумавшись, вода.
 Скорей туда -
 К великой шири,
 К цветам, которых нам не счесть.
 Как в мире люди есть большие,
 Так и большие реки есть!
 Любуйтесь, полные доверья,
 Как птицы радостно галдят,
 Как из воды глядят деревья,
 И как в неё они глядят,

Как белки - добрые соседи -
 Большую рысь ведут на суд,
 И как влюблённые медведи
 Цветы медведицам несут...
 А не видали вы Хингана?
 Как, не видали?!
 Ну, тогда,
 Вставайте завтра утром рано
 И - в самолеты, в поезда!
 Билеты взяли?
 Время смерти!
 Присядьте...
 Ну, и в путь пора!
 ...И где б мы ни были на свете -
 Не за горою та гора...
 А не бродили вы, продрогнув,
 Тайгой, в оврагах и кустах,
 В её зелёных и подробных
 И удивительных местах?
 Для вас, наверное, новинка,
 Что, лишь ложится солнце спать,
 Любая жёлтая травинка
 Зелёной кажется опять?
 Там ходят шорохи и шумы
 И пахнут хвоей родники,
 Там по земле гуляют шубы,
 А по ветвям - вороники.
 И наш таёжный добрый ветер,
 И клады тайные земли -
 Всё ждёт,
 Чтоб выросли вы, дети,
 Всё ждёт, чтоб вы сюда пришли.

1936

Перевод Е. Евтушенко

ЛЕГЕНДА О ДОРОГЕ

Мы острую, как нож, через Хинган
 Прокладывали горную дорогу.
 Взлетал камней тяжёлый ураган,
 И скалы отступали понемногу.

Но тут неожиданно к нам беда пришла:
Сапёра, презиравшего робость,
Взрывчаткой оглушённая скала
Швырнула в холодеющую пропасть.

Мы друга схоронили поутру
И на могилу камень положили.
Потом присели к тихому костру
И головы в молчании склонили.

И, чтобы нас утешить в горький час,
Окинув взглядом горные отроги,
Седой старик с морщинами у глаз
Поведал нам легенду о дороге:
Давным-давно, в седые времена,
Однажды звёзды все затосковали
О той звезде, которая б одна
Ночного неба озаряла дали.

И так случилось, что на их мечты,
Почти совсем к земле уснувшей свесясь,
Необычайно яркой красоты,
Вблизи вершин родился тонкий месяц.

И, прежде чем пронзить ночную тьму,
Отдав себя небесному чертогу,
Просил он звёзды указать ему
На небе еженощную дорогу.

Звезда к звезде прижалась в тот же миг,
И, хоть с небес сорвалось их немало,
На небосводе Млечный Путь возник,
И месяцу всё ясно сразу стало.

Он не спеша в бескрайний плыл простор,
Сменил на радость тяжкую тревогу...

Старик умолк, а молодой сапёр,
Фуражку сняв, поцеловал дорогу.

1939

Перевод Я. Козловского

ХАНЕШОМЕ ЛОХ ВЕХАГУФ ШЕЛОХ*

Говоришь, и плох...
 Слышишь этот вздох:
 - Ханешоме лох вехагуф шелох...
 От твоих щедрот
 Хватит мне и крох!
 Ханешоме лох вехагуф шелох.
 Всё отдам тебе!
 И, хоть мир широк,
 Ханешоме лох вехагуф шелох...

Ханешоме лох вехагуф шелох...
 Получил я всё.
 Что ещё бы мог?..

Перевод Р. Казаковой

* "И душа моя и тело принадлежат Тебе" (древнеевр.)

* * *

Ночь к тайге прижалась чёрной тенью,
 Изморозью звёздной блещет высь,
 Там огни, погасшие в селенье,
 Светочами яркими зажглись.

Сопка, свой хребет над речкой выгнув,
 Пьёт у водопоя на мели,
 По-тигриному на сопку прыгнув,
 Волны по-кошачьи вниз сползли.

Ночь, оставив лес, идет всё выше
 И редет на скользком ветру...
 Вот в посёлке засветтели крыши
 Изморозью белой поутру.

1936

Перевод С. Наровчатова

* * *

Все безмолвно вокруг,
Воздух свежий, пахучий.
В чаще леса стою,
Грусть приходит ко мне.
Если б ветви сломать у деревьев могучих,
Я б услышал их голос живой в тишине.
Грусть и страх подбираются тропкой лесною,
Будто сквозь испытанье иду напролом.
Хоть бы зверь на ночлег пробежал стороною,
Хоть бы птица в листве шевельнула крылом!

Озарённые сопки, зелёные чащи,
Перелески, идущие за перевал...
Хоть бы в небе звезда раскололась на части,
Хоть бы месяц свой путь на минуту прервал!

Чуть прищурю глаза -
И увижу сквозь ночи,
Как шагают друзья мои к зорям своим,
И тропинки таежные под ноги молча,
Словно рельсы под поезд, бросаются им.

1935

Перевод М. Лисянского

КТО МОГ МЕНЯ УБИТЬ?

Я в резервате Люблинском не сгнил,
Не замордован на Мадагаскаре.
Я участь сотен тысяч разделил
В печах и душегубках, в Бабьем Яре.

Повешен в Беловежской Пуще был,
И зябнул, раздеваясь надо рвом я,
И смерть, от боли корчась, торопил,
Когда на спину падали мне комья.
Но, пробуждаясь к жизни, чтобы мстить,
Я всякий раз вставал и шёл в сраженья.
Кто мог меня убить? Кто мог убить,
Познавшего и смерть и воскрешенье?

1959

Перевод Л. Беринского

ЦИМЕС

Вы говорите:
- С нами
Шутило время зло,
Потешило листьями,
Да корни извело.

И роднички-местечки
Ушли из почвы...
Впредь -
Ни в очаге, ни в печке
Нам цимес не согреть...
Из родника родного
Испив, мы вышли в путь.
А цимес, тот жаркого
Не лакомей ничуть.

Давайте на привале
К стволу прильнем спиной,
Чтоб листья в небо впали,
А корни - в пласт земной.

1975

Перевод А. Королёва

* * *

*Марина Цветаева
вернулась из эмиграции.
Москва, 1939 г.*

Вязанный берет - до бровей - и пошла.
Как в Иерусалиме, горят купола...
Лёгкой поступью по Москве идёшь.
Согревает душу славянский дождь.
Царственна. Красивее всех богинь.
Но из кожи лезут: "Где муж?", "Где сын?"
Знала бы, что это твой последний шаг,
И дела - Вечности на весах...

Перевод А. Акименко

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

Я закрою глаза,
Приглушу яркий свет -
В полумраке было видней.
Память ищет
В хранилище собственных лет
Самый лучший из прожитых дней.
Я почувствовал: вот он!
На грани времён.
Между прошлым и будущим - здесь.
Словно яблочным соком, я им опьянён,
Терпким счастьем проникнулся весь!
Только здесь и сейчас!
Нету лучшей поры,
Чтоб к живительной влаге прильнуть.
Как ребёнок, сегодня его я открыл.
Мне осталось его зачерпнуть...

Перевод А. Акименко

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ АДАМА

Адам, человечек мой первый, пригожий!
Сделать подругу тебе из чего же?
Ну, из какой твоей части телесной
Сделать жену тебе, мальчик прелестный?
Выберу губы - так будет хвастуньей,
Сердце - завистницей будет и лгуньей,
Ухо - весь мир оглушат её трели,
Око - будет подглядывать в щели,
Ногу - бегать к другим она станет,
Руку - брать никогда не устанет,
Если язык - не видать нам покоя,
Будет длинней язычок её втрое!

Адам, человечек мой, баюшки-бай...
Лучше-ка ты своё рёбрышко дай,
На рёбрышке - мясо под кожей атласной,

Ни уха, ни глаза - вот это прекрасно!
 Спи, люлиньки-люли... Я рёбрышко выну
 И сделаю Еву, твою половину.

Вот я причинил тебе страшную боль -
 Готова жена! Наслаждаться изволь!
 - Спасибо за это сокровище, боже!
 Хвастунья она и завистница - тоже,
 Крикунья - у мира трещат перепонки,
 Подглядывать - счастье для этой шпионки,
 От мужа налево бежит - догоняй-ка!
 Ох, братъ обожает моя скупердяйка,
 Трещит языком она целые дни, -
 Создатель, ребро мне на место верни,
 Хоть раз мне, о господи, сделай добро -
 На место, на место верни мне ребро!

Адам, человечек мой первый, бай-бай....
 Судьба такова твоя. Спи-засыпай.

1980

Перевод Ю. Мориц

Сара BEXTEP

БИРОБИДЖАН

Разлив Биры раздвинул берега,
Но стянуты мостом они навечно.
Здесь покорила матушка-тайга
Энергии и силе человеческой.
Рождаясь в звоне топоров и пил,
И поднимаясь из болот и марей,
Нас город крепкой дружбой наградил -
Будь русский ты, еврей или татарин...
Мы здесь живём единою семьёй,
Одной большой Страны Советов - дети.
И солнце, что у нас над головой,
Всех равно греет, и всем равно светит.

Перевод В. Соломатова

НОВОЕ

Ещё строительный мусор лежит,
Но уже обозначена улица.
При взгляде на новые этажи,
Прохожий довольно щурится.
Новосёл тут сегодня живёт
В ритме новых дневных забот.
К новой школе спешит детвора,
Всех прохожих опережая.
Пахнет булочная с утра
Хлебом нового урожая.
С новостроек в небо взлётев,
Новых песен звучит напев.
В новых скверах цветёт сирень,
И на сердце светло и гордо.
Начинается новый день
Новой улицы -
В нашем городе.

1983

Перевод В. Соломатова

ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ

Пока сердце стучит твоё,
 Ты в ответе за всё, человек.
 И за сад, что дождём напоён,
 И за речек стремительный бег,
 И за детский звенящий смех,
 И за птичий вешний прилёт.
 Ты в ответе за тихий снег,
 Что светло и чисто идёт.
 Жизнь дарована нам с тобой,
 Чтоб в немирный, тревожный век
 Бытиём своим, всей судьбой
 Доказать, что ты - Человек!

1982

Перевод В. Соломатова

СЕРДЦЕ

Сердце поэта - открытая рана,
 Оно чужою болью болит.
 Оно в порезах и шрамах рваных,
 Оно огнём негасимым горит.
 В сердце рождается песня поэта -
 Кровью горячей омытый стих.
 Если от сердца та песня спета,
 Она на борьбу поднимает других.

1980

Перевод В. Соломатова

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПО ДОРОГЕ В ПЕРВЫЙ КЛАСС В ДЕТСКОМ САДУ

Я люблю мой детский сад -
 Дом игрушек и ребят.

Куклы, кубики, качели
Мне совсем не надоели.
Повариха тётя Маша
Очень вкусно варит кашу.
Мы играем день-деньской...
А потом хотим домой.

ПРОЩАНИЕ

Куколки, зайчики и медвежата,
В садик мы вместе ходили когда-то.
Только я выросла - в школу иду.
А вы остаётесь в детском саду!

В ШКОЛУ

Осенним первым утром,
Сегодня, в первый раз -
Иду не в детский садик,
А сразу в первый класс!
Я сам надену ранец -
Там книжки и тетрадь.
Звенит звонок весёлый,
И хочется... играть.

Перевод В. Антонова
Подстрочник В. Фоменко

ПЕСНЯ

А многое ли песня в мире может?
Она нам души трепетно тревожит,
Она сердца огнём нам зажигает
И в ярком этом пламени сгорает.

И в светлый день, и в горя чёрный час
Она всегда во всем поддержит нас.
Ещё и тем нам песня дорога,
Что в бой вести умеет на врага.

Когда же люди запоют о мире -
Их горизонт становится всё шире,
И день светлее, и весомей колос,
И новой силой полнится их голос.

И небо в белых стаях голубей
Становится светлей и голубей.
И жизнь предстанет всех чудес чудесней,
Так много в этом мире может песня!

1981

Перевод В. Соломатова

Самуил ГАЛКИН

* * *

Преданье говорит, что был Гомер слепым,
Но если это так - случилось чудо с ним:
Чем время ближе к нам, чем жизнь веков богаче,
Становится Гомер всё больше зрячим.

Подобным чудесам завидуйте, творцы!
Но если трудно нам мечтать об этом чуде,
Пусть хоть в будущем о нас не скажут люди,
Что мы при жизни жили как слепцы.

1937

У ПЕРВОГО КОСТРА

Ко дню рожденья твоего - крепчает
Мороз и в воздухе такая стынь,
Что сердце искорку тепла найти не чаёт,
С земли и до небес неумолима синь,

Чтоб я лишь вдалеке увидел пламя
И чудом очутился в крае том,
Где первый мой костер пылает меж стволами
И у костра - с тобою мы вдвоем.

Перевод Г. Левина

СТЕКЛО

Прозрачное стекло блестит в руке твоей,
Ты видишь сквозь него и землю, и людей,
Весь мир перед тобою отчетливо открыт -
Кто радостен, кто зол, кто весел, кто скорбит.
Но если из стекла любую из сторон
Покроешь хоть слегка грошовым серебром, -
Вмиг исчезает с глаз всё то, что в мир влекло,
И зеркалом простым становится стекло.
Пусть чисто зеркало, пусть гладь его ясна
И нет на нем нигде малейшего пятна,

Но, радуясь и злясь, ликуя и скорбя,
Ты сможешь видеть в нем лишь самого себя.

Перевод А. Безыменского

* * *

Мне звезда отрадна эта
Тем, что блестит до рассвета,
Тем, что, блеск на воды сея,
Не становится тусклее,
На своем пути большом -
С звездной выси в водоем.
Мне звезда отрадна эта
Щедростью безмерной света,
Тем, что, свет ее вбирая,
Я безмерность постигаю,
Тем, что сразу отдана
Небу и земле она.

1936

Перевод А. Ахматовой

НАЧАЛО ЗИМЫ

Зима явилась слишком рано,
И вот сквозь веток наготу
Я ветер слышу - зло и рьяно
Он кружит листья на лету.
Я не видал, как пожелтели,
И спрашиваю: Неужели,
К нам сызнова пришла зима?
Пожухлость, хмурь куда девались?..
Зима у нас обосновалась,
А как - не знает и сама...
И кто б на улицу ни вышел,
Покажется наверняка,
Что холод белым воздух вышил,
Запорошил его слегка.
Всё внове, всё бело - похоже,
И сам он побелел, прохожий,
И, окружённый белизной,
Ступает он, как бы впервые,

Увидев хлопья снеговые,
 Овеянные тишиной.
 И все же привыкаешь к белой,
 Извечной невидали сей,
 И сердцем видишь помутнелый
 Сквозь кольца вьюги - Енисей,
 И пояса студеной шири,
 И горы у ворот Сибири,
 И холодеющий Байкал,
 И ранний синий лёд Амура,
 И дальше-дальше - север хмурый
 До самых сумеречных скал...
 А там на юге - солнце знойно,
 На пальмах пыльная кора.
 Перед отплытием беспокойно
 Покачивается корабль,
 И волны гулким полукругом
 Идут на берег друг за другом.
 И только Млечный Путь во тьме
 Своим мерцающим и чистым
 Сияньем снежно-серебристым
 Напоминает о зиме...

Вот и стою - меж далей вьюжных
 И жарким шелестом ветров,
 Меж солнцем побережий южных
 И толщей заполярных льдов.
 И слышу я сквозь снег и ветер:
 Какой простор на белом свете,
 Как стало всё вокруг видней!
 А человек и чист, и молод,
 Как этот снег и ранний холод,
 И свежесть первых зимних дней.

Перевод Л. Озерова

Мария ГЛЕБОВА

* * *

Я работала в зоне,
Где снег по утрам голубой,
Где мальчишки-солдаты
На вышках бессонным дозором.
Где приходит тоска
По короткой команде «Отбой!»,
Где любая мечта —
За высоким колючим забором.

Здесь в разгаре весны
Розовеет на сопках багул.
Летом запахи трав
И футбол при хорошей погоде.
Но слышнее в ночи
Тепловозов натруженный гул:
То идут поезда.
Без конвоя идут. На свободе.

Золотится сентябрь.
Просыпается в школе звонок.
Ошалевший Эол
По запретке гоняет листочки.
Видно, дал прокурор
Мне когда-то пожизненный срок.
Я работала в зоне.
О ней не писала ни строчки.

* * *

Спят предложения, как щенки, у дома.
Потряхивает рифмами капель.
Есть слов набат...
Но более знакома
По классам раскатившаяся трель.

Пишу для них,
Кому вставать с рассветом,
Когда хрустят ледышки у крыльца.
Как хорошо, что можно быть поэтом,
Не облакаясь в тогу мудреца.

Стихи звучат то громче, то потише.
Да, жизнь трудна, но уж какая есть.
Весной душа взлетает выше крыши,
Чтоб в небесах на облако присесть.

* * *

Жара. Уже почти что лето.
Мой класс наладил костерок.
Вода у берега прогрета
Для омовенья детских ног.
Сбежали! Вырвались из плена,
Из многомесячной тюрьмы.
Черёмух радостная пена
Счищает ржавчину зимы.
Вниз! Босиком по косогору.
Мокры футболочки от брызг.
Гимн солнцу, зелени, простору —
Восторженный девчачий визг.
В золе картошка, руки, лица.
Дымком приправлена еда.
Кукушка, ты колдунья-птица,
Пересчитай назад года.
Подарок-день! Не наглядеться
На послезавтрашнюю Русь.
А поутру — куда же деться —
Я снова взрослой притворюсь.

* * *

Памяти Анатолия Кобенкова

Поменялось время у глагола...
Думали: приедет, прилетит.
Осень. Скоро будет пусто, голо,
Там, где парк
Листою шелестит.
Осень подобралась к Подмоскovie.
Астрами усыпан скорбный путь.
Жил — дружил. С тревогою.
С любовью.
Лишь добром осталось помянуть.
Помнишь город, Толю Кобенкова?
Твой биробиджанский был пострел.

Слышен стук.
 Упала вдруг подкова.
 И вздохнул Пегас:
 Осиротел.

* * *

Тронуты морозом георгины,
 Ветер шелестит сухой травой...
 Промывай, душа, свои глубины
 Ледяной прозрачной синевой.

Уплывут иллюзии и страхи,
 Острые осколочки обид.
 Клён стоит в оранжевой рубахе,
 И осинник денежкой звенит.

Доля с волей сели на пенёчке,
 Словно и не ссорились вчера.
 Всё ещё не найденные строчки
 Ждут меня под ёлкою с утра.

Хорошо б нам всем дожить до мая,
 Не ломая вскинутых вершин,
 Стужу и метели принимая
 Как закон...
 А он для всех один.

* * *

Пора б уже с котомкой в монастырь,
 Отринув искушенья и грехи.
 Но где был храм — давно уже пустырь:
 Крапива, подорожник, лопухи.

Пора б тогда набрать красивых слов,
 Соорудить из них защитный плащ...
 Январский ветер яростно суров.
 Чернеют ветви облетевших чаш.

Пора броню для сердца отковать.
 И надо бы. И было решено...
 На кузнице — казённая печать.
 Здесь не горит огонь давным-давно.

Разбила я песочные часы,
Минуты раскатились вдоль дорог.
Но чёрный гул запретной полосы
Уже сменился перезвоном строк.

* * *

Город так удивительно чист,
Словно мыли его накануне.
Полетел на Биру жёлтый лист,
Хоть и небо ещё как в июне.

В путь, эскадра! Отрада лесов
Уплывает, кружа по стремнине.
Лето заперло дверь на засов.
Здравствуй, осень. Легка на помине.

Скоро в город ворвётся норд-ост,
Оборвав разноцветные краски.
В темноте одуванчики звёзд
Притворятся цветами из сказки.

А потом побредёт снегопад,
Затемняя небесную просинь.
Не дано нам вернуться назад:
В этот миг, в этот день, в эту осень...

* * *

Отдам январь за два апреля,
А если можно, то за пять.
Завидно, что лентяй Емеля
Мог ловко печью управлять.
Вот на печи бы на работу,
Вот на печи бы в магазин...
И в понедельник, и в субботу,
И без затраты на бензин.
Смотри в огонь, кидай поленья,
Корми прожорливую парсть,
Решай проблему отопления,
Не теребя напрасно власть.
В России, где едва к апрелю
Весна возьмёт свои права,
Одна надежда — на Емелю,
Да на волшебные слова.

* * *

А я ещё живу.
Держу удары.
Судьба-боксёр пока не сбила с ног.
Припомнилось:
Слова молитвы старой
Твердит монашка-тётя как урок.
Потом идёт к иконам поклониться
За всю семью безбожную мою...
Сестра в миру. Христова голубица
У Божьего престола на краю.
Тропа могла пойти совсем иначе:
За огоньком, мерцающим в грязи,
За птицей, певшей о шальной удаче, -
Душа вдруг возмутилась: «Тормози!»
Сменился век.
Другое измеренье.
Страшусь скользить по тоненькому льду,
Но редко в церковь манит воскресенье:
Неси свой крест и верь в свою звезду.
Да, жизни полунищей кувырочки
Удобней наблюдать со стороны...
Грешу порою, доходя до точки,
Ропщу, что никакой моей вины...
И всё-таки хранит благая сила.
Как будто, подходя к иным вратам,
Старушка за племянницу просила:
«Ты пригляди.
Она одна ведь там.»

Александр ДРАБКИН

АПРЕЛЬ

Плоскодонкой, зацепившей мель,
Задевая днищем валуны,
Я веслом уродую апрель —
Рыжего подкидыша весны.

Грусть навыверт, жизнь наоборот,
Безнародье, бездна, беспредел...
До сих пор не вспахан огород,
Тот, в который камень полетел.

Снова не заладилась весна.
Снова карта в масть, а ход не мой.
И фальшивит ржавая струна,
Что была настроена зимой.

* * *

*В провинцию входила темнота.
Она располагала к разговорам.
А. Кобенков*

В дожди каморка дворника пуста,
Должно быть, пьёт которую неделю.
В провинцию приходит темнота,
Её ни с кем, как прежде, не поделишь.

И оттого, что много темноты,
В озябшем доме коротаю вечер.
Звоню, а мне в ответ уже не ты,
А голосом твоим — автоответчик.

Восстановив оборванную нить,
Одолевая смертную преграду,
Всё просит чуть попозже позвонить
И обещает: «Будем очень рады...»

НАЗАРЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Бабуся, охранявшая скамейку,
Имела профиль вечного жида.
Нет никого прискорбнее еврейки,
Покинувшей свой город навсегда.

Вопрос, как часто ноющая рана,
Ночами не дающая уснуть:
— Мужчина, вы ведь из Биробиджана?
Ну расскажите мне хоть что-нибудь.
Вам хорошо... вы там... мои сбежали.
Они сбежали — так и мне пришлось.
Вы мне скажите: что, в Биробиджане
На пенсию мне плохо бы жилось?

Я ей сказал: «Там пенсия — копейка,
И жизнь, что камень, чтоб скорей ко дну,
И есть надел земельный у еврейки —
Со стариком в ограду лечь одну.»

Морщинистые щеки задрожали,
И гневом полыхнул уставший взгляд.
— Ну что б ты понимал в Биробиджане!
...Приедь сюда — захочется назад.

Но я ж хотел, чтоб ей здесь стало легче,
А ей отсюда было всё видней!..
Как много раз обманывал я женщин,
А стыдно до сих пор лишь перед ней.

СКРИПАЧ

Выходец из Ветхого Завета
Или, может быть, еще старей
Дядя Сёма, переживший гетто,
Цыган и совсем чуть-чуть еврей.

Скрипка, не сверкающая лаком,
С запахом его уставших рук.

И смеялся Сёма с ней, и плакал —
Это был полёт, не просто звук.

Старый узник с солнечной улыбкой,
Нищий, но не жадный до рубля,
Кляняся, лаская нежно скрипку,
Если что-то падало в футляр.

На святых нисколько не похожий,
Живший хлебом, Сёма не тужил,
Если долго слушавший прохожий
Ничего в футляр не положил.

Деньги что? И так богат не шибко,
Важен взгляд, внимание, поклон.
Важно, что прохожий любит скрипку,
Ею очарован, как и он.

Голос тёплый, как мечта о воле,
Светлый, как рисунок из берёз,
Наполнял округу русской болью
С горькой капелькой еврейских слёз.

Ольга ЕРМОЛАЕВА**МОЙ ГОРОД**

А город мой, как песенка короткий,
 В нём улицы недолги и тихи...
 Вот здесь живут друзья мои хорошие
 И бродит мальчик, пишущий стихи*.
 Здесь голубая мартовская оттепель
 И ночи удивительно малы.
 Здесь опадали звёзды поздней осенью
 В ладони нелюдимые мои...
 Я доброты твоей не позабыла,
 Я нежности своей не убоюсь.
 Я поклонюсь тебе за то, что было,
 За всё, что было, низко поклонюсь.
 Мне уходить иль уезжать —
 Уместишься
 Ты в сердце у меня. Всё уложу...
 Я оглянусь, и через годы-месяцы
 На маленький мой город погляжу.
 А там деревья старые сутулятся
 И детство топчет тесные дворы.
 Там, в городе моём, политы улицы,
 Как будто в доме вымыты полы.

* Имеется в виду Анатолий Кобенков, первые стихи которого в областных газетах появились, когда автору было 12-13 лет.

* * *

Та девочка, что по полям блуждала,
 Букеты собирала в перелесках
 И не боялась встретить в дальних чашах
 Ни зверя, ни дурного человека;
 Та девочка, что в пасмурную пору,
 Когда не разберешь, весна иль осень,
 Бродила по загложшей колее
 В семье дегтярных верб и краснотала
 И разбивала серое стекло
 Над лункой чёрного лесного чая,
 Настоянного на трухе древесной,
 На ржавых листьях, на осоке мёртвой;

Та девочка за счастье почитала
 Езду ночную на товарняках!...
 ...На страшных, на безлюдных перегонах
 Хлестал в лицо сырой болотный воздух,
 Вдруг на откосе чёрная казарма
 Вставала на мгновение, и опять -
 Осинник, заживо гниющий в топях,
 Смолистый и больничный выдох мари,
 И запах шпал, пропитанных мазутом,
 И вечный привкус гари и железа...
 И втягивали бабочек и мошек
 Потоки воздуха, разъятые составом,
 И редко-редко на речной излучке
 Мелькал огонь рыбацкого костра...
 Там, вдалеке от грохота и бега,
 Жил нежный бархат с пробчатой корою,
 И чёрные жемчужинки черёмух
 Всё увеличивались... хлюпали коряги,
 И слаще мёда, молока и хлеба,
 Изнемогая, пахли все покосы...
 И скудно освещённый полустанок
 В одну минуту мимо пробежал,
 И там, за складом, между фонарями
 Был театрально выглядевший сад...
 И холодало... закопчённый тамбур
 Был весь в железе пахнущей росе,
 И холодали жёсткие косицы
 Волос, хлеставших долго по щекам...
 Та девочка считала, что бессмертной
 Она пребудет, что по виду счастье -
 Как зарево над центром областным...
 Жизнь! Помнишь, помнишь!? Это я была...

1978

* * *

В кирзовых сапогах скользить по горной глине
 Иль ставить формы с тестом к доплевшим уголькам...
 Муссонные дожди на Сихотэ-Алине
 Речной плавучий сор прибили к тальникам.

О, ропот шальных вод, как будто с мыльной пеной
 К нам, в камералки, рай - доходит по ночам.
 Я ошеломлена безмерною, священной
 Тайгой; Борис наряды закрывал бичам.

При мне смиренны все, никто не богохульник.
 Главвор глядит светло, как честный человек...
 Всё галечник на отмелях, на осыпях багульник,
 (теперь переместились там даже русла рек!).

Там капюшон моей энцефалитки дымен,
 И стланник волосам дал свой смолистый дым,
 И в пасмурные дни пленительно-унывен
 Вид на водораздел и цепи гор за ним черничные...

Лишь луч - тычинок блеск и трепет
 В рододендрона нежно-кремовых цветках...
 ...Стрекозых перекатов однообразный лепет.
 Морковная дресва в столетних рухляках...

Простор и воля! Что ещё мне было надо?
 Всю жизнь прожить вот здесь, и более нигде.
 И тихоокеанских облаков армада,
 И хариус прозрачен - радужный! - в воде.

Спит в смертном сне Борис. И что ему там снится?
 А в сущности, не так дорога далека
 От плачущей, с потёкшей тушью на ресницах -
 До девочки, смеясь, целующей щенка.

2004

* * *

Когда распрямлюсь, озирая работу мою,
 Стараясь руками в земле не запачкать косынку, -
 Блаженно-беспамятно, слепо-счастливо стою,
 Как эти растения всюду стоят по суглинку.
 О, как же мы с ними роднимся, как близко живём...
 С резучими травами часто меняемся кровью.
 И там, где собой земляной замещаем объём,
 Они непременно приникнут потом к изголовью.
 В свои именины ходила одна по грибы,
 И лес задарил меня так, что я тихо смеялась.
 Я вспомнила Толю. Он был как знаменьё судьбы.
 Я с ним и сугубо приятельски не целовалась.
 Ох, вспомнился мне незабвенный дружок мой Толян,
 Уткнувшийся в шпалу своей полудетской мордахой.
 В грязи - да не грязен. Был не уркаган, не буян...
 Кого-то в сельпо отрядили за белой рубахой.
 Жидинский, Жердинский... Прости меня, подлую, за...

За то, что над мёртвым тобою мелю, как Емеля.
 От долгого рёва бумагу не видят глаза.
 Я мажу их вытяжкой из уссурийского хмеля.
 А было, бывало, мы шли болотами в тайгу,
 Да всё почему-то подчёркнуто ходко и рьяно,
 Но он завернул к неизвестному в травах цветку
 И с ним познакомил меня, помню жест: "Валерьяна!"
 Всё, Толя. Моторки, саранки, кета, черемша,
 Кедровые шишки... а такта при бездне уменья!..
 На галечной отмели жду у костра, не дыша,
 Его, острогою лучшего ночью тайменя.
 И помню - в котельной. И помню - пожары тушил
 В тайге - вертолётном, в какой-то команде мобильной.
 Был мой одноклассник. На срочной во флоте служил.
 Лесной человек. А на улице жил - Лесопильной.
 Пуст Дальний Восток. Фотографий его не брала.
 Не встретимся боле - ну разве что по воскресеньи...
 Теперь понимаю, как сильно Дерсу Узала
 Всей горестной нежностью помнил Владимир Арсеньев...
 Когда распрямлюсь, я не там буду, Толя, где ты,
 А там где ухлопаны лучшие годы и силы.
 Увижу лесничества, храмы Можайска, лесные посты,
 Да братские в сильноподзолистых почвах могилы.
 Черничные тучи, картошку, да жилистых коз,
 С неловкой поспешностью мне уступавших тропинки,
 И, будто всё тот же, опять паучишка пронёс
 Как беженец, грядами марлевый узел на спинке.

* * *

Ты существуешь. Мне сказала это
 /Ты существуешь. Мы не умираем!/ -
 Та на закате яркая планета
 Меж яблоней и сливой над сараем.

И в нежном зимнем сумраке равнины
 Вняла я этой вести с небосвода,
 Хотя вчера прошли сороковины
 С немыслимого твоего ухода...

И за твою жизнью, просиявшей
 Над тем, что в этом мире стало мною,
 Рвалась и я, с моей почти пропавшей,
 С моей, почти погибшею, душою.

Но эта весть из синей тьмы свободной!
 Но родственный за мной призор вселенский!..
 Внизу, сквозь куст рябины черноплодной
 Глядит фонарь последний деревенский.

И тёмный драгоценный снежный воздух,
 Осиновыми пахнувший дровами,
 Дошёл ко мне блиставшими при звёздах
 Можайскими несметными лесами.

Какие тайны есть на белом свете!..
 Ещё вчера проснулась я в тревоге,
 И сердце шло во мне, как ходят дети
 В ботинках по промёрзнувшей дороге.

И видела я плача, обмирая,
 И глянцевою кожу рук истёртых,
 И то, как без тебя лежат, родная,
 Те бедные очки для дальнозорких...

* * *

Радужный круг у солнца, а жизнь - дотла;
 Воздух у насыпей от креозота пьян.
 Что тебе нравится - мадера иль марсала?
 Имя твоё выговаривают колокола:
 Особенно чётко они произносят: "...ан-н-н..."

..."АН", Сихотэ-Алинь, вертолётов рой,
 И при отдаче толкающий карабин,
 Лыжи, бинокли, лошади - детской игрой
 Всё пред тобой представляется, господин...

Я и не знала, насколько нежна и груба;
 Вечно бегу к тебе сквозь закопчённый левкас.
 Воздух другой, и не меркнет солнце над воском трасс;
 За атмосферой земли рыдает о страсти труба.

Тамара ИЛЬИНА

ОТЫЩУТСЯ В ТРАВЕ ПЛОДЫ

Отыщутся в траве холодные плоды,
Одной щекой к земле вбирающие стылость,
Заштопаны дымком дырявые сады,
Здесь время не прошло, а приостановилось.

И сколько хватит сил, всё хочется бродить
Без слов и без дорог совсем одной, покуда
Всё то, чему смешно во мне происходить,
Я не переведу в банальную простуду.

Засуетятся дни в конце календаря,
Друг друга на ходу не зло перебивая,
Ещё горит в окне вечерняя заря
И липнет к сапогам в саду листва сырая.

* * *

Дыши!
Если хочешь, посмейся, над чем я заплачу:
А если бы мы разминулись в соседних веках?
И сердце моё не справляется с кровью горячей,
И снова о рёбра ночами колотится страх.
Дыши!
Даже если звучит для тебя приговором
Короткое слово во дни потрясений и лжи.
Дыши!
Понимаешь, мы просто не знаем другого,
Другого такого надёжного способа жить.
Дыши, не жалея свои опалённые бронхи
Морозом и ветром, горячным бредом огня.
Дыши, вот увидишь, - всё выйдет не так уж и плохо,
Не так уж и плохо всё будет идти без меня.

* * *

Быт поладил с дождём,
В поговорку почти что вошедшим:
Сушим дома бельё,
Делим небо на соты зонтов.

И шатается дождь
 День и ночь городским сумасшедшим,
 Донимая наш слух
 Шепелявой невнятицей слов.
 Впору ладить ковчег,
 Мы ж по памяти сани да лыжи.
 Город мякишем хлебным
 Развалится, видно, к утру.
 И старается зря
 Старый дом, наживающий грыжу,
 Удержать на весу
 Водосточные вывихи труб.
 Как нам быть,
 От унынья невзвидевшим белого света,
 И терзаем беспомощно
 Снимков цветных вороха,
 Наизусть затвердившие
 Дни прошлогодного лета,
 Как любимые строки
 Обычного, в общем, стиха.

* * *

Ну кто ты такой, объясни мне,
 Чтоб я без тебя не смогла?..
 И замертво падают ливни,
 И листья сгорают до тла.

Красивый? — да мало ль красивых!
 Умелый? — да каждый второй.
 И где тебя только носило
 Полжизни, нечаянный мой?

Стихи, как молитву читаешь,
 И шрамик смешной на губе...
 Скажи мне, ну кто я такая,
 Чтоб всё это знать о тебе?

* * *

Опять сошлись на крыше два кота,
 И были их претензии друг к другу
 Столь велики, что скоро всю округу
 Ночная охватила маета.

Луна плыла, цепляясь за сучки
Деревьев голых. Становилось пыткой
Безглазого светила любопытство,
Обшарившего даже уголки.

Всё, наконец, под утро улеглось.
В холодном свете двор молчал угрюмо,
Стояла тишина. И каждый думал,
О чём ему сегодня не спалось.

* * *

Если вовремя книгу закрыть, все останутся живы;
Даже пусть ты однажды её до конца дочитал.
Горлом кровь не пойдёт, чьи-то кони замрут над обрывом,
Не спружият, во тьму провожая, перила моста!

Если вовремя книгу закрыть, - мой придуманный в детстве
Этот способ вернуть, уберечь, придержать за рукав.
Нужно просто её дочитать до знакомого места:
Есть надежда... Вернётся... Поймут... - И убрать её в шкаф.

Нужно вовремя книгу закрыть, я её закрываю,
Возвращаюсь, бужу торопливо и плачу: «Пора!»
...А в Елабуге август какой... Ночь в Сучане какая...
А какие в Сибири снега! И не сплю до утра.

* * *

Из восточной экзотики пышной,
Что туристам попала в полон,
Нем достался застенчивый рикша
И нарядный его фаэтон.

Мы помчались. Повозку кидало.
В переулках жгло солнце огнём.
Но крутил наш возница педали
И рубаха темнела на нём.

Только ветер горяч и засушлив,
Бахромю задувая в окно,
Вдруг взметнул наши руки и души,
Как в мелодраматичном кино.

И вскипевшее в кожных пределах,
И сжигавшее кожу извне,
Горячило и плавило тело
В азиатском недобром огне.

И в каком-то сознание непрочном
Мы летели, рискуя сгореть,
Трепеща, словно бабочки ночью,
В ярко-жёлтом большом фонаре.

* * *

Вот примятая рощица после зимы обсыхает,
Вот ворона манерная на привокзальной ограде.
На перроне поддатый мужик пристаёт к продавщице,
Что катает тележку с мороженым, будто коляску.
Вот устала она, на скамейку присела, он — рядом,
И затихли на время в каком-то согласном молчании
Канареечно-яркий жилет и бордовая куртка.
На вокзальной скамеечке можно о многом подумать.
- Зять в больницу опять угодил с прошлогодною язвой,
Говорила — не пей, так не слушает ведь, дурачина...
Дочку младшую в школу опять не могла добудиться,
Вся в папашу покойного, только бы бегать по танцам.
А мужик — он и вовсе бобыль, и в его интересах
Не мешать этим мыслям привычно и горестно длиться,
Эта женщина очень давно у него на примете,
Может, в гости когда позовёт, что-нибудь по хозяйству...
И ничем не могла, да и чем бы смогла я помочь им
Из вагонной тоски, никому не дающей прохода,
Где в окне у меня получилась такая картина:
Продавщица с тележкой, нетрезвый мужик и ворона.

* * *

Рыжеватая кошка сидит с алкашом на скамейке,
Греют спины друг другу бездомные тихие души,
Новогоднее утро своей чистоты не нарушит,
Чтоб сыграть им двоим на притворно-фальшивой жалейке.

От бесчисленных подарков весёлого Деда Мороза
Откатился один апельсин, и корявые пальцы
Отдирают его ноздреватый оранжевый панцирь,
Брызжа соком в глаза, вызывающим едкие слёзы.

...И покатится дальше сюжет, набивая оскому,
Кошка спрыгнет в подвал, где живут её сестры и братья,
Не увидев, когда над скамьёй наклонился в халате
То ли ангел, а то ли медбрат с подъезжающей «скорой».

Эммануил **КАЗАКЕВИЧ**

ПЕСЕНКА О СТАНЦИИ ТИХОНЬКОЙ

Где по сопкам солнце
Мёд свой разливало,
Тихая такая
Станция стояла.

Семафор упёрся
В даль зелёным оком,
А Москвы не видно,
А Китай — под боком.

Сопки да болота —
Тихая сторонка.
А добыл копейку —
Вот и самогонка.

И сюда-то (надо ж
отколоть коленце!)
По сибирским рельсам
Мчат переселенцы.

Где в пятнашки солнце
На лугах играет,
Скромно новосёлов
Станция встречает.

Из вагона выйдешь —
Можно заблудиться.
Тут-то и увидишь,
Кто на что годиться!

- Значит, остаёмся!
Дом построим новый...
- А скажите, Мойше:
Тигр не ест коровы?

- Тигры здесь, что тёлки —
Смирны совершенно.
А скажите, тётя:
Тигры не кошерны?..

Вот туман на сопки
Молоком стекает.
Где же эта станция,
Тихая такая?

Местечковый гомон
Входит в новый край:
Шлём в Москву отчёты —
Смотрим на Китай.

1932

Перевод В. Антонова

БОЛЬШОЙ МИР

Счастливый мир, что я ношу в себе,
и мир вокруг меня — они едины,
две равные большие половины,
составившие целое в судьбе.

Вся уместилась Родина во мне.
И если мир расколот будет снова,
я жизнь свою готов отдать стране,
как и она спасти меня готова.

Мне чувство страха вовсе не знакомо,
и счастье не отхлынет от лица:
в любой избе мне нравится, как дома,
и взгляд любой
понятен до конца.

1932

Перевод Л. Школьника

ЗА ПОРОГОМ Я ОСТАВИЛ

По возвращении из шумных городов
Лицо твоё я вижу по-иному.
Я вешний ландыш принести готов
И разбросать красу его по дому.

Я о любви не спрашивал тебя.
 (Как крепко пахнет ландыш-недотрога!)
 Зачем же ты, смущаясь и любя,
 Пытаешь, где легла моя дорога.
 Там, за порогом, оставляю я
 Пыль всех дорог, что мне даны судьбою,
 И колкий снег, и россыпи дождя,
 И все те дни, что жил я не тобою.

1932

Перевод В. Соломатова

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ «НАЧАЛО»

II

Он был одним из лучших зданий города,
 Сарай. Что выводил под крышу я.
 Он на тайгу глядел светло и гордо,
 По ветру спелым кумачом звеня.
 Шёл Первомай. Я шпалы просмолённые
 Пустил на мостик, что к сараю вёл.
 По ним шагали первые влюблённые
 За речку, где багул лиловый цвёл.
 Они ломали на букеты ветки
 И украшали ими мой «дворец».
 А я смотрел на них с терпеньем редким,
 Как смотрит на детей своих отец.
 И мой сарай был кораблём влюблённых,
 Несущимся на алых парусах
 Туда, в весенний и вечнозелёный
 Мир, тающий в задумчивых глазах...
 Теперь сарай мой лишь обыкновенный,
 Довольно куцей и смешной сарай.
 Влюблённые в тайге подняли стены,
 И город встал, где был медвежий край.
 И былью стало всё, о чём мечтали,
 О чём просили: «Ёселе, сыграй!»
 И он летит сквозь дымчатые дали,
 Дворец мой первый, первый мой сарай!

V

Улыбку моего отца я вижу
В лучах рассветных над седой Бирой.
И город мой становится всё ближе.
Он, как отец мой — добрый и родной.
О, где мне взять ту силу и ту ласку,
Ту правду, что с улыбкой он дарил?
Кончаются немыслимые сказки
У дорогих и горестных могил.
По улицам, как гулким коридором,
Плывёт фрегатом алый этот гроб.
По улицам, по улицам, которым
Он отдал всё. Остыл высокий лоб.
И я один. И лишь улыбка светит,
Его улыбка светит сквозь года.
И город, просыпаясь на рассвете,
Встречает голубые поезда.
И песня из моей груди наружу,
Как кровь из раны, начинает бить.
И сад отцовский расцветает в стужу,
И клочок зари — как пламя новых битв.
Встаёт рассвет над синью дальних сопок,
Колышет горизонт трава лучей.
Как в синем небе серпокрылый сокол,
Вдруг грянет песня — лучше и звончей
Той, что писал я, что носил под сердцем,
С которой сто путей-дорог прошёл.
Рассвет кричит: «Эммануил, вос эрт зих?»,
И я в ответ бросаю: «Хо-ро-шо!»
А он встаёт в неровном свете буден,
Наш новый день, прорвавшийся из тьмы.
Над всем, что было, и над всем, что будет,
Над городом, который строим мы!
Над нашей верой в светлые дороги,
Которым нету края и конца.
Идёт рассвет, помедлив на пороге
При входе в город моего отца!

1936

Перевод В. Соломатова

КОРЕЙСКАЯ НОВЕЛЛА

На соломенной циновке
Я раскинулся усталый.
Рядом ты. Молчим неловко.
Говорит за нас гитара.
За окном твоим ненастным
Умирает солнце в красном.

Всё легко, воздушно, тонко.
А печаль моя — откуда?
И с корейскою девчонкой
Молчалив я, словно Будда.
Мне немного странно, видишь,
Что с тобой не нужен идиш.

Пахнет Азии напевом
И еврейским воском свечным,
Пахнет серым камнем древним,
В камне выбито навечно:
«С добрым утром, дорогая!
...Я тебя не понимаю...»

Волос твой — корона кедра,
В тыщу голосов гитара,
Губы сердце дарят щедро,
А глаза — брильянтов пару.
За окошком небо хмуро,
И темна вода Амура.

На широкие циновки
Новый день ступает смело.
Мне опять молчать — неловко,
Майн корэише новэлэ.
Мне спокойнее — не скрою —
Снова губы слить с тобою.

Утром ты уходишь в школу
Дважды два твердить ребятам,
Я — в широкие просторы
К планам, пилам и лопатам.

Мне с руки любое дело,
Майн корэише новэлэ!..
На циновках — вечер хмурый,
Месяц встал в окне на стражу.
Утомившись, из Амура
Утоляет солнце жажду.

1932 год, 23 апреля,
с. Благословенное
Перевод В. Антонова

Николай КАПУСТО**ВЕСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ**

Пусть соловей — наш песенник-мастак —
Не спел еще ни одного куплета,
Пусть ты еще влажна и не одета,
Но ты взгляни глазами лужиц так,
Чтоб солнце вдруг зажмурилось от света,

Чтоб дождь весны по нивам прошумел,
Своею силой благодатной дивен,
Чтоб этот дождь в полях зазеленел,
Чтоб им дожданный в августе созрел
Пшеничных зерен урожайный ливень!

СЕНОКОС

Амурское лето.
Просторы родные.
В пырейную заводь врезаясь, шумя,
Уходят машины,
И травы степные
Зеленой волною ложатся плашмя.

Здесь солнце и ветер,
И ворохи сена.
Здесь губы от горького зноя сухи.
Я снова устану,
Но все ж непременно
Писать буду ночью стихи.

* * *

По-осеннему тихо в степи,
Все как будто уснуло на время.
Только дождь беспечально кропит
Поля сжатого рыжее темя.

Но затем и притихла земля
И как будто на время уснула,
Чтобы снова весною поля
Пробудились от песен и гула.

ДОЖДЬ

Нет, не зря, следя за тучей,
Ждал дождя в истоме лес.
Хлынул дождь волной летучей
Суховею впереиз.

И, ворвавшись несердито,
В гущу хлебных зеленей,
Напоил он их досыта
Свежей силою своей.

Лидия КАПУЦЫНА

* * *

Ты - Дон Гуан мой.
Я - твоя Лаура,
И знаю, что пешком ли, на коне,
Сквозь все невзгоды, суету и бури
Ты возвратишься все равно ко мне.

В мечтах лелеешь образ Донны Анны,
Ты бредишь ее обликом во сне.
Но встретишься с нею, нежной и желанной,
Ты возвратишься все равно ко мне.

От бесконечно чистой, ясной, пресной
Устанешь скоро - в том твоя беда,
Что с нею будет скучно, будет тесно.
Простор лишь здесь.
И ты придешь сюда.

Придешь - нетерпеливый,
Страстный, дерзкий,
Дон Карлос - или кто-то - упадет,
Сраженный с неизбежностью железной
Твоею шпагой у моих ворот.

Считаться, кто любил кого в разлуке,
Не будем. Не последняя она.
Чужие обнимали тебя руки,
И я была, ты знаешь, не одна.

Но, кольца бороды твоей лаская
И чернотой глаз своих губя,
Я знаю, я нужна тебе - такая.
Ты - Дон Гуан. И я люблю тебя!

И чтобы не случилось с нами, знаю —
С другими нам не раз сгорать в огне.
Тебя, себя на волю отпускаю.
Ты - Дон Гуан, и ты придешь ко мне!

* * *

Был день как день, обычный и усталый,
Как будто он у дней других в долгу.
Прохаживалась павой величавой
Ворона на нетронутом лугу.
Машины пролетали над дорогой.
Шел тихо снег. И я куда-то шла.
И на углу церквушки одинокой
Сквозь пелену сияли купола.
Старушкою неловкой заблудилась
Между громадин каменных изба.
И ничего как будто не случилось.
И только лишь отчетливо явилась
Простая мысль, что я люблю тебя.

* * *

Высокие идут переговоры...
И мы, скрываясь и хитря, как воры,
(Сравнением неловким все измято!) -
Как два искусных тонких дипломата,
Раскидываем сети незаметно
Отточенных изящных комплиментов.
Или лассо улыбки просвистит,
Охватит шею трепетно и нежно
И, окунув тебя во мглу кремешную,
Полузадавленного вдруг освободит.
Искусство расставления силков
Мы постигаем в сложном поединке.
В бокале, проскользнув, чуть звякнет льдинка -
То эхо приготовленных оков.
Ну, кто кого? Изогнута спина
Перед броском, а взгляд лукавства полон -
Так вкрадчиво подкатывают волны,
Но отступают - на пути стена.
Переговоры? Схватка! Мы - враги!
Победа каждому - ценой любой.
Но падают скрещенные клинки.
Мы оба побежденные с тобою.

* * *

Не пойму, что со мною случилось —
Словно бес поселился во мне:
Перед зеркалом долго крутилась,
Задыхаясь в каком-то огне,

Вдруг достала забытые вещи,
Примеряла, швыряла, брала —
То ли сон я увидела вещей,
То ли это во сне я была.

Стала лучше, моложе и краше,
И усталости смыта печать...
Неужели не больно, не страшно
Все сначала - по кругу - начать?

* * *

Вновь поражением увенчана -
Всегда одно!
Непотопляемая женщина
Идет на дно.
Все повторилось с жесткой точностью.
Финал один.
Но в нем теперь сосредоточено,
Что из глубин
Уже не вырвет сила дерзкая
На свет опять,
Что путы жесткие и тесные
Не разорвать.
Коли такой печатью мечено
Твое чело,
Непотопляемая женщина,
Держись за дно!
Луч не пробьет глубины водные,
Вокруг - темно.
От света и надежд свободная,
Держись за дно!
От веры, от любви избавлена
Судьбой давно.
Коли в такую бездну канула -

Держись за дно!
И коли силою Всевышнего
Тебе дано
Быть на свету, на воле лишнею -
Держись за дно!

* * *

Пролетает рядом автострада.
И шумит, и думать не дает.
И какая все-таки отрада —
Снег идет. И жизнь моя идет.

И во мне, внезапно наплывая,
Издали, в какой то глубине,
Вспыхнула неистово живая
Мысль: мой милый, вспомни обо мне!

В этот миг, на грани дня и ночи,
Когда мир весь нежностью повит,
Нехотя, случайно, между прочим —
Вспомни, милый, о моей любви!

И в тот миг тебя - я это знаю! —
Болю, что всего стократ больней,
Мысль пронзит неистово живая:
Милая, ты вспомни обо мне!

И слетятся где-то над планетой
Души наши в черной глубине,
Вспыхнут мощным и слепящим светом.
Только, милый, вспомни обо мне!

* * *

На бумагу не ложатся
Эта бухта, это море,
Это небо в белых чайках,
Этот медленный прибой.
Не могу я наслаждаться
Этой бухтой, этим морем,
Не могу я наслаждаться
Всем, не связанным с тобой.

Я тоскую, я рисую
На песке заветный вензель,

Но смывает его жадной
Белопенною волной.
И смывает в моем сердце
Все, что было между нами,
Растворится и исчезнет
Все, что связано с тобой.

Все уйдет, и все исчезнет.
Канут в Лету, канут в бездну
Моя память, мое сердце,
Белых чаек шумный рой...
Но останутся навечно
Эта бухта, это море,
Этот медленный прибой.

И останутся, быть может,
Эти строки на бумаге.
Кто-то их прочтет далекий,
Кто-то их прочтет чужой
И, лениво усмехнувшись,
Их отбросит в эти волны,
И поглотит их спокойно
Этот медленный прибой...

* * *

А осенью мы платим -
За то, что было летом,
За то, что лихорадка
Так захватила нас,
За скорые победы,
Чужие чьи-то беды.

А осенью мы платим за летом данный шанс -
Быть дерзким и везучим,
И жить, себя не мучая
Проблемою расплаты, -
Мы рождены губить!
Но мир - коловращенье,
А суета - мгновенье,
Осеннего забвенья до дна нам не испытть.
А осенью мы платим.
А осенью мы плачем.
И, гордо нас отринув,
Другие вдаль скользят,

Нас на дороге бросив,
Мы на пиру их - гости! -
Но рай неуловимо напоминает ад.
Их ждет в объятья осень.
Мгновенна неба просинь.
Над горизонтом тучи
Вдруг вспыхнули огнем.
Тропа висит над кручей.
И ускользает случай,
Что в руки щедро падал слепящим летним днем.

И мы бросали летом
Кого-то, и обета
Мы не давали помнить,
Жалеть и утешать.
И мир был так огромен,
И изнывал в истоме,
И ждал, когда придем мы его завоевать!

Ну а теперь мы платим.
И если нам не хватит —
Ладонь протянем робко,
Глаза опустим вниз.
Вот кто-то щедрый бросил
Монету, и уносит
Его попутный ветер. Эй, друг, не торопись!

До поворота лето льет водопады света.
До поворота лето.
До поворота жизнь.

* * *

Сегодня я тоскую по тебе...
Ты мне нужна - с твоим умом разящим,
Фатальной покорностью судьбе
И жаждой истин - трудных, настоящих.
Сегодня я тоскую по тебе.
И в памяти внезапно и до боли
Отчетливо - далекие уже —
Встают часы общения с тобою
На нашем, на последнем этаже.

И дым от бесконечной сигареты,
И боль, свинцом пронзавшая виски,

И вечные вопросы и ответы,
Как откровенье, точны и резки.

И вновь сомненья...
Если пред Всевышним
Предстану я когда-нибудь потом,
Отбросив все случайное и лишнее,
Я снова вспомню этот серый дом,

И щедро - белозубую улыбку,
И боль огромных беззащитных глаз.
Раскаянье в бесчисленных ошибках,
Стремление все познать - и мир, и нас.

Внесенные судьбой почти на крышу, -
О, как замысловат судьбы сюжет! —
Мы были в те мгновенья бед всех выше
На нашем, на последнем этаже.

В чужих глазах обделены везеньем,
Нелепы, одиноки - не беда!
Высокие минуты вдохновенья —
Я знала их - с тобою, там, тогда.

И, задыхаясь в глубине Сибири
И понимая - не вернуть уже! —
Благодарю за то, что рядом были
На нашем, на последнем этаже,

За то, что боль перекрывалась светом
И лучик тонкий выжил, не погас,
За то, что не кончались сигареты,
Соединившие когда-то нас.

Анатолий КОБЕНКОВ

КОРЗИНКА

Оле

У птицы есть гнездо,
и есть нора у твари...
Я птица,
я и тварь:
есть у меня гнездо
и тёплая нора —
я годы государю
на кухоньке своей
с утра и до утра.

Я чаще здесь пишу,
чем ем,
но реже плачу,
чем хохочу,
и здесь,
как жадный иудей,
я главное добро —
свои писанья — прячу
в корзинке для белья
из ивовых ветвей.

Я думаю, что в ней
(но бесконечно прежде,
чем я её нашёл
и привязался к ней)
по голубой воде,
звездой и рыбой между,
грызя свой ноготок,
плыл мальчик Моисей.

Смешно, но раз в году
меня светло тревожит
ветхозаветный сон:
на кухне, у стола,
сидит моя жена
и слёз сдержать не может:
«Корзинка уплыла!»
Корзинка уплыла...

ЛИРИЧЕСКИЙ МОНОЛОГ

Своим друзьям с иронией печальной
за ужином я описал, как мог,
быт городка, весьма провинциальный,
с его тоской, распутицей дорог,
с растрёпанными соснами и снегом
и нецензурным словом на скамье
в полуостывшем скверике,
а следом

я рассказал с улыбкой о семье,
где угощают весело и жарко,
где мало пить и мало есть нельзя,
где грустного писателя Ремарка
считают дамой...

Добрые друзья оплакали меня
и очень быстро
- Не выпал снег, не умерла трава —
вручили мне столичную прописку,
и я сказал: «Подружмся, Москва!..»

Былым воспоминанием согреюсь,
свои обиды на год отложив...
Любимый мною Александр Сергеич
в столицах не советовал мне жить.
И ты, Москва, лови меня на слове —
всё, что любил, и всё, чем дорожил,
не ты, Москва,
а городок сосновый
со мною бескорыстно разделил:
здесь всё моё:
листок, прилипший к ставне,
ночного крана тонкая стрела...
Мне полюбился быт провинциальный
с оглядкой на столичные дела.
Люблю провинциальное семейство,
где гам и смех,
и слёзы, и грызня,
где хочешь — плачь,
а если хочешь — смейся,
где мало есть и мало пить — нельзя,

где говорят о варках и припарках и отпуска
- в Москву — как манны ждут...
Где грустного писателя Ремарка
в одной семье Марисей зовут...

ЮРИЮ КУБЛАНОВСКОМУ

Там жили ласточки в гнёздах рыжих,
а змеи жили в сырых дровах,
там в кладовой помещались лыжи,
кроли и бабушкина трава;
там кот ходил любоваться мышкой,
там уж вылакивал молоко,
и было грустно с хорошей книжкой
проститься враз, а с плохой — легко;
там почтальоны носили письма,
навоз носили грузовики,
старухи — кеды и коромысла,
а бабы — шляпы и каблуки;
там говорили, что жизнь — «что дышло»,
а вместо «срам» говорили «страм»,
и в каждом доме был коврик вышит:
над речкой храм, да и в речке храм;
там пели мало, грустили множко,
бывали смерти, случалась пьянь;
там на окошках сидели кошки,
а им на радость цвела герань;
там жили девки — не то, что крали,
но всё в них было — и там, и тут, -
мы их хотели — с собою звали
(сначала откажут, потом придут)...
Там я в учительницу влюбился
и написал ей «Ай лав вас эм»...
Зачем я жил там? А так — родился.
Зачем уехал? А низачем.

* * *

А ещё — за туманами голубыми,
из которых складывалась ерунда,
у меня был город —
такой, какими
не бывают глупые города.

Он для мамы моей открывал аптеку,
 он для папы пиво варил, как мог,
 всех приличных мальчиков в библиотеку
 приглашая, а девочек на каток.
 А ещё — чтоб не только скучать над книжкой,
 чтоб не слишком страдать от сердечных ран,
 он держался реченьки,
 а под мышкой
 он держал пивнушку и ресторан.

Ресторан был маленьким — меньше лужи,
 а пивнушка вроде как не была...
 Иногда я бывал ресторану нужен,
 иногда пивнушка меня звала.

И послушен зовам их и призывам,
 как послушен бывает словам поэт,
 я был счастлив мнить себя несчастливым
 без единой девушки много лет.

Это я потом их встречал и трогал —
 на руках, как маленьких их качал...
 Оказалось, что в жизни их очень много —
 даже умный город их не вмещал...

* * *

Мир еврейских местечек...
 Печальный писатель Канович
 ещё помнит его. Там до дыр зачитали Талмуд,
 там не хуже раввина собаки, коты и коровы
 понимают на идиш и птички на идиш поют;
 там на каждый жилет — два еврея, четыре заплаты,
 там на каждую жизнь — по четыре погромы, по три...
 Там ещё Эфримы, Ревекки, Менахемы, Златы,
 Балагулы*, сапожники, шорники и шинкари.
 Их скупому дыханью звезда запотевшая светит,
 Их смазным сапогам —
 из полей палестинских песок...
 Эмигранты империй, соломоновы бедные дети,
 на повозках молитв отбывающие на восток...

Дай им, Господи, сил, дай им кихелах** сладкие горы,
 километры мацы*** и куриных бульонов моря...

Грустно жить на земле,
где еврейское горе — не горе,
трудно жить в городах, где не все понимают меня.
Там, где даль мне поёт,
там, где ночи о прошлом долдонят,
Там, где бамовский шов
В прибайкальскую летопись лёг,
кто услышит меня и какой мне Канович напомним
мир еврейских местечек со львами его синагог?

Кто мне лавку откроет, где молятся полки о хлебе,
кто мне Тору раскроет, которую слёзы прожгли,
кто укажет перстом на скрипучую лестницу в небе,
по которой однажды за счастьем еврейским ушли
Эфраими, Ревекки, Менахемы, Златы —
поэты, балагулы, сапожники?
Кто загрузит обо мне,
Прочитавши о том, как ушёл я по лестнице этой
в мир еврейских местечек —
на родину, в небо, к родне?..

* Балагула — еврейский возница.

** Киделах — сладкое блюдо еврейской кухни.

*** Маца — пресная лепёшка, один из символов еврейской Пасхи (Песаха) — воспоминания о легендарном исходе евреев из Египта.

Арон КУШНИРОВ

* * *

Я не знаю, заслужено ль это?
Воплощеньем заветной мечты
Мне за годы и мрака и света
В дар ниспослана нежная ты.

На путях, увлеченный ходьбою,
Растерял я далекие сны,
Но желанье быть вместе с тобою
Я сберег, как желанье весны.

Вняты сердцу отныне все звуки,
Самым нежным словам нет числа.
Ты весну протянула мне в руки,
Нет, все весны свои отдала.

Нужно ль быть несусветному шуму,
Звездам падать в рассветных лучах?
Мне довольно, что светлую думу,
Как весну, я несу на плечах.

Разве трудно со скоростью света
Мне по звездам промчаться, любя?
Но довольно с меня той планеты,
На которой я встретил тебя.

СОЛАЛИ

Откуда берёт свой размах, свой напор
Орлиный полет над вершинами гор,
Движенье оленя по тропам земли
Шальное течение реки Солали?

И стояки ее на Хингане лежат,
Где кубок дождей меж утесов зажат.
Плеснув через край, холодна и дика,
Пускается в путь по ущельям река.

И громом тайгу наполняет вода,
Из горных теснин прорываясь туда.
И стадом испуганным следом за ней
Пронесется с грохотом груды камней.

Кто с тропки звериной откликнулся мне?
Могучие кедры шумят в стороне.
Какие дороги меня привели
В таежную глушь, где бурлит Солали?

Взлелеян своей необъятной страной,
Я знаю, как пышет полуденный зной.
Как запад меняется из года в год,
Как море о скалы на севере бьет.

Я знаю, как близок, хотя и далек,
Великой страны моей Дальний Восток.
А нынче мой путь пополам рассекли
Мятежные воды реки Солали.

Спускается солнце, и тени длинней.
И вот я в смятенье стою перед ней.
А волны ее, уносясь далеко,
Вскипают и пенятся, как молоко.

Мой конь оступается, быстрый поток
Толчками старается сбить его с ног.
Темнеет, и, душу мою леденя,
В колени ударил мне трепет коня.

И мысли внезапно меня унесли
В родные края от реки Солали.
Мне вспомнился блеск материнских седин,
Когда я с теченьем боролся один.

Но вот середина реки предо мной,
И эхо разносится над быстриной.
Тот звук одинокий мне в сердце проник.
Неужто услышал я собственный крик?

Я крикнул опять, чтоб ободрить коня,
А дерево с берега слышит меня.
Зеленые ветви простерло оно:
«Хватайся! Кричать ни к чему все равно».

Теперь, на крутом берегу Солали,
Я чувствую твердость желанной земли,
Пройденные я вспоминаю пути.
Немало еще доведется пройти!

ПО СЛЕДАМ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

Было ль это сном летучим
Или явью давних дней,
Только гор таежных кручи
Живы в памяти моей.

Я по тропкам потаенным
Пробирался, то и знай —
Ах, каким я был влюбленным
В тот далекий дикий край!

Как там буйно выются травы,
Реки бьются в берега,
Как там дали величавы,
Нескончаема тайга!

Тихий свет зари вечерней,
Ранний клекот птичьих стай,
Ах, как я люблю безмерно
Тот далекий дивный край!

Не зарубками-рубцами
Путь-дорогу метил я,
Там звенела бубенцами
Юность смелая моя.

Дни ушли с водою полой,
Догоняй не догоняй...
Ах, как люб мне тот веселый,
Тот далекий светлый край!

Там теперь гремят составы,
Где бродил я налегке,
Где заметы юной славы
Я рассеял по тайге.

Злую муку бездорожий
Только лихом поминай,
Ах, как душу растревожил
Тот далекий гордый край!

Вновь меня земля большая,
Как магнит, к себе влечет,
Быстрый шаг опережая,
Сердце вырвалось вперед.

Там я с юностью своею
Снова встречусь невзначай,
Ты мне всех краев милее,
Мой родной далекий край!

Перевод Р. Морана

СОСНА

Сосна седая на скале
Шумит всем бурям в лад.
Ее буран клонил к земле,
Хлестал таежный град.

От гроз и проливных дождей
В ногах размыт гранит,
Она же, став еще стройней,
Как в юности, шумит.

Но вдруг сосну сильнее, чем гром,
Пугает тишина:
То человека с топором
Увидела она.

Перевод А. Клёнова

В ТАЙГЕ

Отец и мать ушли в рассветной мгле —
И маленькая девочка в тревоге
Совсем одна томится на узле,
Еще не распакованном с дороги.

Что плачешь, девочка? О чем твоя печаль?
Ведь лес не плачет, убегая вдаль,
И небо светло-синее сияет...
Что плачешь, девочка?
Меня тайга пугает!

Такие незнакомые края,
Такой глубокий лес, где не найти начала.
Еще ни разу не видала я.
Ну, разве только бабушка меня таким пугала!

Но бабушка осталась вдалеке —
В том городке, где мы недавно жили.
Весь день она проплакала в тоске —
Зачем мы едем, а ее забыли?

Мелькнуло у вагонного окна
Ее лицо, залитое слезами.
Она осталась, бедная, одна,
Когда луна — и та плыла за нами.

И сколько дней прошло — я вспомнить
не могу,
И вечеров прошло с тех пор немало.
Луна от поезда весь путь не отставала
И вместе с нами прибыла в тайгу.

И вот теперь — лишь гляну в высоту —
Она стоит, играя с облаками,
Стоит, как сторож на своем посту,
Хоть волки воют на нее ночами.
И, видно, нравится ей здешний небосвод,
Как эта вот земля отцу всего роднее,
“Здесь новый мир”, — под вечер он поет,
И взгляд его становится яснее.

В тайгу спешит он рано поутру,
И вместе с ним уходит мать все чаще,
И падают деревья на ветру,
Подрублены под корень в темной чаще.
И я боюсь, что лес начнет гудеть,
Дрожь осторожно пробежит листвою,
Потом придет разбуженный медведь,
Чтоб посмотреть, что делают с тайгою.

Но вновь темнеет небо — и опять
Встает луна, как сторож тихой ночи.
Отец приходит, и приходит мать —
Усталые, но радостные очень.
“Как хорошо...” — отец мне говорит
И обещает праздники такие...
И так весельем взгляд его горит,
Что стыдно мне сказать:
“Боюсь тайги я!”

Перевод А. Ойслендера

СЛОВА

Ах, слова, вы не стаям ли птичьим,
Окрылённые в жизни сродни?
Никогда не якшаясь с двучиьем,
Я лелеял вас, птицы мои.

Был я верен вам в деле любимом.
И, являясь в ночной тишине,
Как сосуд с дорогим содержимым,
Каждый образ дарили вы мне.

Вдруг почувствуешь: строчки взлетели,
И рыдаешь над песнею вновь...
Ах вы, птицы мои, неужели
Позабудете эту любовь?

Перевод Я. Козловского

ДОРОГА В ТАЙГЕ

Тайга. Бурелом. Ни души.
И вдруг, обрываясь с размаха,
Тропа пропадает в глуши.
О, путник, не знающий страха,

Дыхание переведи,
Присядь отдохнуть в глухомани.
До гор, что встают впереди,
Не раз еще сердце устанет.

Вся залита светом тайга,
Зовущая мирной красою,
И, где б ни ступала нога,
Сверкает трава бирюзою,

Как будто таежная синь
В молчанье своем первозданном
Не знает коварных трясин,
Не прячет беды за туманом.

На это она не скупа,
Богатая зверем и птицей.
О путник, да будет тропа
Надежной тебе проводницей!

Тропа, за которой обрыв
Зияет, чтоб снова измерить
Твой неистощимый порыв —
И в доблесть людскую поверить.

Но ты не боишься тайги,
Идешь — и за продымью синей
Уже раздаются шаги
Твои, человек, на вершине.

Вокруг ни жилья, ни души —
Во всей своей мощи природа.
И ты очарован в глуши
Красою, не виданной сроду.

Как будто с большой высоты
Ты вдруг увидал пред собою
Прекрасную землю мечты,
С которой сроднился судьбою!

Римма ЛАВОЧКИНА

САМОЛЁТНАЯ МОЛИТВА

Мы дёргаем небо за нити,
Мы сплошь из ветрил и руля,
Но нас всё равно примагнитит
Смешная простая земля.

Но каждый напыщен и взмылен
И жизнь именует судьбой.
О, Господи, где мои крылья?!
Мой дом где-то рядом с тобой...

Но мне эта участь не светит.
И я непременно вернусь,
Туда, где грустят мои дети
И машет берёзами Русь.

Туда, где ухабы да хатки,
Туда, где трава да дрова,
Где сплошь — сырьевые придатки
И глухо-бездонны слова.

Почто я из боли и пыли,
И гадов мне глянец и лоск?
О, Господи, где мои крылья?!
Одни только перья, да воск...

Одна только милость, да жалость,
Которую в землю пролью.
О, Господи, что мне осталось,
Когда я так сильно люблю?

* * *

И будет лето ...
А это значит,
Что будет спета
Душа иначе.

Качнётся ересь
На тонкой ножке,

И я согреюсь
В её ладошке.

Я буду квакать
В лицо подружкам,
Я буду плакать
В плечо лягушкам.

И будет лето ...
Конечно, будет.
Оно из ветра
И длинных буден.

Едва скользила,
Слегка белела ...
Я еле зиму
Преодолела.

Я скрежетала
Сухим листочком ...
Я прижимала
Тугую почку.

Тугую почку —
Тугую память ...
Чтоб тёплой ночью
Её расправить.

И будет лето
Царить повсюду.
Я знаю это,
Ну, а покуда...

Терпи, не сетуй,
Сожмись в калачик,
И будет лето.
— А это значит!..

* * *

Пускай любовь таится
И вслух не говорит,
А как лесная птица
На цыпочках стоит.

Пока она прозрачна
И не подаст руки,
И на лице горячем
Проталин синяки.

Я знаю, ох, я знаю
Её притворный стыд,
Когда она нагая
Хохочет и вопит.

Пророчит и лютует,
И голосит строкой...
Унять её, дурную,
Нет мочи никакой.

* * *

Я — женщина! Я - женщина.
Во мне темнеет плод.
Сочатся ветром трещины
Во мне и над, и под.

Бурлят во мне исходины,
Твердят: «Пора... Пора...»
Живот мой — моя Родина
- Синайская гора.

Цвети, моё смятение,
Твори на все лады
Моё приобретение
Из света и воды.

Серьезно и натружено
Меня века сосут ...
Я круглый и напряженный
Ласкающий сосуд.

Кислят в глазах смородины,
Но рвётся сквозь тиски
Синай мой — моя Родина
Из неги и тоски.

МАЛИНОВОЕ

Ну, что же, отомлело,
Отпело, истекло
Малиновое, спелое,
Весёлое тепло.

Оно цвело и ахало,
Жужжа над головой,
И я насквозь пропахла
Малиной и травой.

И от земли до неба,
Теперь всегда со мной
Малиновая нега
С зелёной бахромой.

КЛЕЙЗМЕР*

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, и не сберечь.

Я из местечка с именем Вейзмир**,
Где под крылечком липкая течь.
Где даже печка стонет, как клейзмер,
Где не отречься и не сберечь.

Где с перепугу кашей юлила,
В мерки да в бирки, да в потроха...
Где с передрогу кашлем скулила
Древняя песня в голых руках.

Я в эту песню бедную верю,
В беглую песню в визгах пурги.
Ах, как я песню эту согрею,
Выручив скрипку за сапоги.

Так вот и буду - босым да плясом,
Чарам сверчальным всё нипочём.

Я из отчаянья, крови да мяса,
Да девочка-скрипка дышит в плечо.

Как эта девочка выла метелью!
Как оголтело билась в дома!
Да закрутила мир каруселью,
Да параллели переплела.

Пусть этой девочкой весь я изверчен,
Весь изувечен верностью, пусть,
Только бы вечно в ветреный вечер
С неба выдаивать сизую грусть.

Чтобы слезою сердце кололо,
Чтобы лозою в небо лилось,
Чтобы поспело первым глаголом,
Чтобы болело, чтобы сбылось!

Счастье еврея — штрудель*** да штрэймэлэ,****
Я же другою страстью кручён...
Песни да пейсы, да скрипочка-мэйдэлэ*****
Клонит головку мне на плечо.

Скован мой мозг деревянной уздечкой,
Дышит на свечи древняя речь,
И не отречься ни от словечка...
И не отречься, чтобы сберечь.

* Клейзмер — народный музыкант (евр.).

** Вейзмир — от еврейского выражения «Вей из мир» - «Боже мой!».

*** Штрудель — он же струдель, кондитерское изделие.

**** Штрэймэлэ — ритуальная шапка (евр.).

*****Мэйдэлэ — девочка (евр.).

Валерий ЛОГУНКОВ

* * *

Осень щетинится кошкою рыжею,
Лист на земле доживает свой год.
Ветер ворчит, будто дворник обиженный,
Клонит деревья, что небо метет.

С небом дождливыми нитями связанный,
Марионеткой иду не спеша,
Тропкою, кем-то мне словно подсказанной:
Ноги не тянут, но тянет душа.

И не сдержусь и восторженно вскрикну я,
Соприкоснувшись и в чем-то прозрев,
Видя природы фантазию дикую:
«Так наряжаться, почти умерев!»

Есть в этом толк, или это бессмыслица?
Эхо ни слова не скажет и ответ.
Только в душе потихоньку откликнется
Голос тоски, как осенний рассвет.

* * *

Неяркий солнца луч тихонько ткнулся
Сквозь занавески в сонное лицо.
Навеселе с гулянки день вернулся
И не дошел до нас, запнувшись о крыльцо.
И молоко промозглого тумана
Пролил на хмурый, неодетый лес.
А осень, уходя за океаны,
И синеву забрала у небес.
И небеса, покрашенные скверно,
Похожими казались мне слегка
На дым камина в старенькой таверне,
Скрывающий расцветку потолка.
Прохладой зябкой день толкался в двери,
Пытаясь все успеть и изменить...
Так опоздавший гость шумит в партере,
Мешает всем, стараясь угодить.

* * *

Ширь небес, как полотно,
После стирки с синькой.
Что еще? Ну что еще
Было на картинке?
Ах, ну да: еще был стук
В двери без запоров,
Идеальный полный круг
Вежливых укоров,
Освещенное окно,
Кот с пятном на спинке.
Что еще? Ну что еще
Было на картинке?
Ах, ну да: еще был чад
От проблемы мнимой,
И тот самый карий взгляд,
Жест неповторимый,
Солнцем полное трюмо,
Яблоки в корзинке...
Сновидение мое
Было на картинке.

* * *

Здесь берег гол и крут,
Лишь скал отвесных массы.
Воды свинцовый кнут
Их ноги опоясал.
Ревет Сагды-Бира,
Клыки заломов щеря,
Сегодня, как вчера,
Похожая на зверя.
Пытается разбить
Скалистые препоны,
И белой пены нить,
Как бешенства симптомы,
Легла у той косы,
Где завивают ветры
Лимонника усы,
И в воду смотрят кедры.
И встали облака
Стеной у переката,

Беснуется река
С рассвета до заката.
А ночью у огня
На лапнике духмяном
Баюкает меня,
Как встарь Улукиткана.**

* Сагды-Бира - горная река в ЕАО.

** Улукиткан — проводник-эвенк известного писателя-геодезиста Г.А. Федосеева. На его могиле приведены слова Федосеева: «Ему были доступны тайны природы, он был великим следопытом, наставником, другом» и слова Улукиткана: «Мать даёт жизнь, годы — мудрость».

Хаим МАЛЬТИНСКИЙ

* * *

Качается ветка, дрожит, как струна,
И я понимаю, что птица
Огромную силу затратить должна
Затем, чтобы ввысь устремиться.

Отталкивание, рывок
Такого полны напряженья
Всей силы когтей, птичьих лап, птичьих ног, —
Я понял законы движенья.

Перевод В. Шаламова

* * *

Среди тысяч незнакомых,
Неизвестных мне людей
Я иду, ошеломленный
Гулом здешних площадей.

Я растерян: небо, воздух —
Всё другое, видно, тут;
Не пойму, какие звезды
Вместо звезд в домах живут.

Я шагаю осторожно
И дорогу всем даю:
Озабоченным, тревожным,
Заблудившимся в раю.

Не задеть чужой бы локоть,
Неизвестное плечо,
Там написано “не трогать”
Откровенно, горячо.

И шагаю я вполшага,
Тихо думаю в тоске:
Не украли бы бумаги,
Что укрыты в пиджаке.

Мои считанные гроши
 На ночлег и на еду,
 Ведь без них я — что же проще?—
 И домой не попаду.

Перевод В. Шаламова

* * *

Я хочу, чтоб всю жизнь, до последнего дня
 Боль и муки людей потрясали меня.

Понял я, хоть и поздно: без этой черты
 И мечты, и дела человеку пусты!

Надо горе почуять на вкус, чтоб любить
 Этот мир, чтоб достойным и подлинным быть.

Перевод М. Демина

* * *

Писал, друзья, я с правой стороны,
 Сейчас старательно пишу я с левой.
 Но те же мысли в строки вложены,
 И те же чувства и напевы.
 И дочерям моим
 Понятен я во всем
 На русском языке родном.
 Лишь иногда,
 Когда беру я новую тетрадь,
 То путаю,
 С какой мне стороны начать.

**(Написано автором по-русски в 1950-х гг.
 в Узбекистане)**

* * *

Я соснам читаю еврейское стихотворенье,
 Деревья кивают,
 Приятно мне их одобренье.
 А может, они потому мне кивают ветвями,
 Что думают: "Жалко, один со своими стихами,

Как тронутый ходит, и под нос бубнит себе строки,
Такой он печальный, такой он, увы, одинокий!"
И шепчутся листья, лепечут, судачат, лопочут,
А кажется мне, что они надо мною хохочут.

Перевод Л. Озерова

* * *

Я никак не пойму,
Отчего, почему
Мне припомнился фронт вдалеке,
Где ни разу не смог
Хоть бы букву, хоть слог
Записать на родном языке.
Здесь бои, все бои,
А погибну в бою,
Кто бы поднял бумажки мои,
Кто бы понял, о чем я пою...
Не писал, не печатал, а запечатлел
Я стихи свои в сердце моём,
А как только войне
Был положен предел,
Я вернулся в свой дом,
Записал их потом.

Перевод Л. Озерова

Перец МАРКИШ**ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ****1**

И день, и ночь в раздумье оснеженном
Все ждет тайга, когда броней экспресс
Загромыхает гулко по уклонам,
Багровый дым держа наперевес.

И, прижимаясь к небесам морозным,
Тоскуют дни и ночи напролет
По сменам зорь, по циферблатам звездным
Громады гор, закованные в лед.

И тишина прозрачная такая,
Что слышно за версту хрустение сучков,
Когда, подстреленный, в чащобу, спотыкаясь,
Уходит зверь унять струящуюся кровь.

Но к иступленному составу вихрем рвется
В тоске, вскормленной сопками, тайга,
Когда стальным он горлом разревется
И дым прощальный бросит на снега.

Она манит красой пестрополосой,
Камчу и бархат мечет под колеса,
И выюгами гудит среди пустырей:
«Экспрессы, возвращайтесь поскорей,
Чтоб вызволить меня из дремы хмурой
И первозданность соскрести с меня».
Расперты мощью берега Амура,
Он продвигается упорней день от дня
К золотокованым подножиям Хингана.
«Не мешкайте в путях,
Ждут горы-великаны.
Густейший мед — в набухнувших грудях,
Звончайшим золотом расперты жилы.
Есть у меня родник:
Кто, сумрачный и хилый,
К нему хоть раз приник,

Тому чудесное дарует исцеленье, —
 Ужели только страждущих оленей
 Целить ему назначено вовек?»

2

К трясине облако нисходит золотое
 И окунается в зеленые настои;
 Туманы ржавые кочуют вдоль озер,
 Толчется мошкара над буйною осокой.
 Но солнце в небесах вздымается высоко,
 Стеклом расплавленным струится кругозор.

Кружитесь, ветры!
 Солнце, полыхай!
 Дыханьем жги, мороз, морщинистые лица,
 Вливай нам силу в грудь, пылающий мороз!
 Идет к тебе, тайга, народ омолодиться,
 Идет разворошить тебя из края в край,
 Исполненный надежд и рвенья;
 Он тоже внял движенью звезд,
 Божественной премудрости оленей:
 С высоко поднятою головой
 Идет к тебе, тайга, громадой боевой, —
 Не по глухим тропам
 В неведомые дали
 Бредет, тая печаль и страх, —
 Но в пламенных,
 Но в бурных поездах
 Он по сибирской мчится магистрали.

3

Здесь в голову мороз кидается, как брага,
 Вливает в жилы крепость и отвагу,
 На сотни миль простерты снега
 Здесь наготой сияют человечесьей.
 Так радостно ступает здесь нога.
 И дерево древнейшее на плечи
 Здесь хочется взвалить и понести в простор,
 И встать могучей сопкой у границы,
 И недругу бросать в упор:
 «Взгляни на кряж, что в даях громоздится,

Он в тучи врос гранитной головой,
“Из края в край раскинулся, могучий.
Ты видишь ли его издалека?
Он еще выше встанет, грозовой,
Взойдет еще неодолимой,
Когда врага протянется рука
Хоть к малому клочку земли родимой».

1935

Перевод Д. Бродского

Ирина МЕТЕЛКИНА

* * *

Неведомо, но есть село вдали.
Там по ночам калитка тихо хлопает.
Весной спадает голубыми хлопьями
Черёмуха до голубой земли.
Там холодна трава на берегу.
Ногам босым и весело, и колется.
Я знаю, снова новенькие колышки
Привязывают к саженцам в саду.
А в поле запах дыма и травы,
И землю лемех с корнем выворачивает,
А летом, вслед за солнцем поворачиваясь,
Подсолнуху не вскинуть головы.
Неведомо, но есть село вдали.
Оно моё с рожденья и до смерти.
И я иду к нему, вот так же к свету
Иду всю ночь усталость утолить.

* * *

По улице порой хорошею,
Глазами тёплыми мигая,
Траву неловкую сминая,
Бежали тоненькие лошади.
Звенели бубенцы, как песенка,
Копыта тротуары били.
Спешили лошади не в битву,
Бежали ласково и тесненько.
И с ними, радостен и тонок,
Как будто песенку насвистывая,
Бежал горячий, словно искорка,
Ушастый красный жеребёнок.
Он задирает коленки весело.
Хоть маленький, он не опаздывал.
Так по селу не в бой, не парами,
Бежали лошади за вечером.
Квадрат окна прозрачным станет,
Звезда последняя растает.
По бело-голубому снегу
Пройду к колодцу за водой.

И буду с бабами судачить
 Про все удачи-неудачи.
 Но о тебе совсем не вспомню
 И имя не произнесу.

А вечер явится с порошей —
 Сухих поленьев в печь подброшу.
 Запляшут красные закаты
 В моих малиновых зрачках.
 Детей весёлых накупаю,
 И засыпаю, засыпаю,
 Но о тебе уже не вспомню
 И имя не произнесу.

ЛЮБОВЬ

Дурнушка, дурочка да грешница,
 К тому ж немолода.
 А мне блазнится всё да грезится
 Любовь, что навсегда.
 Высокая, чтоб небо около,
 Да рядом облака.
 А сердце охает да ёкает,
 И дрожь в руках.
 Любимый, я ли не лелеяла
 Ланит твоих и плеч?
 Ты лён волос ронял на плечи мне,
 Чтоб мне твой сон стеречь.
 Мой милый, как солдатка верная,
 С каких лихих боёв,
 Ждала тебя, как дура, веруя,
 В одну твою любовь.
 И было это утро тихое.
 Но грянул пушек залп:
 - Я разлюбил, прощай, прости меня, -
 Ты мне сказал.
 И умерла я. И воскресла я.
 Господь не попустил.
 И возлюбил за муки крестные.
 Меня простил.
 Дурную, падшую да бедную
 Возносит в облака.
 И музыка плывёт небесная.
 Ко-ло-ко-ла.

* * *

Колец дешёвых колесница,
И часики вокруг запястья.
Пора вам, бабушка, за пяльца,
А лучше бы за спицы.
И в кресле, притомив ресницы
Стекляшками очков немодных,
Из ниток сочинить угодно ль
Носки, а лучше — рукавицы?
А к ужину пирог с визигой,*
Ватрушек, плюшек тазик полный.
Извольте, бабушка, исполнить,
И ждать визита.

Чу, гости! Впрямь, авто сигналит,
Калитка хлопает, хлопочет.
И на крыльце уже топочут
Ботинки, туфельки, сандалии.
Весёлый гомон на террасе,
В передней кавардак и в зале.
И мне совсем не до вязанья.
Я пребываю в трансе
От воркованья дочки с мужем,
От птичьих голосов мальчишек...
Строка к строке — готовы вирши,
Совсем не ужин.

Какая я смешная бабка!
Нет, чтоб о хлебе, о насущном.
А я... Всё к небу возношусь я,
Свои сплетаю байки.
Сплетаю о любви, о мае,
Как рвётся первый лист из почки,
Как скоро повзрослела дочка,
Как редко навещает маму.
Сплетаю свои строчки-нити —
Любимым узелок на память
О часиках вокруг запястья,
Колец дешёвых колеснице.

*Визига - мелкая рыба (обл.).

ОСЕНЬ

Осень, закат сиренев,
Изморозью озабочен.
Снег наследил вдоль обочин.
Леса наряд шагреньев
Манит в шорохе сгинуť.
Шелест слегка позолочен.
Осень, как ты порочна,
Все оголила изгибы.
Голые сучья и ветки.
Что за нужда раздеваться?
Мне ж теперь ёжиться, жаться,
Мне же — дрожать от ветра.
Ветер — гулёна, охальник —
Рвёт и с меня одежонку,
Как соблазнитель прожжённый,
Будто подвыпивший хахаль.
Осень-восход фиолетов —
С ветром всю ночь прошлялась.
Рвал он и шарф мой, и шляпу.
Еле расстались к рассвету.
Стыну осиною раздетой.

Борис МИЛЛЕР

СТИХИ В ПРОЗЕ

В переводах В. Фоменко

ЦВЕТЕНИЕ

Все крылечко запорошено лепестками отцветающих яблонь и вишеночек...

Приди сюда, любимая! Оставь на этих ступеньках свой торопливый след.

Приди и ты увидишь, как в сердце моем, как на этих деревьях цветёт-расцветает любовь.

...Летят-летят, словно легкие снежинки, лепестки весенних цветов, густо устилая ступени моего крыльца. По приметам, если буйно цветут сады — будет осень щедрa на урожай. Есть еще время созреть и моей любви...

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Как будто ведь совсем недавно любовался я первой травкой, а вот уже кружат в воздухе первые снежинки. Отблистало роскошное лето, по-осеннему отшумели леса... Только я гоню от себя сожаления. Я не отношусь к тем людям, которые не прочь поохать-повздыхать едва ли не по любому поводу. Не надо переживать-печалиться: всему на свете — своя пора. Первым травам и цветам, как и первому снегу.

ПОЕТ МИРЕЙ МАТЬЕ

Я, к сожалению, не понимаю твоего языка,
Но душу твою я понимаю.
Вот ты стоишь, залитая горячим ярким светом сцены,
И твоя песня, похожая на крик боли, летится из сердца в сердце.

Глаза твои строги, серьезные. Но вот — улыбка на лице.
И тут же — гнев и боль. И снова нежность во взоре.
Голос твой поднимается до самой высокой вершины неба
И возвращается, чтобы приникнуть в глубину моей души.

Твоя песня — о простом человеческом счастье,
 Но в напевах твоих таится колдовская сила.
 И я готов поддаться ей и вслед за тобою прославить
 Гремящее «революсьон»...

Пой же, Мирей! Наполняй радостью людские сердца,
 Пой о борьбе и о счастье любви.
 И будь нема перед злобными поджигателями войн!
 Песни твои, Матье, — звучащий мост между людьми доброй воли.

Страну со страной, народ с народом соединяет этот мост.
 Она летит над морями, воспаряет к облакам.
 Пой, пой, Мирей! Песня твоя проста и свята.
 Она зовет к счастью дружбы, она — призыв!

ДВОРОВАЯ КОМАНДА

Эй, пацаны! Скорей, скорей!
 Встречаемся на льду коробки,
 Пойдёт игра в большой хоккей,
 Все к нам, кто сызмальства не робкий!
 С утра привычен разговор
 Про шайбы, клюшки и про каски,
 И малышня спешит во двор,
 В подъезде позабыв салазки.
 Болельщики кричат, свистят,
 У сетки свалка, бортик гнётся,
 Пылают щёки у ребят —
 Дружина наша не сдаётся.
 Нам честь команды — не пустяк,
 Мы верим до конца в удачу:
 Свой Мальцев есть, и свой Третьяк,
 И два Фетисовых в придачу...
 Увы, мне детства не вернуть,
 Не поиграть на льду искристом.
 И я завидую чуть-чуть
 Дворовым нашим хоккеистам.

Перевод Н. Филипкиной

ДРУГУ

Любе

Я не могу тебе ответить прозой!
Выстукивает сердце жгучий стих.
Твоё письмо — мои скупые слёзы
От счастья, звук которого затих.

Да что там счастье? Радость небольшая
И та укрыта горами невзгод.
И всё ж его дыханье ощущаю
Я в нашей дружбе уж который год.

Свободу, дом — что дорого, любимо —
Злой рок украл у нас с тобой, как вор.
Но есть одно, оно — неистребимо.
Одно ещё не отнял приговор:

Святая дружба, твой привет в конверте.
И я тебя приветствую, любя.
И знай: что всё проходит, друг мой верный.
Мучения отступят от тебя.

Ноябрь, 1955, № 019, Тайшетлаг.
Перевод А. Акименко

Василий МОРОЗОВ**КЛЮЧ «БЕРЁЗОВЫЙ»**

Между сопок вьётся ключ,
 Голосок его певуч,
 А берёзы белолицы
 Подошли воды напиться.
 Стали слушать сообща
 Песни горного ключа.
 Не уйти красавицам —
 Песни очень нравятся.
 Здесь геологи прошли,
 Оловянный клад нашли.
 Под берёзой ночевали —
 Ключ «Берёзовым» назвали.

1966

РУЧЕЙ

- Ручей, ты чей?
 - Ещё ничей.
 - Откуда родом?
 - Из ключей.
 - Куда бежишь?
 - Где синь-река,
 Чтоб с нею
 Слиться на века.
 - Зачем? —
 Допытывался лес.
 - Вращать турбины
 Новой ГЭС.

1966

АИСТ

Вдоль болота бережком,
 Бережком
 Ходит аист с рюкзаком.
 Мы спросили:
 - Эй, чужак!

Для чего тебе
Рюкзак?
- Улетаю
Я от вас.
Сто лягушек
Взял в запас.

1967

НЕДОТРОГА

С неба спустился
Солнечный луч,
В землю вонзился —
Горяч и могуч.

Снежная горка
Заплакала горько,
Солнечный луч
Рассмеялся - и только.

Луч улетел,
А соседка дорога
Горке сказала:
- Эх ты, недотрога!

РЫСЬ

Хоть и схожа
С кошкой рысь —
Рыси ты не скажешь:
«Брысь!»

ЧЕРВЯК-ЗЕМЛЕМЕР

Мерял землю землемер —
Перешёл шоссе и сквер.
Мерял землю сотней ног...
Да устал червяк и лёг.
Растянулся, как полено —
Ни ступней и ни коленок.

МЕДУЗА

У пролива Лаперуза
Вольно плавает медуза.
С виду — гриб или цветок,
Но когда подходит срок —
Лепестки затынут в гриб
Любопытных мелких рыб.

ПТИЦА-ЛЕСОВОД

Трещит кедровка
день-деньской,
под кедрами порхая.
Орехи прячет под листвой
И тут же забывает.
Весной орехи прорастут
И встанут кедры там и тут,
Расти им год от года.
Не зря же в мире все зовут
Кедровку — лесоводом.

СТРЯПУХИ

У прохожих на виду
Быстро стряпаем еду.
Напекли мы из песка
Десять булочек пока.
Кошка кушать их не стала.
Говорит:
- Калорий мало!

СВАРЩИК

Цех поднялся к небесам,
Ходят люди по «лесам».
Молодой электросварщик,
За щиток упрятав нос,
Вяжет стены спицей яркой
В окружение синих звезд.

С высоты, где жили боги,
Парень в шутку иль всерьёз,
Бросил девушкам под ноги
Золотую россыпь звёзд.

ВЕСЁЛЫЙ ТАЗ

С крыши капелька упала,
В таз голубенький попала.
Не смолчал весёлый таз,
Торопливо звякнул:
- Раз!
Вслед за первой с сарая
Капля прыгнула вторая.
И опять весёлый таз
Торопливо звякнул:
- Раз!
- Два! — поправили его
Из пруда лягушки.
Таз не слышал ничего:
Ребятишки у него
Оторвали ушки.

1965

Николай НАВОЛОЧКИН**ГРАМОТЕЙ**

Бабка в город уезжала,
 Бабка мальчику сказала:
 - Ты ведь ходишь в третий класс,
 Ты же грамотный у нас,
 Если очень не спешишь,
 Сделай одолжение —
 Вот бумага... напиши
 Бабке объявление.

Я задумала продать
 Односпальную кровать,
 Машку — дойную корову,
 Патефон, почти что новый,
 Курицу с цыплятами —
 Курица-несушка,
 Чушку с поросятами —
 Ласковая чушка.
 А за объявление
 Угощу вареньем.
 Вот варенье — на плите...

Согласился грамотей.
 Посидел — и в полчаса
 Объявление написал.
 Всё припомнил со стараньем,
 Позабыл один пустяк...
 Что же?
 Знаки препинанья!
 Объявление вышло так:
 «Патефон почти что новый
 Продаётся и корова
 Машка дойная кровать
 (Торопитесь покупать)
 Односпальная несушка
 С дюжиной цыпляток чушка
 С поросятами перина»
 Подпись:
 «Бабка Катерина».

День прошёл, второй проходит, —
Покупатель не приходит,
Чтоб у бабки покупать
Машку дойную кровать,
Односпальную несущку,
С дюжиной цыпляток чушку,
С поросятами перину...
Жаль мне бабку Катерину!

«ЖАДНАЯ» СЕСТРЁНКА

Брат сказал своей сестрёнке,
Занимавшейся в сторонке:
- Может, Света, ты мне дашь
Свой зелёный карандаш?

Но ему сказала Света:
- Я сейчас рисую лето.
Карандаш зелёный мой
Очень нужен мне самой.

- Вот ты жадная какая, —
Брат ответил ей, вздыхая.
- Что мне делать остаётся?..
Рисовать своим придётся!

ДВОЕ

Две кепки лихо сдвинуты
Задом наперёд.
Две удочки закинута,
А рыба не берёт.

Две пары брюк засучены —
Рыбачат внук и дед.
- Нет, нынче сом наученный,
Хитрее рыбы нет.

Бывал один в сражениях,
Болит к ненастью бок,

Второй лишь умножение
Усвоил назубок.

Но здесь сидят, как равные:
- Да, рыбы в речке тьма...
Я тут недавно славного
Перехитрил сома.

Он — это было — кинулся
То в тот, то в этот бок...
Но тут у внука двинулся
И скрылся поплавок.

Старик своё:
- Здоровый!
На три сковороды!
Тебе ещё такого
Не вынуть из воды.

А внук работой занят:
Улов на берег тянет.
Рывок! И вот уж сом
Крутнулся колесом.
Огромный, настоящий...

А рядом я сидел,
На поплавок дрожащий
Внимательно глядел.
Наслушался советов,
Попробовал ухи
И написал про это
Такие вот стихи.

ЕГОРКА И ТРЕЗОРКА

Недавно щенком
Обзавёлся Егорка —
В рогожке сосед
Притащил вечерком.
Щенок как щенок,
Называют Трезорка,

Два уха, лохматый,
И хвостик торчком.

Пошёл прогуляться
С Трезоркой Егорка —
Щенок хворостинку,
Как взрослый, понёс.
Мальчишки-друзья обступили Егорку
И тут же решили —
Породистый пёс.

Домой возвращался
Егорка с Трезоркой, —
Котёнок от страху
Залез на забор.
- А ну-ка, пугни его, —
Просит Егорка.
— Да что ж ты не лаешь?
Ну лай же, Трезор!

Хвостом завилял
От восторга Трезорка, —
А лаять пока
Не умеет щенок.
Тогда оглянулся
Смущённый Егорка
И взял да по дружбе
Залаял, как мог.

Анатолий ОВЕЧКИН**РОДНИК**

*Писателю
Андрею Фёдоровичу Дубовицкому*

Переливаясь и звеня,
Собой на вид такой невзрачный,
Он бьётся, путников маня,
Струёй холодной и прозрачной.
Он, сколько помню, никогда
Не высыхал под солнцем жгучим.
Жестоким зимним холодам
Не покорялся он, певучий.
Когда, ликуя и трубя,
Метель заглушит голос нежный,
Быть может, только для тебя
Поёт он песнь под толщей снежной.
Но лишь весной растает снег,
Спадёт с него покров тяжёлый,
И, торжествуя, раньше всех
Он подаёт негромкий голос.
И вновь в движении, в игре,
И ни заботы, ни печали
О том, что за разливом рек
Его порой не замечали.

УТРО

Ну и утро!
Свежее молодухи,
Ненароком сводящей с ума,
По реке крутогрудой лебедушкой
Уплывает молочный туман.
Беспричинно смеется и дразнится
Оголенной реки бирюза,
Будто юная дева-проказница
С чертовщинкой,

С бесинкой в глазах.
Прехорошенькой, робкой кокеточкой
Наклонилось к реке деревцо.
Прикоснись — затрепещут все веточки
И росой омоют лицо.
Берега, камышом позаросшие,
Позабывшее кем-то весло...
Почему это, люди хорошие,
Мы чураемся ласковых слов?

* * *

Говорят, не все пути сквозные.
Говорят, придет конец пути.
Говорят еще, места родные
Тянет перед смертью посетить.

На чужбине день цветет и вянет,
День за днем бегут одной рекой.
А меня на родину не тянет:
Значит, мне до смерти — далеко.

ВОРОБЫШЕК

Холодище! Весь мир сутулится.
Ветер. Колкий кружит снежок.
Над окошком моим, на улице
Проживает один дружок.
Утром я открываю форточку
И, морозцем стекло освежив,
Подаю ему хлебную корочку:
- Жив ли, серенький?
- Жив-жив-жив!
Удивляюсь тебе, воробышек:
Чуть приметный вроде комок.
И сквозь перья светятся ребрышки:
Чем питаешься — невдомек.
Ни тепла тебе нет, ни мошек.
Ветер лютый да снежный наст.

А у нас столько всяких крошек,
Да не каждый тебе подаст:
Воробьиным коротким пением
Головы никому не вскружить...
Запасись до весны терпением
И желанием жить-жить-жить.

Бузи ОЛЕВСКИЙ

В ТАЙГЕ

Не видно дороги в снегу;
Снег сыплет и сыплет, суров.
Я, даже нагнувшись к земле,
Не вижу своих же следов.

Мне много не нужно теперь,
Мне б крышу и чаю стакан,
Да лошади мерку овса...
Но всюду лишь снежный буран.

Не так бы пустынна была
Безмолвная снежная гладь,
Чтоб видеть живое окно,
Хоть издали лай услышать.

Вокруг только лес, тишина,
Нигде не мерцает огонь...
Что ищет в ночной темноте,
Что в ветре почуял мой конь?

Мы издали слышим собак,
И хлещет нас снег на бегу...
Так счастье приходит ко мне
Заснеженной ночью в тайгу.

2

Там кто-то окликнул собак.
Вот стекла блеснули в окне.
И кто-то с порога зовет —
Выходит навстречу ко мне.

Берет за уздечку коня
Чужой пожилой человек,
Меня приглашает на чай,
Он мне предлагает ночлег.

Старик, по колено в снегу,
Мне светит горящей корой,
А следом, с коптилкой в руках,
Старушка спешит на порог.

Друзья, не знакомые мне,
Выводят из ночи меня,
Хотят накормить, напоить,
Скорей обогреть у огня.

И долго с чужими людьми
Сию я в их доме лесном,
И смотрят они на меня,
И думаем мы об одном.

На мили снега и леса,
А в домике столько тепла!
И как хорошо мне с людьми,
К которым метель привела!

С ЛЕСОРУБАМИ

Окно нетрудно спутать со звездой,
Из темноты, глядящей на прохожих.
На задних лапах, как медведи, стоя,
Седые ели на зверей похожи,
Когда, дрожа, с ума сходя и воя,
Тайга во мраке борется с пургой.

В такую пору рай на нарах грубых —
Сидеть в тепле, да слушать лесорубов,
Да говорить, а после слушать снова,
Когда ветра режут, грозя бедою,
И снег сечет, и даже зверолову
Окно нетрудно спутать со звездой.

Чего желать! Блаженствуя и млея,
Друг другу с каждым часом мы милее,
Внимания полны и интереса,
Мы говорим о мерзлой древесине,
О городах, что встанут в дымке синей,

О путниках, блуждающих по лесу,
О звероловах, жизнь берущих с бою,
О том, что даже им во тьме белесой
Окно нетрудно спутать со звездой.

ДОМА СТАНОВИТСЯ ТЕСНО

Для выросших — простора в доме нет,
Для них перрон становится порогом.
Зарей войдя в вагон, я в белый свет
Умчался по неведомым дорогам.

Меня состав вез долго — и привез.
В мир развороченный я всосан ныне.
В ночи тревожной стоя, двух берез
Я вижу очертанья на равнине,

Село, домишек выбеленных ряд.
Винтовку тульскую в руке сжимаю.
Гвоздями сапогов моих примят
Ковер травы в зеленом этом крае,

Как всякой ночью летней, холст паров
Колышется над травяной парчою.
В нависших тяжело листьях облаков
Шуршит луна, как яблоко большое.

Порой сияет, выкатясь из них...
Колосья зреют в необъятной шири,
Дух сена свежего в полях ночных:
Как будто правда все спокойно в мире.

И звезды чуть дрожат... И где вагон,
Который мчал меня из Черняхова
Сюда, где ныне на великий кон
Отчизною поставлен я сурово?

И, притаясь на остром рубеже,
Между творящей и губящей силой,
В глухой полуночи настороже
Стою, на бой готовый каждой жилой.

В СЕЛЕ

Окошко покрыто корой ледяною,
Стучусь... Открывается дверь предо мною.

Едва лишь успел я сказать: «Добрый вечер»,
Как тотчас захныкал чудной человек:

— Здесь царство лесное, здесь нас не тревожат,
Но что же еврей заработать здесь может?

Соскреб он с окна ледяные узоры,
Увидел я даль и горбатые горы.

Сказать бы ему: не тайга виновата,
Не страшно, что синие горы горбаты...

Но не отвечаю ему ничего,
Лишь дверь открываю, а там волшебство:

Деревья, сугробы и горы вдали,
Простор белоснежной лесистой земли.

Серебряным диском сверкает луна,
Река подо льдом, синева, тишина.

Не небо старо, не тайге нет конца, —
Есть в мире поросшие лесом сердца.

В них кочки, колдобины. Вот где тайга!
В тайге-то весною растают снега...

Да, трудно прокладывать в дебрях пути
И первому с заступом в поле прийти,

Но вдвое трудней, чем леса корчевать,
Ненужные корни из душ вырывать

И чистить замшелые недра души...
Ты слышишь, как снег запекает в тиши?

1936

Перевод Д. Бродского

МЫ ВЗРОСЛЫМИ ЕЩЁ СЫЗМАЛЬСТВА СТАЛИ

Исходит кровью солнце в дымной дали.
Высокая рождается звезда.
Мы взрослыми еще сызмальства стали,
И — черт их знает, где они, года!

Мой брат пропал в глухой дали походной,
Шинель оставив с вытертым сукном.
Стальную смерть, его наган холодный,
Теперь в кармане я храню своим.

Года, сменяясь, вихрем пролетели,
Вовек не воротиться им назад.
Ребенком, помню, в утлой колыбели
Проснулся я от грохота гранат.

Спят нынче дети мирно и глубоко,
Колышется над ними полутьма,
Отцы склоняют головы — до срока
Запорошила снегом их зима.

И в памяти моей давно печали,
И радости смешались навсегда.
Мы взрослыми еще сызмальства стали,
И, черт их знает, где они, года!

Перевод Д. Бродского

ПЕРВЫЕ

Вот так зарождались селения Биробиджана —
Под небом бездонным, упавшим на плечи Хингана,

Послышались топот и ржанье, и крики: «Скорее!» —
Тряся бородами, коней понукали евреи.

Болели глаза от простора и солнечной дали,
Подобных которым они никогда не видали.

Вершины хребта пламенеют в алмазных уборах,
А ниже по склону теснятся домишки, в которых

Живут пионеры. Степенно, с серьезностью давней
Оконные стекла блестят сквозь открытые ставни.

Все, все утрясется. И смех уже слышится звонкий,
И странно белеют на мшистых деревьях пеленки,

А в сочной траве, не слыхавшей о людях веками,
Мелькают платки и, конечно, глаза под платками.

На фоне деревьев застыл жеребец, как картина,
Немного пониже по склону пасется скотина,

Там доят коров и, конечно, шумят по причине
Того, что без ужина быть невозможно мужчине.

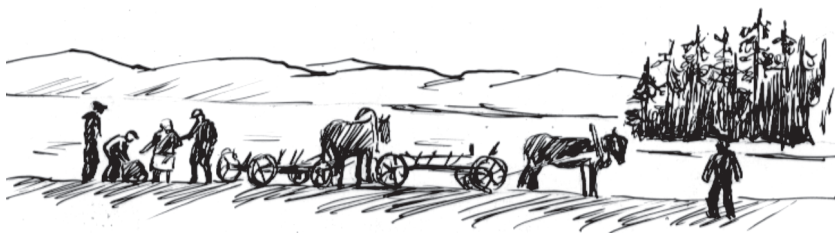
Дымятся костры, вкусный запах струится в тумане,
Сбегаются дети, черны и шумны, как цыгане.

И нет лишь отцов, что, вечерний покой беспокоя,
Никак не устанут тягаться с угрюмой тайгой,

Упрямцев, которым и ночью трудиться охота,
Которые валят тайгу до десятого пота!

1936

Перевод Д. Бродского

СЛОВО НАШЛОСЬ

Вот и нашлось это доброе слово,
Что засияло в строчке алмазом,
Так, что досада, зависть и злоба
Вмиг отступили, кончились разом.

Долго искал, от родного порога
Я отдалялся надолго, далеко.
Сколько пустой перебрал я породы,
Как измотали даль и дорога.

Но отыскалось доброе слово,
Сплав и любви, и вражды нашей ярой,
Встало на место нужное — словно
Так изначально оно и стояло...

Сколько земли перепахано нами,
Рушили — и возводили плотины,
Сколько боролись, бились — пока мы
Жизнью за нужное слово платили.

И отыскалось доброе слово,
Строчку закончив, встало на место,
Больше не требуя лжи и заслона,
Фальши приметной и неприметной.

Строчка готова. Время покоя.
Сердце мое, отдохни понемногу.
Что же с тобою снова такое?
Новая строчка гонит в дорогу...

ПАДАЕТ ЯБЛОКО С ДЕРЕВА

Падает яблоко с дерева,
Капля срывается с крыши —
Маленькой этой потери мы
Мимо пройдем — не услышим.

Чья-то слезинка уронена,
 Бедствует кто-то на свете —
 Этого тихого горя мы
 Мимо пройдем — не заметим.

Близкие или дальние,
 Все же мы — братья и сестры.
 Вдруг да и с нами когда-нибудь
 Что-то лихое стрясется?..

Радость рассыплется, брэнная,
 Дымом рассеется счастье,
 Сердце невольно потребует
 Помощи или участия.

Чья-то припомнится горестъ — и
 В этом возможном грядущем
 Мы захлебнемся от горечи
 Собственного равнодушья...

О ТЕБЕ

Что бы я делал,
 Не будь ты со мной
 В этой нелегкой
 Дороге земной?

Что же бы стало
 Со мною теперь,
 Если б тогда
 Не открыла ты дверь?

Если б тогда
 Не прибило к песку
 Лодку мою
 На твоём берегу?

Что б это было?..
 И знать не хочу.
 Просто доселе
 Любовью плачу.

Помню все крепче
День ото дня,
Что без тебя бы
Не стало меня.

Переводы Н. Красильникова
к несостоявшемуся изданию книги
М. Рианта, 1989

НЕ ЗАБЫВАЙ

Свеча беды далекой
Горит в окне.
Что жизнь была нелегкой —
Простится мне.

Но я ей не прощаю —
Я помню зло:
Лежит в земле печальной
Пехотный взвод.

...Свеча горит и светит
В полночный час —
Все радости на свете
Светлей в сто раз!

РАЗДУМЬЕ

Биробиджан мне снится по ночам,
Виденьем проступает через тьму.
Походкой лёгкой проходил я там
Вдоль тихих улиц к дому своему.
О дамбу билась гордая Бира,
К востоку зыбь гоня издалека,
Пусть пойма комариная сыра,
Но как прохладна и чиста река!
Я с нею не расстался б никогда,
Но жизнь идёт с желанием вразрез:
Осилил горе — подошла беда,

Прошёл по кочкам, за болотом — лес...
 Уехал я, но мыслями — краю,
 Который никогда не предавал,
 Который сердцем и умом люблю,
 Жалею только — мало воспевал.
 Идут года, и на закат склонён,
 Увы, отсчёт земного бытия.
 Недосчитался многих я имён
 Среди друзей биробиджанских я.
 Я помню всех, кто говорил на идиш,
 Когда костёр на площади пылал,
 Лишь в страшном сне теперь уже увидишь,
 Как пепел книг по улице летал...
 Всё пережил мой город терпеливо,
 Прошёл ГУЛАГ, познал цензуры цепь.
 Ну а Бира по-прежнему красива,
 Кудрявы сопки и привольна степь.
 Раз так, то в нынешней нелепой смуте
 Отыщется людей достойный путь:
 Не растолочь народа разум в ступе,
 Как вспять Биру мою не повернуть.
 За что, не знаю, только постоянно
 Я у неё прощения прошу...
 Не потому ли из Узбекистана
 На мамэ-лошн* письма я пишу?

1980

* Мамэ-лошн — дословно: «язык матери», т. е. родной язык поэта, идиш.

МЕРА

Все в меру хорошо: слова и песни,
 Но почему же сердце так щемит?
 Любовь приходит— гром гремит небесный,
 Любовь уходит— тишина звенит.

По полочкам разложим все как будто.
 Ах, мудрость наша — цены да весы.
 Но сколько стоит радостное утро?
 И сколько весят запахи весны?

Все хорошо, что в меру. Это точно.
Пиджак и туфли или соль в еде...
Но сердце наше меры знать не хочет.
Оно безмерно в счастье и в беде.

РОДНОЙ ДОМ

Улетело детство. Только снится
Дорогая памяти пора:
В новый дом вхожу я, как в столицу,
И шумит за окнами Бира.*

Гул тайги, недавно дикий, зычный,
Птичий крик в заречье голубом...
Стало всё таким родным, привычным
Для того, кто здесь построил дом.

Звонких пил дворовые оркестры
Каждый день наполнили в году.
Я широкой просекою с песней,
Словно новой улицей иду!

Перевод В. Антонова

* Здесь игра слов. Название реки «Бира» созвучно с ивритским «столица». Село Валдгейм, где жил в детстве автор, и столица ЕАО г. Биробиджан стоят на реке Бире.

Владимир РУСАКОВ**Я ЕХАЛ**

Во мгле приамурской равнинной,
В вагоне полупустом
Я ехал и стон журавлиный
Чуть слышно звучал за окном.
И рельсы стонали, и поезд
Стоял на подъеме крутом.
И мальчик почитывал повесть
О времени нашем больном.
Я думал, что в жизни заморской
Я бился бы рыбой в сетях,
Что женщина ждет в Белогорске,
Которая спит в бигудях...
Я думал, что, в общем-то, ясно,
Откуда и кто я такой,
Что многое было напрасно,
Хотя и оплачено мной.
Я ехал и вез я печали,
И знал, что никто их не ждет.
Колеса на стыках стучали
Согласно всю ночь напролет.

В БИРОБИДЖАНЕ

Не в поисках темы иль жанра,
А чтобы развеялась грусть,
По улицам Биробиджана
Я вечером летним пройдусь.
Меняются город и люди,
Но мысль я шальную ловлю,
Что женщина та еще любит
И я ее тоже люблю.
Не в пользу мою перемены
В судьбе, от которой бегу.
Встречаются в жизни Елены,
А встретить ее не могу.
Годов пролетело немало,
Душа ожиданьем полна:
Откроются двери вокзала —

И выбежит снова она...
Мы что-то напутали, знаю,
Да кто нас теперь разберет!
Зачем я сюда приезжаю?
А слышу: зовет и зовет...

* * *

Ещё не закончена повесть,
И песен я многих не спел,
А время уходит, как поезд,
В который я сесть не успел.
Расплата все промедленья.
Я слышу, как рельсы звенят,
И время — мгновенья, мгновенья —
Проносятся мимо меня.
Сквозь синюю даль и ненастье
Отчётливо вижу вполне,
Как машет откуда-то счастье,
Что было отпущено мне...

* * *

Я себя измотаю. Я знаю,
Что живу на износ.
Но когда засыпаю, летаю
Выше крыш и берёз...
И, как в детстве, смеюсь и
боюсь,
сердцу вольному внемля,
что однажды вернусь
с поднебесья на землю...

МАМЕ

Как я жил, только Богу известно.
Как живу, мне никто не судья.
Всё пройдёт, дорогая моя.
Не сложилась судьба — будет песня!

Никого не зову, не жалею:
Нет возврата всему, что прошло.
Месяц светит, и сердцу светло,
Ну а душу я думой согрею.

Можно плакать всю ночь, можно петь...
 Этой ночи такая безбрежность!
 Я давно не испытывал нежность,
 От которой готов умереть.

БИРОБИДЖАН

Шолом, областная столица!
 Привет тебе, Биробиджан!
 Мне нравятся светлые лица
 И взгляды твоих горожан.
 Мне нравится утром проснуться
 В гостинице тихой «Восток»
 И в будни твои окунуться,
 В уличный влившийся поток.
 И в общем мне нравится город,
 И всякий отдельный момент,
 Что каждый второй ещё молод,
 Что каждый десятый — студент.
 Мне нравятся парки и скверы,
 Задумчивость старых дворов
 И чопорные манеры
 Твоих коренных стариков.
 Рассеяннo-сентиментальный,
 Безудержно-заводной
 Ты в доску провинциальный,
 И всё же такой областной!

*Марина РУСОВА***СОЛОМОН**

Душа — творенья Господа венец!
 Для истины, не для улады слуха.
 Ответь, не заблуждался ли Творец,
 Украсив тело провиденьем духа?
 Мы — прах и в прах уйдём. Так для чего
 Нам Боже крылья дал — сознания силу?
 И мудрости священное чело
 Украсит ли забытую могилу?
 Всё временно: и пашни, и дворцы,
 И храм сожжён, и смрад кругом и тленье.
 Мне слышится, бродячие певцы
 Пророчат неизбежное забвенье.
 В чём истина, израильский мой Бог?
 Как обрести гармонию покоя?
 Я — обречён. Я грешен. Одинок.
 Я — жалкий царь с больной душой изгоя.
 Где счастье? Свет стезе моей померк.
 Нет роду далее благодати и крова!
 Понятие ничтожно — человек,
 Коего не коснулось Божье Слово.

* * *

*Ривке, Саре и Рахель, похороненным на
еврейском кладбище в Биробиджане.*

Нежный твой след мир позабыл,
 Солнце застыло в зените.
 Раскрытый Сидур* в камне застыл
 С надписью на иврите.
 Свет этот белый кори — не кори...
 Голосом старого ребё**
 Каркает ворон молитвой своей
 В вечность раскрытого неба.
 Поминовенья забытая тишь,
 Спрятавшись в вате ковыльной,
 Скорбно прочтёт поминальный кадиш***
 Плачем серебряных ливней.

А накануне субботнего дня,
 Споткнувшись о старый кэвэр****,
 Путник сорвёт, помянув тебя,
 Четырёхлистный клевер*****.

* Сидур — еврейский молитвенник.

** Ребе — мудрец, учитель, в т. ч. обращение к раввину.

*** Кадиш — поминальная молитва (евр.).

**** Кэвэр — каменное надгробие на еврейской могиле.

***** Четырёхлистный клевер (листья «крестиком») - по русским суеверьям, нашедший его, найдёт счастье. Обычный клевер — трёхлистный.

* * *

Девочка глазами серыми с просинью
 Смотрит в залитое дождём окно,
 За которым простужено кашляет осень,
 Сморкаясь в тучечный грязный платок.
 У девочки распухший от простуды нос
 И личико полно глубокого смысла.
 Ведь в Африке зреет дивный кокос,
 И на удивление сухо и чисто.
 И осень в нарядном пальмовом уборе
 Ходит красивой важной царицей,
 И мальчишки под солнышком греют на заборе
 Жёлтые веснушки на чёрных лицах.
 Там гремят тугие там-там-тара-рамы,
 И негритянские принцессы и принцы
 Едят ананасы и прочие... бананы.
 Ах, почему бы ей там не родиться!
 А здесь ангина. И осень в раму
 Стучится веточкой тонкой, как спица.
 Сейчас подойдёт и спросит мама:
 «Что, доченька милая? И в дождик не спиться?»

МИРАЖИ

Там, где волна прибрежная,
 Лежала дама нежная,
 Раскинув руки снежные,
 Как крылья самолёт.
 А дядя Вася Сидоров
 Сидел и тень откидывал

На пуп, что виды видывал,
 На девичий живот.
 Его ждёт полнокровная
 Подружка очень полная
 И в коммуналке комнатка,
 Жена и старый тесть.
 А здесь у тихой рощицы
 Полно полезной площади,
 Но что-то очень хочется,
 Чтоб тесно было здесь.
 Его мечта заветная —
 Бедро коснуться светлого
 И, хлопнув по рюмашечке,
 Застольную запеть,
 И закусить сардинкою,
 Не думать о жилплощади
 И в небо улететь.
 А если дама любая
 Окажется вдруг грубою
 И закричит округою,
 Что хам он и урод,
 Найдёт он на заменочку
 Брюнетку ил шатеночку
 И будет тень отбрасывать
 На девичий живот.
 А жизнь катилась шариком,
 Жена вязала шарфики,
 Подружка утром бегала,
 Тесть перенёс удар:
 А дядя Вася Сидоров
 Себе на пляже сиживал
 И солнце загораживал,
 И в небо улетал.

Из написанного в Германии

НАСТРОЙЩИК ПИАНИНО

Настройщик пианино
 Не слышал левым ухом.
 Несовершенным слухом
 Его не удивишь.
 Настройщик пианино,
 Земля ему пусть пухом,

Вчера скончался, только
Рассвет коснулся крыш.
И этой мудрой ночью
Его душа бродила.
Ступала осторожно
На чёрный небосвод,
Где звёздочки мерцают,
Как клавиши рояля,
Небесного рояля,
Белеют круглый год.
Душа настроит небо
Бесцветными руками,
Когда уснём мы с вами,
Когда весь мир уснёт.
Она настроит небо
На ветер с облаками,
На мир, добро и нежность,
На солнечный восход.
Когда же потянувшись
Руками прямо к солнцу,
Мы встанем в увереннии,
Что мир наш добрым стал,
Вдруг вспомнят, что настройщик
Не слышал левым ухом
И безупречным слухом,
Увы, не обладал.
Он в музыкальной школе
Учился поневоле,
Но был весёлым малым.
Кто вспомнит, тот всплакнёт.
И мы хороним плача,
Такая беда.
Душа его томится,
Душа его поёт.

Виктория РУССКОВА

* * *

Я жила — как шила по канве...
Как могло такое приключиться?
Поселились в глупой голове
Золотые, сказочные птицы.

И летают, крыльями звеня,
Мне поют о розовых рассветах,
И опять зовёт, мечтой маня,
Небо в звёздах и цветных кометах.

Жизнь полна волшебной чепухи,
Правят бал любовь и вдохновенье.
Как же мне писать свои стихи?
Я теперь сама — стихотворенье.

* * *

Души неосторожный бег
Вдруг прекратится на мгновенье,
И словно осень или снег
Настанет время откровений.

Сравнивает все счета любовь,
Глаза наполнит тёплой влагой,
Стихи, как медленная кровь,
Проступят тихо сквозь бумагу.

СУЛАМИФЬ

1

Не грешить, наверное, отрадней...
Кто же нам поможет, милый брат,
Оградить наш юный виноградник
От проворных лис и лисенят.

Ночь обречена, но утро снова
Нас спасёт от грязи и от лжи,
Превращая первородство слова
В тёплые соковища души.

2

... виноградника не сберегла я,
рвётся вверх душа, покидая
тело самой нежной из жён,
мой единственный, Соломон.

Молоком и горячим мёдом
вышей правды и страсти свобода,
лёгкий шёпот, сладчайший стон,
мой возлюбленный, Соломон.

В сонме всех девиц и наложниц,
многольстивиц и осторожниц,
я — единственная из жён,
вечный перстень твой, Соломон...

Марина СМЕРНОВА

* * *

Голый куст смородины,
Зимнее окно...
У меня две родины —
Сердце лишь одно.
Там, за океанами,
Свет такой — один!
Небо сыплет манною,
Там родился сын,
Там мне снятся здешние
Липы, старый дом,
Снятся скверы вешние,
Школа за углом...
Здесь растёт смородина,
Здесь мои друзья,
Здесь другая родина —
Милая моя!
Я иду по городу.
Сколько ж я прошла!
Из пустыни — к холоду,
В зиму из тепла.
Два моих страдания,
Две мои семьи,
Близкая и Дальняя —
Родины мои.

Виктор СОЛОМАТОВ

РАЗДУМЬЯ В СНЕГОПАД

...А первый снег похож на белый стих —
Такой же белый, тихий и прозрачный.
И падает-то он неровно как-то,
И замирает, с веток облетев.
В январский день снега сбиваются в сугробы.
В жгуты свивает их февральский ветер.
В сосульки превращает хитрый март.
Апрель мазнёт по насту жёлтой кистью —
И почернеет, и осядет снег.
Так оседает шапка над квашнёю,
Когда хозяйка переквасит тесто.
И вот звенят весенние ручьи,
И снег уходит в голубую Землю.
Её я называю голубую и потому ещё,
Что космонавтам не доверять
Нет у меня причин.
Они ж в своих суждениях едины,
И утверждают все единогласно,
Что шар земной — росинки голубей!
А это — только снег, ушедший в землю,
Просвечивает сквозь земную корку...
Ведь он не умирает, а выходит
На белый свет
Лиловым колокольцем,
И синеглазым васильком во ржи,
И запахами рясного багула
По склонам сопок, сизым от ветров.
Приходит осень к нам,
А вместе с нею,
Он тот же самый,
Просто вновь воскресший
Из синевы цветов и родников,
Морей и рек, подземных вод и радуг
И выбеленный щедро облаками,
Чтоб думали мы — это первый снег.
А он не первый — он очередной.
Ведь первого в природе очень мало,
И первые приходят раз в столетье,
В тысячелетье даже, может быть.

ПУШКИН

Давно уж слышать
Тошно мне и скучно,
Как мы порой,
Витийствуя, галдим
О том, что, мол,
У каждого —
Свой Пушкин.
А он и у России-то
Один.

СУВОРОВ

Суворов играет в бабки
С кончанскими ребятишками.
Литая, тяжёлая битка
Не дрогнет в его руке.
В Европе грохочут войны,
А тут, в Кочанском, в затишье,
Лишь гулко колотят бабы
Вальками бельё на реке.
Забытый царём и светом,
Разносит он кон за коном,
И спорит в игре, и нашагивает,
И сжульничать норовит...
А жизнь меж тем протекает
По вечным своим законам —
Суворов играет в бабки,
Россия тревожно спит!

* * *

Разожми персты.
Что в гости?
Помыслы чисты,
Хлопоты пусты,
И на сердце стынь —
Больше ничего.
Только жгучий стыд.
Не теряй его!

* * *

По стволам — водопроводным трубам,
 Рокоча идёт весенний сок.
 Не махнуть ли нам с тобой, голуба,
 За город, к природе на часок?

Там в лесу, где в тальники тугие,
 Кто-то нам тропинку проторил,
 Я скажу тебе слова такие,
 Что давным-давно не говорил.

Ты земли увидишь пробужденье,
 Музыку услышишь тишины...
 У природы нынче — день рожденья,
 И на праздник мы приглашены!

* * *

Анатолию Кобенкову

«В тетради общие писать
 Необщие слова,
 Стихи ночами сочинять,
 Себе и близким
 Жизнь ломать —
 Кто дал тебе права?»
 Так вопрошает мудрый глас
 В ночи бессонной, и не раз.
 Наплюй на сей пустой вопрос.
 Ты — юн, пышноволок,
 Ещё далёк твой тяжкий воз
 От роз,
 от розг,
 от слёз...

Ещё ты не перегорел
 И значит — не потух.
 Пищит цыплёнком во дворе
 Твой жареный петух.
 Вноси же в общую тетрадь
 Необщие слова.
 А после будем разбирать,
 Кто дал тебе права!

ОТКРОВЕНИЕ

Гляжу в день грядущий
Сторожко.
Вчера
Величаво-строга,
Отчизна,
Как речка-таёжка,
Что в половодь
Рвёт берега.
Как в пламени,
Нету в ней брода,
Идёт, всё сметая,
Круша.
И сладко мне
Слово «свобода»,
А всё
Не на месте душа.

ОБЕЩАЛИ

Обещали снег с дождём.
Дождь прошёл,
А снег не выпал.
Клок заката,
Будто вымпел,
Врезан в хмурый окоём.
Сквозь немытое
Стекло
Я гляжу
На серый вторник.
Серый дворик,
Мокрый дворник,
Небо в лужи
Натекло.
Зрю я
Этот мир простой,
Всё надеюсь —
Снег повалит.

Пусть обманет,
 Но поманит
 Первозданной чистотой.
 Всю-то жизнь
 Мы ждём да ждём,
 Уповая и надеясь,
 Веруя, впадая в ересь...
 Обещали
 Снег с дождём!

ИЗ ИЗРАИЛЯ С ЛЮБОВЬЮ

О почвах тех не скажешь, что тощи.
 Их просто нет —
 песок тут да каменья.
 Лишь цепко в ЭТО
 вклезились хвощи,
 Глубоко запустив свои корни.

Прошло едва полвека,
 Боже ж мой!
 Каким настырным надо быть народом,
 Чтоб ЭТО стало
 тучною землёй,
 Землёй, текущей молоком
 И мёдом.

ГЕКЗАМЕТРЫ ГОМЕРА

Ни зарева восхода, ни цветенья,
 Ни голубя в прозрачной синеве,
 Ни пенных волн крутого колыханья
 Не мог увидеть он — слепой Гомер.
 Вот потому-то и любил у моря
 Просиживать он долгие часы,
 Прислушиваясь к рокоту прибоя
 И чутко прикасаясь к мокрой гальке.
 И ритмы моря, что вздыхало влажно

И всасывалось в голубой песок,
Ему размер поэмы подсказали.
Был тот размер безбрежен будто море.
И заставлял сказать единым вздохом
Всё, что хотел ты здесь сказать строкой.
Какие надо лёгкие иметь,
Чтоб с морем в унисон тебе дышалось!
А мы давно забросили гекзаметр,
И к морю отдыхать, а не работать
Мы нынче едем. И под шум прибоя
Читаем «Илиаду», «Одиссею»,
И всё никак попасть не можем в ритм!

Елена СПИВАКОВА

ПЕСЕНКА ПРО СКРИПКУ И МАСТЕРА

Мастер был беден и глуп,
Жалок, как всякий нищий.
Прост, как куриный суп.
В городе каждом — тыщи
Точно таких, как он,
Кто не живет — мается,
Горбится над столом,
Вся-то душа — в пальцах.

А скрипка пела: «Проснись!
Слушай меня. Слышишь?»
Скрипка велела: «Тянись!
Выше тянись! Выше!
Небо душе подари!
Тесны границы тела!»
Скрипка велела: умри!
И пела, проклятая, пела...

Что это, и для чего?
Он в ремесле — дока.
Или когда у него
Скрипки — певали плохо?
Ах, господин музыкант!
Можно ль звучать — чище?
Чем же тебе виноват
Мастер, душой нищий?

А скрипка пела: «Проснись!
Слушай меня. Слышишь?»
Скрипка велела: «Тянись!
Выше тянись! Выше!
Небо душе подари!
Тесны границы тела!»

Скрипка велела: умри!
И пела, проклятая, пела...

Мастер не спал и во сне:
Бредил скрипичным жаром.
Мастер горел, как в огне,
Битый своим же товаром!
Жизни бы — трижды три —
Дал, чтоб спастись от напасти...
Скрипка велела: умри! —
Умер скрипичный мастер.

ТКАЧИХИ

Снежно, и звездно, и глухо,
И по сугробам — огни.
С девушкой юной старуха
В доме без света одни:
В сумраке белое ткут,
Тихо беседу ведут.

- Бабушка, нитка сурова —
Видишь, в крови полотно?
Молви одно только слово —
Вылечу птицей в окно,
И по сугробам — бегом!
Буду к утру с женихом!

- Глупости полно твердить-то!
Вот ведь, нашла что просить!
Лучше поплакать от нити,
Чем от любви голосить.
Надобно руку набить —
Пальцы не станут кровить.

- Темные ночи настали —
Мне не видать челнока.
Режет глаза — так устали.
Я принесу огонька?
В небе исчахла луна —
Тонкая, еле видна.

- Все трепыхаешься, птаха?
 Ночи ей, вишь ты, не те!
 Ткань на такую рубаху
 Надобно ткать в темноте.
 Да и глаза, говорят,
 Хуже от света болят.

Вот и рассвет запоздалый
 Выкрасил туч волокно.
 Белое, белое с алым
 Женщины ткут полотно.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ

Все васильки, ромашечки,
 Над листьями — букашечки,
 Покуда дождь не выльется
 На белые цветы.
 Дождь — перезвон бубенчиков,
 И гомон желтых птенчиков —
 Им манна с неба сыплется
 В разинутые рты.

А мы — детишки странные,
 Не удивишь нас манною,
 Мы лесенку построили —
 И лезем в небеса.
 Нам в руки тайны просятся,
 В умах зарницы носятся,
 И рвется башня стройная
 Стряхнуть с себя леса.

Мы с буквами, мы с числами,
 Мы колем небо мыслями,
 Грозу ночами ветренными
 Ловим на лету...
 Нам просто делать нечего
 Среди Твоих младенчиков
 В рубашках — и с серебряными
 Ложками во рту.

* * *

В венке из красных васильков
 Я по дороге выжженной
 Шагаю по следам подков.
 Зачем из дома вышла я —
 О том молчок! Как летний зной
 Пахнул печеным яблоком...
 Рожок заплакал над водой.
 О девице? А я о ком?
 Жарой листва опалена,
 Смуглеет сердце вечера,
 И сонно поздняя весна
 С лугов плывет навстречу мне.
 И не расскажет никому
 Вода, от солнца алая,
 Как васильки по одному
 С моста в ручей роняла я.

Игорь ФАЙНФЕЛЬД

* * *

Я помню: меня проглотила звезда,
 Согрела, потом отпустила,
 С тех пор первосвет во мне дышит всегда,
 Его нерожденная сила.
 Мне муки прозренья раскрыли глаза,
 Звериную шкуру сорвали,
 Я видел, как с неба стекала слеза,
 Я видел, как камни рыдали,
 Я видел растенья, в которых живет
 Грядущая страсть человека,
 Я видел сквозь тленье тяжелый полет -
 Рожденье прозревшего века,
 И в людях я видел зачатки иных
 Грядущих основ Параклета,
 И в каждом из ныне бредущих земных
 Я видел ростки первосвета.

ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ

Ломаю я пещерной страстью
 Предел телесный естества,
 Горят своей звериной властью
 Следы тяжелого родства.

Зерно из опыта и думы
 В посмертной маске восковой
 Мне век за веком носит в клюве
 К подножью памяти живой.

Живу я вечен в полуяви,
 Не ангел я и не злодей,
 Себя на вечность переплавил,
 Я — скиф, германец, иудей,

Я — убайд, шумер, индеец,
 Индус, римлянин и этруск,
 Я из сверхвремени радею,
 Боюсь и плачу, и смеюсь.

БЕССМЕРТЬЕ

Зачем сновидения в снах?
Зачем философия в думах?
Бессмертие смертный придумал,
Оно - изваянье и прах.

Откуда ж искусство полно
Великой сверхжизненной силы?
Смеются живые могилы
И тащат постигших на дно.

Чтоб вновь повториться в стихах,
Скульптурах, картинах, иконах,
Неведомых смертным законам,
В тебе - созидающий прах!

СЛЕПЫЕ, КОТОРЫЕ ДУМАЛИ, ЧТО ОНИ ЗРЯЧИЕ

Два обнажения, два моря засохших глаз.
Два вросшихся друг в друга горя калечат нас.
Два ищущих друг друга гроба и мир теней.
О как глухи и слепы оба
В безумье дней!
Из двух костров полупогасших один сложу.
Сердца веков за край упавших в него вложу.
И пусть горит над миром черным костер живой.
И пусть увидит обреченный свет над собой!

* * *

Адрес мира? Мне он не известен.
По Вселенной бреду наобум,
И Земли нерожденные песни
Собираю на кладбище дум,
Слышу, слышу тяжелые стоны
Поколений, что думали жить,
Жизнь разумная ищет законы,
Чтобы эти законы крушить!

* * *

Я видел кладбище рождений,
Я видел лежбище веков,
Опустошительных видений,
Грядущих правд черновиков.

Как разорвать границы мысли?
Как не закрыться от свобод?
Свой, взятый в руки, небосвод,
Как не принять за небо жизни?

Живу я в световой утробе,
Вселенную приняв за мать,
Чтоб в каждой стадии на гробе,
Безглазым червем танцевать.

* * *

Бушуют во мне океаны,
И реки текут,
Извергаются в бездну вулканы,
И птицы поют,
Я земля, я вода,
Я мерцающих звезд сердцевина.

* * *

Зелёные сосны
Плывут по усталой воде,
Далекое небо
Сквозь ветви становится ближе,
Мне остров безлюдный
Поведает думы свои,
И я позабуду
О прошлом пути
Заблуждений,
И дух сберегу
Средь безжалостных
Жизненных волн,
В единстве природы
Исконную мудрость постигну.

ДАОС

Я тонущий в памяти высохших рек,
Отливший в бездну земной человек.

Я белая тень своего бытия,
Из Дао рождается воля моя.

Молчанием Лао свой образ творит,
И Дао устам его говорит.

В молчащее слово я тихо вхожу,
Глубинно вершины свои нахожу.

Смертельный поток всерождения дней,
Я сам отражение тени своей.

* * *

Словно десять веков живу...
Словно десять жизней во мне.
Или сам себя не пойму?
Или жизнь недоступна мне?
Может быть, и не зачат я, -
Родилась только тень моя,
Моим голосом говорит,
Сквозь года моей явью спит,
Зло хохочет над сном цветным
И кричит: жизнь прошла, как дым!
И, смертельно на что-то злясь,
Закрывает живую связь
Между мною и той звездой,
Что всегда висит надо мной?

* * *

Зачем я родился незрячей слезой,
У времени тёк по лицу восковому?
И странно - казалось теку по живому,
И соль своей жизни тащу за собой.
Что вижу, что чувствую - холод ли, страсть?

Я замер у губ, меня слижет мгновенье,
 Прозрачно-нелепо мое постижение,
 Чтоб мертвую воду в живую вливать, -
 Взглянуть сквозь себя по ту сторону света,
 И сжечь как дракона всеилие тьмы, -
 Туда, где ни правды, ни вымысла нету,
 Где Матерью-Вечностью вскормлены мы,
 Туда, где глазами во веки живыми,
 Глядят на нее голубые века,
 И молятся дети во вечное имя,
 И сердце небесная крестит рука...

* * *

*«Я - связь миров, повсюду сущих»
 Г. Державин*

Сквозь искру божью, вечный день,
 Смотрю я в мир, в душе лежащий,
 Безмерный, вечный и неспящий,
 Где явь моя — оттуда тень.

Где явь моя — круговращенье,
 Не доходящее до глаз,
 И незакатных Солнц рождение,
 И атомов горящих в нас.

Пока Вселенная жива,
 Все мнимости - тоски творенья
 Звучат во мне осуществленьем
 И облекаются в слова.

* * *

*«И звезда с звездой говорит»
 М. Лермонтов*

Душа с душою говорит
 О тайне Божьего творенья,
 И дышит небо откровеньем,
 Пока Земля в надежде спит.

И погребальной плоти стон
Вершит начало постиженья,
И первый шаг из погребенья
На недоступность обречен.

Но видит мир лицо свое —
Нет двоедушия в природе
При бесконечном переходе
Из бытия в небытие.

* * *

Стареет роза на моем столе,
Уж белая вода в кувшине пожелтела,
И призрак смерти спит на красоте,
Калеча жизнь безжалостно и оголтело.
Мы не умрем, мы станем пустотой,
И пустота опять родится нами,
И станет вечной розой золотой
С небесными, людскими лепестками.

*Ицик ФЕФЕР***К ТИХОМУ ОКЕАНУ**

Навстречу нам несется знойный день.
Лесов березовых мелькает тень.

И мчимся мы сквозь пыль и сквозь туман,
И недалек уж Тихий океан.

Мелькают сотни городов и лиц,
На проводах промчалась стая птиц.

Забор мелькнул, и домик, и курган,
Нас вскоре встретит Тихий океан.

Передо мной простор страны родной,
Она повсюду следует за мной.

Шумящим лесом, быстрою рекой
Она привет мне посылает свой.

И ветерки со мной знакомы тут,
Они морщины скорбные сотрут.

Здесь каждый куст рассветом осиян,
Увидим скоро Тихий океан.

Внизу блеснул полоскою Байкал,
И блеск его глазами я впитал.

Как этот воздух сладкий я люблю!
Губами ласку ветерка ловлю.

Лечу, как ветер, по родной стране.
Она моя! Она живет во мне.

А там уже мерцают сквозь туман
Улан-Уде, Чита, Биробиджан.

И недалек уж Тихий океан!

БИРОКАНСКИЙ МРАМОР

По мраморным диким массивам
Хожу я, часы коротаю.
По мраморным глыбам красивым
Я в обуви пыльной шагаю.

Вот искрится мрамор зеленый,
Как луг, издалека манящий,
Тончайшими жилками тронут
Вот черный мелькает все чаще.

Вот розовый с отблеском нежным
Весь в солнечных брызгах открылся.
Застыл в ожидание небрежном —
Он ждет, чтоб ваятель явился.
По мраморным глыбам шагаю,
Шепчу по-еврейски в забвенье.
И горный ручей, замедляя
Свой бег, вдруг затих в изумленье.

Из чуждых чертогов когда-то
Мне виделся мертвенный мрамор.
Как он, я томился, прижатый.
Придавленный злыми горами.

Он некогда в плитах надгробных
В кладбищенском мраке скрывался.
Тяжелый и смерти подобный.
Как траурный страж возвышался.

Я видел — в музеях стоял он.
Покрит паутиной густою.
Холодный, меня не пленял он
Блестящей своей красотой.

Шагаю по мраморным грудам.
Массивы лежат Бирокана.
Века откликаются гудом
В долинах, на сопках туманных.

Пластов я листаю громады,
И кажется, бурей гонимы,

Проносятся боги Эллады
И статные всадники Рима.

Я вижу — летят все быстрее.
То в дымке далекого века
Проносятся Рима плебеи,
Кудрявые головы греков.

Из древних аллей чередую,
В пыли, со следами ранений,
Проходят они предо мною,
Прошедшего времени тени...

И вижу — с массивов высоких
Герои страны нашей встанут.
Я вижу, как мрамор облек их
В аллеях Биробиджана.
Мне будущий город сияет,
Мне видится мрамор строений.
На мраморных плитах читаю
Чудесных времен наступленье.

1936

Перевод С. Олендера

ТАЙГА ЖДЕТ

Мы будим сонную тайгу:
«Вставай, тайга! Эге-ей!»
И нам ее ответный гул
Все ближе, все слышней.

Чей шаг? В сибирские леса
Вступила чья нога?
То мы, то наши голоса!
То мы,
То мы,
Тайга!

Куда деваться от щедрот
Земли, воды, зари?
И лес встает, река встает
И требует: бери!

Над нами нежно-голубой
Сияет небосвод.
Гора, богатая рудой,
Кирки рабочей ждет.

Тут щедрость недр! Тут воздух щедр!
И почва тут щебра!
И ждет безмолвно старый кедр
Ударов топора.
Кто там идет? Кто скачет там?
Кто там поет вдали?
То мы к амурским берегам
Работать, жить пришли!

1936

Перевод С. Олендера

НА РОДИНЕ

И ветер, и хруст придорожной сосны.
То справа, то слева тропинки видны.

Возок вдруг поднимется, грохнется вниз.
Вот круча, вот мост над водою повис.
И Пашков — зеленых холмов череда.
А выше — Облучье. Мы едем туда.

Сереют березы на влажном ветру.
С них бури и грозы сорвали кору.

Становится в тесной тайге все темней.
Я вижу останки раздавленных змей.

То тихой, то быстрой идут чередой
Деревья, разбитые давней грозой.

Уж трижды здесь ливень прошел, и опять
Здесь бури и молнии стали блистать.
Мы видим, как ястреб взлетел в небеса.
Нам кажется, волчьи сверкнули глаза.

Темнеет тайга. Небеса голоса.
Проносится мощный громовый раскат.

Омытая ливнем тайга предо мной.
Здесь тихо, и дорог мне этот покой.

Не страшно, что тишью здесь дни налиты
И хочется быть мне со всеми на «ты».

Хочу говорить, но не слышит никто.
Проносится в зелени шумный авто.

Да, радостно шагом шагать городским
По этим нехоженым тропам большим!

Уже черепичные крыши встают.
Мы дома в тайге. Мы на родине тут!

1936

Перевод С. Олендера

ЛОНДОКСКИЙ ЛАНДЫШ

Сегодня взгляды
Твои светлей —
Лондокский ландыш
В руке твоей.

И дышат поры
Цветка легко.
Уходит в горы
Лондоко.

Ветра резвее
Пустились в бег,
А ландыш сеет
Свой белый снег.

Ночные звезды
Так далеки!
Иль это ландыша
Лепестки?

С тобой шагаю,
Шаги дробя.

Я имя знаю,
Но не тебя.

Сюда пришла ты
Издавека.
Там у богатых
Шелка, шелка.

Там яд в продажных
Сладких речах,
Там ветер каждый
Тюрьмой пропах.

Твой страх растаял
В морском пути,
И трудно стало
От нас уйти.

С тобой шагаю,
Шаги дробя.
Теперь я знаю,
Эйда, тебя!

От побережий
Чужих вдали.
Ты ландыш свежий,
Как дни мои.

Лучистый, чистый
Наш путь лежит.
Как время быстро
С тобой бежит!

1937

Перевод С. Олендера

МОЙ ПУТЬ

Я не горблюсь и не ною,
Хоть в котомке за спиною
Камни лет моих со мною,
Сердце — юное — в огне,
Две гитары за стеною
Не испортят песню мне.

Я не путаник беспечный,
 Путь мой прям — и я пою.
 Всякий встречный, поперечный
 Знает улицу мою.
 Эту улицу, где снова
 Детство, песни и мечты —
 Не люблю гнилого слова,
 Прелых душ и духоты.
 Не вязал я музе руки,
 Слов не отдавал в наем,
 Оттого услышат внуки
 Радость в голосе моем.

1936

Перевод В. Тихомирова

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

Раздался выстрел за кустом,
 Промчался эха гулкий гром —
 И птица падает в кусты,
 Роняя перья с высоты.
 На перьях алое пятно.
 Удар — и смерть. Так быть должно!

Упала птица из гнезда,
 Ее глаза — кусочки льда,
 Упала, крыльями мелькнув, —
 В молочной пене тонкий клюв.
 Последний взлет, последний взмах —
 Кровавый ком скользит в кустах.
 Я огрубел и загорел,
 Хорош и верен мой прицел,
 И, как охотник, я люблю
 Добычу первую свою.

Качнулась темная ольха,
 Упала птица среди мха.
 Она упала тяжело,
 Сломала хрупкое крыло.

Я внемлю шуму ветерка,
 А в сердце — жалость и тоска.

Стою с ружьем, недвижно нем:
Крыло поранил я зачем?..

Коль суждено мне пасть в бою —
Пусть пуля грудь пронзит мою,
Пусть мужественной смерти вид
Других на подвиг вдохновит.

Нет на земле ужасней зла.
Чем хруст разбитого крыла.
Огромен мир, душа мала,
Но мужества она полна:
Прекрасной быть и смерть должна.

1937

Перевод С. Левмана

Я - ЕВРЕЙ

Фрагменты из поэмы

Вино бесщётных поколений
Мне в бедах придавало сил,
И меч страданий и гонений
Моих даров не сокрушил:
Он не сковал мою свободу,
Он веры не сломил моей.
Во всех скитаньях и невзгодах:
Я повторял, что я еврей.
Мой дух мятежный не сломили
Ни фараон, ни Ксеркс, ни Тит*;
Моё прославленное имя
На крыльях вечности летит.
Мне часто гибель предрекали
И много раз тащили к ней,
Но я вставал среди развалин,
И заявлял, что я - еврей!

Я сорок лет провёл в пустыне,
Томясь средь выжженных песков**,
И дух мой закалён доныне:
С тех пор в течение веков,

На всех ухабах тяжких странствий
 Берёг я золота верней
 Тысячелетнее упрямство
 Отца и деда — я - еврей!

Морщина мудреца Акивы***,
 Исайи**** светлая мечта
 Восторг мой вызывают живо —
 Но с ним и ненависть слита:
 То кровь героев-Маккавеев*****
 Бурлит, кипит в крови моей.
 Со всех костров, где жгли евреев,
 Звучал мой голос: я - еврей!

Я сохранял благоговейно
 Дары отцов в любой стране,
 И ядовитый юмор Гейне
 Немало крови стоил мне...

...Мне вторят хайфские матросы,
 Мой дальний голос услышав,
 До сердца моего доносит
 Незримый миру телеграф
 Родной напев из Аргентины,
 И из Нью-Йорка — смех детей,
 И смертный ужас из Берлина:
 Евреи - братья! Я - еврей!

Во мне звучат одновременно
 Два непохожих языка,
 И зов Бар-Кохбы***** вдохновенный,
 И натиск русского штыка,
 Благословенный Мойхер-Сфорим*****,
 И тишина ржаных полей,
 И левитановские зори:
 Я сын Советов! Я - еврей!

Мне чашу сталинского счастья
 На долю выпало испить,
 И если враг советской власти
 Москву мечтает разгромить,
 Закрывать кремлёвский путь свободы —
 Я говорю ему: не смей!

У нас едины все народы,
Славянам братом стал еврей!..

...Мой дух несётся над снегами
Среди окопов и траншей,
Моя судьба в бою с врагами
Стучится в сердце: я - еврей!

Пусть Гитлер мне могилу роет —
Но я его переживу,
И сказка сбудется со мною
Под красным флагом наяву!
Я буду пахарем победы
И кузнецом судьбы своей,
И на могиле людоеда
Ещё станцую! Я — еврей!

1942

Перевод Р. Торпусман

* «ни фараон, ни Ксеркс, ни Тит». *Фараон* — титул египетских царей. *Ксеркс* — древнеперсидский царь (521 или 519-465 гг. до н. э.). Тит — римский император Тит Флавий Веспасиан (имп. В 69-79-е гг. по Р. Х.).

** «Я сорок лет провёл в пустыне» - напоминание о библейском сюжете исхода евреев из Египетского рабства и хождении в течение 40 лет по пустыне под водительством Моисея в поисках Земли Обетованной.

*** «Морщины мудреца Акивы» - Акива — древний еврейский каббалист, живший во времена разрушения Второго Храма.

**** «Исайя светлая мечта» - Исайя — библейский пророк, которому принадлежит известная фраза о будущем обществе: «И народ более не подымет меча на народ, и не будут более учиться воевать».

***** «кровь героев-Маккавеев» - Маттафия Хасмонеи и пятеро его сыновей, предводители восстания против греко-сирийской династии Селевкидов, проводившей политику эллинизации покорённых народов. Проявивший выдающийся талант военачальника один из сыновей Маттафии — Иегуда - получил прозвище Маккаби. Победив, основали династию Хасмонеев, при которой Иудея 120 лет сохраняла независимость.

***** «зов Бар-Кохбы» - Шимон Бар-Кохба — возглавил антиримское восстание во времена императора Адриана (132-135 гг. по Р. Х.). В вооружённой борьбе погибли 580 тыс. иудеев, среди них сам Кар-Кохба и мудрец Акива.

***** *Мойшер-Сфорим* — классик еврейской литературы 19 в., проводник литературного идиша.

НА БИРЕ

Что за речка эта Бира!
То тихоня, то задира!
В берегах ее богатых
Беспечально, бестревожно
Ходят стаи волн косматых
Своевольно, бездорожно,
Сосчитать их невозможно!

Здесь угодня плуг пластает,
Дом за домом вырастает.
Палисады, огороды...
А у сопки, в отдаленье,
Заглянув с откоса в воду,
Встало целое селенье.
Тот, кто смотрит оком вражьем,
Счел бы это все миражем.

Что за речка эта Бира!
На лугу зеленокудром
Время отдыха и мира
Рыбаки встречают утром,
Наблюдая, как по плесам
Рыбья жизнь идет простая,
Как в воде, сверкнувши косо,
Щука бьет в сазанью стаю.

Голосисты и здоровы,
Кто же эти рыболовы?
В запорожских шароварах,
В вышитых сорочках старых,
Гомельская кацавейка,
Брыль, не знающий износа...
Имена: Иосиф, Лейка —
У людей черноволосых...

Гладь реки на них дивится,
Смотрят сопки, бровя хмурая,
Яркой молнии зарницы
К ним с небес слетают в бурю,
Светят, спрашивая точно
У людей и друг у друга:

«Это край дальневосточный
Или, может, берег Буга?»

Что за речка эта Бира!
Вон плоты плывут, смотрите —
Это балки перекрытий,
Стены дома, дверь квартиры.
По любым дорогам мира
Я пройду, навек влюбленный
В милый край — лесной, зеленый...
Что за речка эта Бира!

1937

Валерий ФОМЕНКО

ЛЕРИКИ БЕЗ ЛИРИКИ

Терпи, казак! Тебя же терпят...

* * *

В вековечном споре всех со всеми
Счёт давно потерян без следа.
Рассудить нас сможет только время.
Жаль, не все дотянут до суда...

* * *

Тем, кто громко без толку орёт,
Чаще бы смыкать свои уста:
Через широко развёрстый рот
В голове заметней пустота...

* * *

Там, где ходят многие и много,
Пролегла широкая дорога.
Лишь талантам по сердцу тропа,
Где не ходит робкая толпа.

* * *

Известно, что женщину портит свобода,
Что женщину трудно заставить молчать.
К числу существительных женского рода
Как раз и относится слово «печать».

* * *

Готовя посох и суму,
Подумать стоит, почему,
Нас не встречают по уму,
А провожают по нему.

* * *

Одну из нынешних примет
Мы в календарь российский вклеим:
Чем меньше собственных побед,
Тем больше громких юбилеев.

* * *

У всего — два полюса, два края...
Так и у людей (куда ж деваться?):
Очень скоро яркие сгорают —
И подолгу тусклые дымятся.

* * *

О, женщина! Подчас и сам Аллах
Твои причуды разгадать не в силах:
Вчера она вам ключ от сердца отдала,
А завтра, глядь, замок сменила.

* * *

Не осуждайте серый фон
В своём обычном окружении:
Ведь очень часто только он
Спасает ваше положение.

* * *

Чтобы ни женщину, ни хмель
Не поносить с рассветом втуне,
С кем сесть за стол и лечь в постель,
Решайте лично! Накануне.

* * *

Когда у вас растёт живот,
То значит в жизни вам везёт:
У парусов под ветром — норма
Такая выпуклая форма.

* * *

Жаль, не слышат нас боги и маги,
Только было бы кстати весьма,
Чтобы глупым — поменьше отваги,
А отважным — побольше ума.

* * *

Каким бы ни был лик системы,
Для власти нет важней проблемы,
Как россиянам доказать,
Что дважды два — не три, а пять.

* * *

Немало сделала наука,
Чтоб увеличить силу звука,
Однако ничего такого,
Чтоб увеличить силу слова.

* * *

По русскому обычаю,
Гордясь своей страной,
Не путайте величие
С её величиной.

* * *

Уж сколько зим и сколько лет
В конце тоннеля брезжит свет.
Но всех сомнение гнетёт:
А вдруг тот свет и правда ТОТ?

* * *

Увы, от юных будущее скрыто,
Но, как и сто, и двести лет назад,
Грядущие разбитые корыта
Уже листвою берёзовой шумят.

* * *

Нынче не в чести искусство слога,
И язык наш скучен, сух и сер...
Только слово значит всё же много.
В приговорах, скажем, например.

* * *

Всюду свет и тень двойного знака.
Так уж в этом мире суждено:
Ничего хорошего без «но»,
Ничего плохого без «однако».

* * *

Политика — море.
И в нём (как и в ней),
Чем мельче рыбёшка,
Тем стаи крупней.

* * *

Шторма, землетрясения, цунами...
Как мы с Землёю, так она и с нами.

* * *

И власть, и вершина высокой скалы
В одном абсолютно похожи:
Их достигают не только орлы,
Но и рептилии тоже.

* * *

Умом Россию — нашу мать! —
Давно пора бы понимать.

* * *

В мире нет такого капитала,
Чтобы всем всегда на всё хватало.

* * *

От самих от себя не уйти нам никак
И признаем без гнева и грусти:
Хорошо не в краях, где нас нету пока,
А в местах, куда вряд ли нас пустят.

* * *

Вода — первейшая основа
Всего, что в мире есть живого.
Но всё же, оживляя речь,
Старайся воду побережь.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

-Отчего-то у Андрюшки
Побелели нос и ушки!

-Да от того,
Что он у нас
Сам чистил зубы
В первый раз!

МЕЧТА

Есть мечта у меня голубая:
Если только достанет сил —
Научу говорить попугая,
Чтоб летать он меня научил.

СТРАШНЫЙ СОН

Трусишке-мышонку
Привиделся сон,
Летать научился
Как будто бы он.

От кошки он в лес улетел,
Но едва
Его не поймала на ужин
Сова.

ЧТО ВИДНО ПО СЛЕДАМ

В тальнике густом по снегу
Ночью, видно, заяц бегал.
Закалённый зверь косой:
Такой мороз, а он — босой!

ЁЛОЧКА

Не страшны зелёной ели
Ни морозы, ни метели:
В рукавичках ветки-лапки
И сама в косматой шапке.

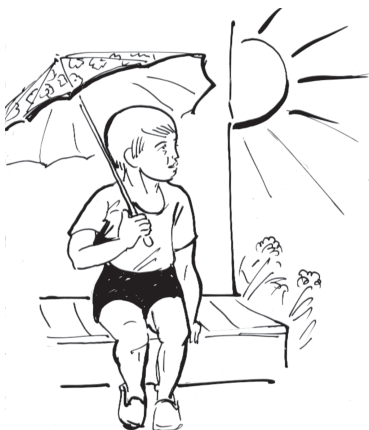
СОСУЛЬКА

Всю ночь держалась за карниз,
А утром сорвалась - и вниз.
Недолог был её полёт —
Разбилась вдребезги об лёд.

ЗОНТИК

Мне купили зонтик новый
К испытаниям готовый.

Только не идут дожди.
Вот сиди теперь и жди!

Наум ФРИДМАН

УТРЕННЕЕ

Раннее утро,
Лёгкий холодок.
Каблуки по площади
Цок да цок.

Самый прекрасный
На свете парад —
Молодые папы,
Молодые мамы
В садик ведут
Своих ребят.

Все — на загляденье —
Высоки, стройны.
Шагает поколение,
Не знавшее войны.

Мамам и папам
Малыши под стать —
Дня грядущего
Славная рать!

Век бы так вдыхать
Свежий холодок,
Век бы слышать
Это цок да цок.

СТАРЫЕ ИМЕНА

У девчонок, мальчишек бывает пора:
Каждую минуту — новая игра.
Идут из школы, болтают наперебой —
Народ юмористов, да ещё какой!
Все непоседы, как на подбор.
Вдруг об именах заходит разговор:

- Есть у мена прабабка
 По имени Агапка.
 - А у меня старикан,
 Его зовут Африкан!
 Галдят, хохочут будущие пионеры,
 Тащат как из портфеля примеры:
 У одного был дед Пантелей,
 У другого дед — Савватей.
 А один смешной и ушастый пострел
 Такое в паспорте подсмотрел —
 У деда не имя — настоящий компот:
 Мойша-Шлёма Раппопорт!
 У внука такая фамилия тоже,
 Но дети смеются:
 - На что это похоже?
 Фамилия красивая, хорошая, важная,
 Но почему у дедушки имя двухэтажное?
 - А моя бабка — хоть со смеху помирай! —
 Либа-Зися Курай!
 Не веришь?
 Приходи и смотри.
 А вообще-то их у меня три...
 - Ого, три бабки! А третья откуда?
 - А какое твоё дело? Может, от верблюда...
 Смеётся весело, галдит детвора,
 Каждую минуту — новая игра.
 Придумали сложение и вычитание:
 Гриша-Митя, Таня-Маня.
 Как цветные шары имена летают.
 Дети смеются, складывают, вычитают.

...Ничего лучше не придумано на свете,
 Чем звонкий ручей и смеющиеся дети.
 Пусть детская радость звенит ручьём,
 Но сказать им хочется вот о чём:
 Играйте, шалите хоть двести лет,
 На этот счёт к вам претензий нет,
 Но знайте:
 Молодость уважать должна
 Эти «странные» старые имена.
 Знайте,
 Что люди с этими именами

Мечтали хоть на секунду встретиться с вами,
Недосыпали, недоедали,
Чтоб вы сегодня горя не знали,
Чтоб в играх ваших не было слова «война»...
Прошу вас,
Не забывайте старые имена!

1976

Перевод Л. Школьника

НОЧЬ В БИРОБИДЖАНЕ

1

Дальнего Востока зелен окоем.
Почему — не знаю, но грущу по нём.

Вереницей длинной — высоки, светлы,
Мимо проплывают снежные валы.

Слышу я, зажмурясь: вдоль глухих дорог
Поступью медвежьей движется восток,

Щупает ноздрями снеговой простор, —
Раскрываю взор — медведь, да это вздор.

Будь, медведь, медведем — и ничем иным...
Над Востоком Дальним золотится дым.

Вереницей длинной — высоки, светлы,
Цепью проплывают снежные валы.

2

В крае чащ зеленых, голубых высот
Солнце молодое к людям пристает.

Солнце веет в лица терпкой синевой,
И земля пропахла далью заревой.

И тоской великой напоен простор...
В сотнях миль — хибарку повстречает взор.

В сотнях миль — пустынный залегает снег,
И один там, в снежном море, человек...

Распахнулись дали, далям нет конца.
Сыплется с небес морозная пыльца.

Ветры, налетая, жгут сухим огнем.
Небеса в молчании огромном и глухом.

3

Ночь. Путиами звезд исчерчен небосвод.
Песня в зачарованной тишине плывет.

Небеса в спокойной зелени огней.
Нынче совеща́нье кончилось поздней...

Светлая усталость. Но еще не сплю...
Голову склоняю к жесткому столу.

Что за думам нынче возникать дано
Здесь, в Биробиджане, в этакую ночь?

Комната остыла... Легкий холодок...
За стеклом, гудя, вздымается восток...

Что за думам нынче возникать дано
Здесь, в Биробиджане, в этакую ночь?

4

Многим думам нынче возникать дано —
Чутко прикорнула тишина у ног...

Небеса сползают, и в морозной мгле
Озираю край, лежащий на столе.

Режь и перекраивай... Будь упрям, суров...
(Жило-было некогда местечко Рогачёв,

Где отец седой выкраивал и шил...)
Распростерся край, исполнен дивных сил...

Режь и перекраивай, разбуди от сна,
Да взойдет в нём жизнь, просторна и ясна!

Козочки-местечки средь равнин-болот...
На Востоке Дальнем дом родной встает.

5

Тишина великая нисходит на меня,
Голову мою кудрявую клоня.

Эх, товарищ дальний, брат мой Михаил,
Звон твоих цепей в тиши я уловил.

Как глухими трактами плелся ты в централ,
Ветры голосили, снег в лицо хлестал,

Ветры с ног сшибали вас, одевали в лед,
Арестанты серые, каторжный народ.

Пусть на хлеб и воду, в отдалённый край —
Мы с тобой сочтемся, император Николай.

Эх, товарищ дальний, брат мой Михаил,
Звон цепей твоих в тиши я уловил...

Среди тысяч сопok виден мне твой след!
На Востоке Дальнем — триумфальный свет.

6

Ночь. Путиами звезд исчерчен небосвод.
Песня по просторам стелется-плывёт.

Я к земле прикладываю ухо — и слышна
Сокровенных недр густая тишина.

В недрах сокровенных тишина горда,
Как мое томленье, рвется ввысь руда.

И как зверя голос слышится в ночи
Под землёй промерзшею, ворочаясь, рычит.

Сотни контрабасов в темени слепой
Стонут, громяхают, воют вперевой...

Уголь, медь и золото — а ветры так и жгут, —
Распластались недра, притаились — ждут.

Перламутром синим светит ночью край,
Перламутром красным светятся утра.

Спозаранку слышно, как гремят в тайге
Взрывы динамитные вблизи и вдалеке.

Там тоску срубают, как старинный бор,
Там звенит-гудит уверенный топор.

Там встают мосты над колыханьем вод...
Не евреи сгорбленные в зелени бород, —

Плечи мускулистые, мощью налиты,
Новый мир построят высшей красоты.

1934

Перевод Д. Бродского

Виктор ЧЕРНЕНКО

* * *

Укрыть малину от морозов,
Пригнуть к земле, слегка примяв,
Чтоб был июньский вечер розов,
Чтоб сердце пело среди трав.

И вспоминать, плоды срывая,
Как доски были тяжелы —
Те, что лежали у сарая,
Возле поломанной пилы...

* * *

Светло! Светло! Бежать туда! Бежать,
Покинув узкую железную кровать.
Гроза! Гроза! Грохочет всё кругом!
Трещит по швам бревенчатый наш дом...

Поток воды обрушился с небес,
То — розовый, то снова чёрный — лес,
И, вырываясь из косматых туч,
Зигзагом ослепительным бьёт луч!

Я — снова юн... О, где вы, корабли?
Я — снова гунн, мятежный сын земли!
Я встречу бурю, чтобы стать собой.
Мне надоел цвет неба голубой!

Как будто жизнь — с неведомым борьба,
И эта грозовая ночь — судьба,
И молнии доказывают мне,
Что невозможно выждать в стороне...

* * *

Зеленоватая вода
Корону солнца отразила.
Я снова прихожу сюда,
Где время бег остановило.

И прочно скрыло пеленой
Картины радостные детства,
Они встают передо мной,
Как лучезарное наследство...

Я вижу берег. На песке —
Ладоней наших отпечатки.
Там мы качались на доске,
Там мы полдня играли в прятки.

И, не достав ногой до дна,
Назад, на отмель, быстроплыли —
И грелись у костра, шпана,
И, кашляя, курили...

И о девчонках в сотый раз
Мы снова спорили с бывалым,
Нас разжигал его рассказ,
Когда мы шли домой по шпалам.

И под дождем, не чуя струй,
Сердца мальчишек бились чаще —
Как будто первый поцелуй
Что всех последующих слаще...

* * *

Вновь осень. Кисти винограда
Ласкают совершенством взгляд.
А неба темная громада
Сулит нам ливень или град.

Ты опоздал на поезд лета —
Махни, махни ему рукой —
На верхней полке, без билета,
Лежит двойник прекрасный твой...

Он смотрит вдаль с улыбкой грустной,
Как будто помнит карнавал,
Как будто в жизни безыскусной
Минуты вдохновенья знал...

* * *

Моим родителям

Распаханы поля,
Дымок над лесом вьётся,
И вёдрами звенят
Старухи у колодца...

Крик петуха донёс
Вдруг налетевший ветер,
Гоняет кошку пёс,
Играют в мячик дети.

Как будто детство вновь
Вернулось золотое,
И первая любовь
Лишила вновь покоя.

Как будто, круг пройдя,
Я снова — у начала,
И музыка дождя
Врасплох меня застала...

Леонид ШКОЛЬНИК**ПРИДВОРНЫЙ**

Сегодня,
 Когда мы будем молчать,
 Я прочту тебе стихи...
 Живёшь в государстве доброты
 Королевой этого государства,
 А я,
 Я всего лишь бедный придворный,
 И на званом обеде в твою честь
 Я подношу гостям стихи на огромном блюде:
 - Угощайтесь,
 Угощайтесь, господа,
 Пожалуйста, господа, прошу вас...

Ты довольна, и они довольны:
 Ты гостеприимная хозяйка.
 А я,
 Я тоже доволен:
 Они расхватили самые большие куски,
 А на огромном блюде
 Осталось тихое и маленькое стихотворение,
 Которое сегодня,
 Когда мы будем молчать,
 Я прочту тебе...

1965

СЕНОКОС

Мы ставим скирды, вымокли от пота,
 уже на травах высохла роса.
 А нам ее Высочество Работа,
 знай заливает спины и глаза.
 И тяжело нам, и далеко до речки,
 и даже трактор глохнет на ходу,
 и где-то рядом маленький кузнечик
 большое солнце тащит в поводу.
 Мы падаем в некошенные травы,
 над нами день качается, высок,

и вдруг — о, счастье, — раздается справа
 мальчишки-водовоза голосок.
 И к черту зной, безветрие, усталость,
 и мы толпой срываемся туда,
 где нам, как снег на голову, досталась — вода...
 Как пацаны, мы льем ее на плечи,
 и снова пьем, уже не торопясь,
 и рядом грустно тренькает кузнечик —
 единственный непьющий среди нас...

ДВОРНИК

Из дома выбираясь, как затворник,
 Я счастлив был, наверно, оттого,
 что мне на равных улыбался дворник,
 веселый дворник детства моего.
 Сейчас я знаю: Бенчик был поэтом.
 По именам он помнил только тех,
 кто выходил на улицу с рассветом
 и слышал кашель дворника и смех.
 Крикливый коротышка с красным носом —
 Им иногда пугали детвору.
 А Бенчик жил с единственным вопросом:
 - Неужто я пришелся ко двору?
 Над ним смеялись:
 - Ко двору, конечно!
 Тебя никто не сможет заменить!..
 И он, метлой размахивая нежно,
 был счастлив оттого, что знаменит.
 Но вот метла однажды замолчала.
 Проспал? Уехал? Но зачем, куда?
 А оказалось, Бенчика не стало.
 И оказалось — это навсегда.
 Врачи, солдаты, дворники, поэты,
 уходят люди. Их не заменить.
 И все-таки не оборвется эта
 общенья человеческого нить.
 Бывавший на Камчатке и в Марселе,
 облазивший амурскую тайгу,
 я счастлив тем, что в душу мне глядели
 глаза, солгать которым не могу.
 Пусть миг общенья кратким был до боли,

Он в памяти навек запечатлен,
 как узелок, завязанный судьбою
 в сплетении событий и времен.
 И в некий час прекрасного рассвета,
 в любви признавшись улочкам пустым,
 я вдруг увижу дворника-поэта,
 идущего по листьям золотым...

ПАМЯТИ ТОЛИ КОБЕНКОВА

Когда обида, пустота, бездружье
 вам горло, как петлёй, перехлестнут,
 достаньте с полки главное оружие, —
 стихи друзей, которые не лгут.

Не суету словесного застолья,
 не шарикоподобные слова, —
 стихи друзей, пропитанные болью,
 как пылью придорожная трава.

Во времена обид и потрясений,
 в обугленные дни и вечера
 пусть вас хранит
 пронзительно осенний
 свет их неторопливого пера.

... Я тоже достаю, когда придется,
 когда приспееет времечко тоски,
 как запотевший ковшик из колодца,
 единственно любимые стихи.

2004-2009

ПАРИКМАХЕР

Памяти М. Гомберга

Снег ли идет по городу, льют ли дожди на крыши,
 это совсем не важно пришедшему к дяде Мише.
 В кресле его глубоко, слушая треск машинки,
 помалкивают по очереди мальчишки-камышинки,

поёрзывают испуганно, втягивают смущенно
каждой клеточкой кожи запах одеколона.
Мальчишки еще послушны - только вихры упрямы,
и, значит, пока спокойны бабушки их и мамы.
Провинция, запах детства, цоканье ножниц куцых...
Сначала были сандалии, потом появились бутсы.
В пыльных дворах июньских такие мелькали пасы,
что ахали восхищенно футбольные наши асы.
Защитник Иван Шанаев предсказывал неизменно:
Хорошая из мальчишек растет ветеранам смена!
Цоканье куцых ножниц, провинция, запах детства.
Из своего «сегодня» хочу во «вчера» взглядеться.
А это - простого проще: оставить на миг заботы
и встретиться с дядей Мишей, который идет с работы.
Он улыбается встречным, глаза молодые щурит,
спрашивает о здоровье, кашляет, балагурит,
потом прощается долго, руками - пора! - разводит,
в домашнее Зазеркалье, как в будущее, уходит.
И смотрит он, улыбаясь, как шумная неизменно
гоняет веселый мячик горластая наша смена.

БИОГРАФИИ

АКИМЕНКО Алла Николаевна родилась в 1954 г. в Советской Гавани. С 1966 года живёт в Биробиджане. В 1980 году окончила филологический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Печаталась в областной периодике, в музыкально-поэтических сборниках «Славен в стихах и песнях Биробиджан», «Над тайгой заря занимается», альманахе «Биробиджан», «Пушкинском альманахе» (Новосибирск). Произведения включены в хрестоматию по литературе ЕАО. Автор книги стихов «Неуловим теченья след...», стихотворных переводов с идиша.

АЛЕКСЕЙЧУК Павел Ксенофонтович (1947-2002) родился в посёлке Птичник ЕАО. В детстве начал терять зрение. Учился в школе-интернате для слабовидящих, там же окончил техникум. Работал на спецпредприятии общества слепых. Участвовал в работе литобъединения при газете «Молодой дальневосточник». Печатался в краевых газетах. С 1993 года проживал в Биробиджане. Публиковался в областных газетах. Посмертные публикации — в альманахе «Биробиджан», стихи вошли в хрестоматию по литературе ЕАО, в Хабаровске Обществом слепых издан сборник его стихов.

АНТОНОВ Виктор Иванович родился в 1968 г. в Биробиджане. Окончил Биробиджанское медицинское училище. Работал фельдшером «скорой помощи», сотрудничал с областными газетами как нештатный автор. С 2000 г. работает в газете «Биробиджанская звезда», редактор отдела новостей. Участник Третьего форума молодых писателей России (Москва-Липки, 2003). Участник коллективных сборников поэзии, прозы, публицистики. Печатался в журналах и альманахах ЕАО, Хабаровска, Иркутска, Москвы. Произведения включены в хрестоматию по литературе ЕАО. Один из составителей выпусков литературных альманахов 2004, 2005, 2007 гг. В 2009 г. стал организатором выпуска сборника еврейской поэзии «Биробиджанская лира» с параллельными текстами на идише и русском, автор ряда переводов.

АСЛАМОВ Михаил Феофанович родился в 1929 году на станции Бира ЕАО. В годы Великой Отечественной войны подростком начал трудовой путь. Окончил индустриальный техникум, Высшие литературные курсы в Москве. Работал на заводе, в совнархозе, заведовал отделом поэзии журнала «Дальний Восток». В 1964 году вышел первый сборник стихов «Пусть настезь дверь». Автор более десятка поэтических книг. Известен и как переводчик с украинского, бурятского, монгольского, нанайского, еврейского и других языков. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие», «Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР».

Лауреат премии Я. Дьяченко администрации г. Хабаровска, премии губернатора Хабаровского края, премии Чивилихинского фонда Союза писателей России «Золотое перо».

Член СП СССР (России). Живет в Хабаровске. Председатель краевой писательской организации.

БАТУРИНА Евгения Николаевна родилась в 1963 года в Чите. Первые стихи опубликованы в середине восьмидесятых годов в периодической печати Республики Бурятия. Лауреат конкурса молодых поэтов Бурятии (1984).

С 1990 года живет на Дальнем Востоке. Публиковалась в литературном альманахе «Биробиджан» (2005-2007). Доцент кафедры русского языка Дальневосточной социально-гуманитарной академии, кандидат филологических наук.

БЕЙДЕР Хаим Волькович (1920-2003) родился в 1920 г. в местечке Купель Волочиского района Хмельницкой области на Украине. Окончил еврейскую семилетнюю школу и на следующий год стал студентом Житомирского педагогического техникума. Закончил Одесский педагогический институт им. Ушинского. Писал на идише. В начале 70-х гг. переехал из Москвы в Биробиджан, где работал в газете «Биробиджанер штерн». С 1973 г. - вновь в Москве, заместитель редактора журнала «Советиш Геймланд» (до 1991). Научный консультант и автор более 1000 статей в Российской еврейской энциклопедии. Автор ряда учебников идиша. Заслуженный работник культуры РСФСР.

С 1996 г. проживал в США (Нью-Йорк), редактировал один из старейших литературно-художественных журналов на идише «Ди цукунфт». Широко публиковался на идише и на русском языке. Продолжал научную работу. Лауреат литературной премии имени Атрана Всемирного конгресса еврейской культуры (Нью-Йорк, 1991), израильской литературной премии им. Давида Гофштейна (Тель-Авив, 2000). Умер в Нью-Йорке.

БРОНФМАН Исаак Львович (1913-1978) родился в местечке Хашеватое Винницкой области на Украине. Закончил Гайсинский индустриальный техникум. С 1931 года постоянно жил и работал в Биробиджане. Работал трактористом в Амурсете, помощником машиниста ТЭЦ в Облучье. Участник Великой Отечественной войны.

Начал печататься с 1929 года. Писал на идише. В 1947 году вышел его первый сборник стихов на еврейском языке. Стихи на русском и идише публиковались в областных газетах, в журналах «Дальний Восток» и «Советиш Геймланд», в антологии современной еврейской поэзии «Горизонты», а также отдельными изданиями. С 1946 года работал заведомом промышленности в газете «Биробиджанер штерн».

БУРИК Виталий Николаевич родился в 1967 г. в Биробиджане. Окончил Дальневосточный госуниверситет. Научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, ихтиолог, кандидат психологических наук. Стихи публиковались в альманахе поэтического объединения при Приморском отделении Союза писателей России «Серая лошадь», альманахе «Биробиджан». Автор книги стихов «Цвет декабря». В настоящее время заочно учится в Литературном институте им. Горького (Москва).

ВАССЕРМАН Люба Шамовна (1907-1975) родилась в местечке Словатич в Польше. В 1924 году эмигрировала в Палестину. Там подверглась аресту английскими властями за политическую деятельность. Четыре года спустя переехала в СССР, в Москву, затем в Биробиджан.

Печататься начала в 1928 году в газетах и журналах Польши, США и Палестины. Издала книгу «Вечера». Писала на идише. В ЕАО работала в газете «Биробиджанер штерн», на областном радио, в отделе национальной литературы областной библиотеки им. Шолом-Алейхема. В 1950-х годах вновь подверглась политическим репрессиям. После реабилитации вернулась в Биробиджан. Печаталась в областных газетах и журналах, коллективных сборниках, журнале «Советиш Геймланд», стихи выходили и отдельными изданиями. Умерла и похоронена в Молдавии, куда переехала в начале 1970-х годов к сыну — известному пианисту и еврейскому общественному деятелю Серго Бенгельсдорфу. На её надгробии — стихи, посвящённые Биробиджану.

ВЕРГЕЛИС Арон Алтерович (1918-1999). Родился в местечке Любар на Украине. В 1931-1936 годах жил в Биробиджане. Закончил литературный факультет Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Участник Великой Отечественной войны.

В литературе дебютировал стихотворением, опубликованным в газете «Биробиджанер штерн». Автор стихотворных сборников на еврейском и русском языках «У родника», «Биробиджанское поколение», «Жажда», «Вторая встреча» и других, а также книги очерков и романа «Время». В дальнейшем жил в Москве. Был главным редактором журнала «Советиш Геймланд».

ВЕХТЕР Сарра Наумовна (1928-1998). Родилась в селе Илия в Белоруссии. С 1948 года жила и работала в Биробиджане на областном радио. Писала на идише. Стихи печатались в областных газетах «Биробиджанская звезда» и «Биробиджанер штерн» на русском и идише, в альманахе «Литературный Биробиджан» (1984) в переводах Виктора Соломатова. Писала также стихи для детей (посмертные переводы в 2007 г. в альманахе «Биробиджан»). В 1990-х переехала в Израиль.

ГАЛКИН Самуил Залманович [23.11(05.12).1897, Рогачёв, Белоруссия — 21.09.1960, Москва], еврейский поэт и драматург. Рос в хасидской семье. На формирование Галкина как поэта повлияло его юношеское увлечение произведениями Йегуды Галеви и Ибн-Гвириля. В юности писал на иврите. До 1924 г. не оставлял мысли поселиться в Эрец-Исраэль, как явствует из написанной им тогда «Шир ха-халуца» («Песня халуцки», опубликована в Израиле после смерти поэта).

Стихи на идише С.Галкин печатал с 1920 г. В первых сборниках «Лидэр» («Стихи», 1922) и «Вэй ун мут» («Боль и мужество», 1929) писал об отходе еврейских масс от старого жизненного уклада, но там же звучат нотки скептицизма и ностальгии, встречаются библейские образы и символы.

В дальнейшем Галкин обращается к актуальной советской тематике («За новый фундамент», 1932, «Стихи», 1939, «Дерево жизни», 1948), декларирует

веру в торжество интернационального гуманизма. В сборник «Эрдише взгн» («Земные пути», 1945) вошли патриотические стихи о Великой Отечественной войне. Значимой частью творчества Галкина становится интимная и философская лирика («Контакт», 1935).

Драмы в стихах «Бар-Кохба» (1939) и «Шуламис» («Суламифь», 1940) представляют интерес как обращение к древней истории евреев. Поставленные на сценах советских еврейских театров, эти произведения сыграли известную роль в поддержании национального самосознания российского еврейства. Трагедия С.Галкина «Геттоград» (русские названия: «Восстание в гетто» и «За жизнь», 1947) изображает героическое восстание в Варшавском гетто. Ее премьера в ГОСЕТе не состоялась из-за ликвидации театра в 1949 г. Галкин деятельно участвовал в работе Еврейского антифашистского комитета, был членом редколлегии газеты «Эйникайт». В 1949 г. был арестован по делу ЕАК, но ввиду инфаркта попал в тюремную больницу и избежал расстрела. В период заключения написал цикл стихов на русском языке, записав их русскими буквами. Этот документ судьбы и эпохи интересен также трансформацией языка и поэтической мысли поэта вне перевода. Освобожден в 1955 г., затем реабилитирован.

Пережитому в заключении посвящены стихотворения «Дэр видуй фун Сократ» («Исповедь Сократа», 1955; впервые опубликована в парижском журнале «Паризэр цайтшрифт», 1956-57) и других, вошедших в цикл «Ин фрэйди цу дэрцейлн» («Рассказывать бы в радостный час», 1950-58). Они включены в посмертный сборник С.Галкина «Майн ойцер» («Моё сокровище»). Перевел на идиш стихотворения Пушкина, Есенина, Блока, Маяковского, трагедию Шекспира «Король Лир». Награжден двумя орденами, медалями.

ГЛЕБОВА Мария Константиновна (1949-2009). Родилась в деревне Селихино Комсомольского района Хабаровского края. Окончила Комсомольский-на-Амуре педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы в посёлке Будукан ЕАО в исправительной колонии, затем в сельской школе. Публиковалась в газете «Биробиджанская звезда», альманахах «Биробиджан» и «Литературное наследие ЕАО», журнале «Дальний Восток». Автор книги стихов «От сентября — к сентябрю...». Лауреат премии журнала «Дальний Восток» (2007).

ЕРМОЛАЕВА Ольга Юрьевна родилась в 1947 году в городе Новокузнецке (в то время Сталинске) Кемеровской области. Длительное время жила в посёлке Бира ЕАО. В 1968-1969 гг. была маршрутной рабочей в геологической поисково-разведочной партии на Сихотэ-Алине; в 1970 году работала воспитательницей в детском доме для «трудных» детей в Бире. Занималась журналистикой. В 1975 году окончила режиссерско-театральное отделение Московского Государственного института культуры. С 1978 года заведует отделом поэзии журнала «Знамя». Стихи публиковались в центральной печати; изданы сборники стихотворений «Настасья», «Товарняк», «Юрьев день», «Анютины глазки». Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ДРАБКИН Александр Леонидович родился в Биробиджане в 1957 году. Работал в газете «Биробиджанская звезда». После окончания Всесоюзного юридического заочного института - прокурор-криминалист прокуратуры ЕАО. Автор книги стихов и рассказов «Не вижу препятствий», поэтического сборника «По дороге к зиме», книги прозы «Что помнила моя мама». Член Союза писателей России.

ИЛЬИНА (САФАРОВА) Тамара Александровна родилась в 1954 году в селе Левинка Саратовской области. Первые шаги в поэтическом творчестве сделала подростком, живя в Ленинском районе ЕАО. Окончила Хабаровское краевое культпросветучилище по специальности библиотекарь. Жила в Одессе, в Приморском крае. С 1999 года — в Биробиджане. Печаталась в областных и краевых газетах, журнале «Дальний Восток», сборнике «Дальневосточная юность», альманахе «Биробиджан». Лауреат премии Хабаровского комсомола (1978). Автор книги стихов «Экватор дня» (2007). В настоящее время работает библиотекарем в Центре детской и юношеской книги г. Биробиджана. Завершает учёбу в Литературном институте им. Горького. Член Союза писателей России.

КАЗАКЕВИЧ Эммануил Генрихович (1913-1962). Родился в Кременчуге на Украине. В 1930 году окончил Харьковский машиностроительный техникум. Трудовую деятельность начал в Биробиджане. Был начальником строительства, председателем колхоза, первым директором Биробиджанского Государственного еврейского театра, работал в газетах. Писал стихи, поэмы, пьесы на еврейском языке (идише). Автор первой вышедшей в биробиджане поэтической книги на идише «Биробиджанбой» («Биробиджанстрой», 1932), стихотворного сборника «Гройсе велт» («Большой мир», Москва, 1939).

Во время Великой Отечественной войны прошёл путь от рядового до заместителя начальника разведки армии. После войны вернулся к литературной работе как прозаик, писал на русском языке. Наибольшую известность принесли повести «Звезда», «Двое в степи», «Весна на Оudere», «Сердце друга». Дважды лауреат Государственной (Сталинской) премии. Был главным редактором ежегодного альманаха «Литературная Москва» (1957-1956), который был закрыт властями на третьем выпуске за открыто антисталинский курс. Умер в Москве.

КАПУСТО Николай Владимирович (1923-1980). Родился в Белоруссии. С 1950 года жил и работал в селе Ленинское ЕАО и в г. Биробиджане. Печататься начал в 1955 году. Долгое время руководил районной литературной группой «Встреча». Автор поэтического сборника «Весенний огонь». Посмертные публикации: альманах «Литературный Биробиджан» (1984).

КАПУЦИНА Лидия Николаевна родилась в 1952 году в с. Монастырище Черниговского района Приморского края. Окончила филологический факультет Уссурийского государственного педагогического института. Преподавала в вузах Приморья и Сибири. С 1991 года живёт в Биробиджане, декан факуль-

тета истории, филологии и журналистики Дальневосточной социально-гуманитарной академии, доцент кафедры литературы и журналистики. Автор ряда научных работ, книги «Русская поэзия XVIII века». Кандидат филологических наук.

КОБЕНКОВ Анатолий Иванович (1947–2006). Родился в Биробиджане. Первая книжка стихов «Весна» вышла в 1966 году, когда автору было 16 лет. Затем заочно окончил Литературный институт им. Горького. Работал журналистом в Ангарске. Стихи публиковались во многих журналах, выходили отдельными сборниками. Возглавлял Иркутское отделение Союза российских писателей. Автор тринадцати поэтических книг. Был членом редколлегий журналов «Сибирские огни», «День и ночь», «Рубеж», «Зелёная лампа». Организатор фестиваля «Поэзия на Байкале». Член русского ПЕН-клуба. Лауреат ряда литературных премий. В 2006 году переехал в Москву на работу в Фонде социально-экономических и интеллектуальных программ С. Филатова. В том же году скончался. Посмертные публикации: альманах «Биробиджан» (2007).

КУШНИРОВ Арон (Ари) (Кушникович Арон Давидович, 1890–1949). Родился в предместье Киева селе Боярка на Украине. Участник Первой мировой войны (рядовой Третьего Сибирского стрелкового полка), красноармеец в гражданскую и Великую Отечественные войны. Один из первых литераторов Биробиджана. Писал на идише. Поэт-лирик, прозаик, драматург. Автор сборников «Вэнт» («Стены», 1921), «Бройз» («Брожение», 1927), «Дальний Восток», «Фотер-командир» («Отец-командир», 1947), «Геклибэнэ вэрк» («Избранные произведения», 1947), драмы в стихах «Гирш Леккерт» (1929).

Перевёл на идиш «Слово о полку Игореве», произведения М. Лермонтова, Н. Некрасова, Б. Пильняка, ряд пьес, в том числе пьесу «Овечий источник» Лопе де Вега. Умер в Москве.

ЛАВОЧКИНА Римма Ефимовна родилась в 1968 году в Биробиджане. Окончила художественно-графическое отделение Благовещенского педагогического училища. Участвовала в коллективном сборнике молодых поэтов Биробиджана «Солнце в ладонях», альманахе «Биробиджан», две книжки стихов («Иная страница» и «Шелуха небес») выпустила в 90-х годах в Израиле, сборник «Притворщица» (2008, Хабаровск). В настоящее время заочно учится в Литературном институте им. Горького в Москве.

ЛОГУНКОВ Валерий Иванович родился в 1955 г. в Хабаровске. Окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института в 1982 г. Работал преподавателем в школе № 10 г. Биробиджана, с 1999 г. преподаёт историю искусств в Биробиджанской детской художественной школе. Его прозаические миниатюры публиковались в журнале «Юность». Стихи — в областных газетах, в газете «Суворовский натиск» КДВО, литературном альманахе «Биробиджан». Награждён премией и грамотой отдела культуры мэрии Биробиджана за графическую персональную выставку к 200-летию А. С. Пушкина. Член Союза художников России.

МАЛЬТИНСКИЙ Хаим Израилевич (1910-1986) родился в г. Поневеже Ковенской губернии (ныне Паневежис, Литва). Учился в хедере, затем в школах Минска, окончил Киевский педагогический институт. Со стихами дебютировал в минской газете «Дер юнгер арбетер» («Молодой рабочий», 1927), позднее печатал свои стихи и переводы стихов русских и белорусских поэтов в минских еврейских изданиях «Октябрь» («Октябрь») и «Штерн» («Звезда»). В 1930-е годы вышло пять сборников его стихов, писал также пьесы для детей.

В июне 1941-го добровольцем ушел на фронт, получил боевые награды. В 1945 году после ранения под Берлином ему ампутировали ногу. Вернувшись в Минск, узнал о гибели всей своей семьи. В газете «Эйникайт» были опубликованы его стихи о войне. После войны у поэта появилась вторая семья. В 1947 году переехал в Биробиджан, работал в газете «Биробиджанер штерн», ответственный секретарь альманаха «Биробиджан» на идише.

В 1951 году Хаим Мальтинский вместе с рядом деятелей еврейской культуры и руководителей ЕАО попал в сталинские лагеря, в 1956 году освобожден, реабилитирован. Некоторое время жил в Узбекистане, где выпустил сборник стихов, написанных им по-русски, но поэзия Мальтинского и тут не порывала с национальными корнями. Вернувшись в Минск, с 1961 г. печатался в журнале «Советиш геймланд», входил в состав его редколлегии. В 1963 г. вышел в свет сборник его стихов «Плечом к плечу со всеми сыновьями» (Минск), в 1973 г. — «Годы, годы мои» (Москва). Его стихи переводились на русский и белорусский языки.

В 1975 году вслед за детьми выехал в Израиль. Там вышли сборники его стихов «Фрише винтн» («Свежие ветры», 1980), «Дер дройсн менч» («Человек с улицы», 1986), а также книга мемуаров «Дер москвер мишпет ибер ди биробиджанер» («Московский суд над биробиджанцами», 1981). Умер в Ор-Иехуде, Израиль.

МАРКИШ Перец Давидович (1895-1952). Родился в местечке Полонное на Волыни, ныне Ровенская область Украины. С восьми лет начал работать, занимался самообразованием, учился в народном университете. Печататься начал в 1917 году.

Писал на идише. Поэма «Куча» (1922) — о еврейских погромах на Украине во время гражданской войны. В 1921-1926 годах жил в Варшаве, Берлине, Париже, Лондоне, затем вернулся в СССР. В 30-х годах приезжал работать в Биробиджан. Первостроителям ЕАО посвящён цикл стихотворений «Дальневосточное». Автор поэм, книг стихов и нескольких романов «Из века в век», «Один на один», «Поступь поколений», пьес «Семья Овадис», «Восстание в гетто». В годы Великой Отечественной войны — член Еврейского антифашистского комитета. В 1940-м создал поэму «Танцовщица из гетто», по мнению некоторых критиков и переводчиков, достойную стоять в ряду лучших достижений мировой поэзии. В 1949 году арестован по сфабрикованному «делу ЕАК», судим закрытым судом и расстрелян.

МЕТЁЛКИНА Ирина Николаевна родилась в Риге (Латвия) в 1946 году, откуда вскоре с семьёй переехала на Дальний Восток. Окончила Комсомольский-на-Амуре педагогический институт. Несколько лет преподавала в Ленин-

ском сельском профессионально-техническом училище ЕАО. Работала в районной газете «Амурская нива», была собкором областной газеты «Биробиджанская звезда», занималась в литературной группе «Встреча» Ленинского района, в настоящее время является её лидером. Автор-составитель краеведческого издания «Жили-были на Амуре», альманаха «Околица» районной литературной группы (оба 2008-го). Печаталась в коллективных сборниках «Весенних ручьёв голоса», «На берегах Биры и Биджана». Автор сборника стихов «Родные дали» (2006). Член Союза журналистов России. Живёт в селе Ленинском ЕАО.

МОРОЗОВ Василий Никитич родился в селе Папсуевка Почепского района Брянской области в 1924 году. В 1940-м с родителями переехал в Амурскую область, Белгородский район, село Новая Селитьба. Работал в колхозе. С лета 1942 года — на службе в Тихоокеанском флоте. Участвовал в войне с Японией за освобождение Северной Кореи. В 1947-м году приехал в посёлок Хинганск ЕАО, где начиналось строительство оловодобывающего комбината, где проработал до 1988 года.

В 60-х годах выступил в газете «Биробиджанская звезда» со стихами для детей. В Хабаровском издательстве вышли его книжки «Алёшина горошина» (1965), «Птички хлопоты» (1988). Сборник «Солнце в бочонке» (Комсомольск-на-Амуре, 2001) иллюстрирован самим автором. Печатался также в журнале «Дальний Восток, во всесоюзных детских журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Костёр», «Искорка».

Член Союза российских писателей. С 1994 года проживает в посёлке Солнечный Хабаровского края.

МИЛЛЕР Борис Израйлевич. Настоящее имя — Бер Срулевич Мейлер. (1913-1988). Родился в местечке Копай на Украине. Работал на фабрике в Харькове. В 1932 г. стал студентом литературного отделения Харьковского государственного пединститута, через год перевёлся в Московский педагогический институт им. Ленина, после окончания которого был направлен на Дальний Восток. Жил в Биробиджане. Работал школьным учителем.

Первый сборник новелл «Смены заступают» (Харьков, 1931), через три года в Москве вышел сборник рассказов «Под радугой». В 1940 году стал членом Союза советских писателей. Прошёл путь от переводчика до редактора областной газеты «Биробиджанер штерн». В 50-х гг. был репрессирован, осуждён по «Биробиджанскому делу» с группой интеллигенции и высшего руководства ЕАО, впоследствии реабилитирован. Вернулся в Биробиджан.

Повести, рассказы, пьесы, стихи Б.Миллера печатались в журнале «Советиш Геймланд» («Советская Родина», Москва), членом редколлегии которого он являлся с момента основания издания, в журнале «Дальний Восток», в различных альманахах и коллективных сборниках, выходили отдельные книги. Заслуженный работник культуры РСФСР, награждён орденом «Знак Почёта». Многие годы возглавлял областное литературное объединение.

МОРОЗОВ Василий Никитич родился в 1924 году в селе Папсуевка Почепского района Брянской области. На Дальнем Востоке — с 1940 года, когда вместе с родителями переехал в Амурскую область Белогорского района, село

Новая Селитьба. Работал в колхозе прицепщиком, пас коров, после окончания курсов работал трактористом. В августе 1942 года был призван в армию, служил на Тихоокеанском флоте, участвовал в войне с Японией, освобождая Северную Корею. В марте 1947 года переехал в ЕАО, в пос. Хинганск, где шло строительство оловодобывающего горно-обогачительного комбината.

На предприятии Василий Морозов был известен как рационализатор производства и... детский поэт. В начале 1960-х годов он стал публиковать стихи для детей на страницах «Биробиджанской звезды», а в 1965 году в Хабаровском издательстве вышла книжка «Алёшина горошина» тиражом 150 000 экземпляров! Вторая книжка «Птичьи хлопоты» вышла там же через 13 лет аналогичным тиражом. Поэт-рабочий публиковался в журналах «Весёлые картинки», «Мурзилка», «Костёр», «Искорка», «Дальний Восток», коллективных сборниках «На берегах Биры и Биджана» и «Литературный Биробиджан», в периодической печати Хабаровского и Приморского краёв.

Стихи дальневосточного поэта неизменно были полны юмора, а также ненавязчиво знакомили ребят с родным краем — его лесными обитателями, происхождением различных географических названий, профессиями родителей маленьких читателей.

В конце 1990-х Василий Морозов переехал в пос. Солнечный. В 2001 году в Комсомольске-на-Амуре вышла третья его книжка — «Солнце в бочонке», куда вошли стихи разных лет, а их автор был принят в Союз российских писателей.

НАВОЛОЧКИН Николай Дмитриевич родился в 1923 году в селе Николаевка. Ветеран Великой Отечественной войны. Первые стихи написал и публиковал ещё до войны. После военной службы окончил исторический факультет Хабаровского педагогического института, по образованию — историк. Со второй половины 40-х годов XX века начал публиковать стихи в газете «Биробиджанская звезда». Был главным редактором литературного журнала «Дальний Восток». Автор исторических повестей, романов («Амурские вёрсты», «Забытая история» и др.), множества стихов, повестей и сказок для детей («Знакомые кота Егора», «Полудница Акуля», «Откуда течёт Морошка» и др.).

Почётный гражданин города Хабаровска, лауреат премии им. Я. Дьяченко администрации г. Хабаровска. Лауреат премии администрации Хабаровского края. Дважды награждён орденом «Знак почета». Имеет боевые награды, в том числе польские «Братство по оружию». Член Союза писателей России. Живет в Хабаровске.

ОВЕЧКИН Анатолий Филиппович (1928–2003) родился в Поволжье. В возрасте четырёх лет во время голода потерял родителей. Беспризорничал, воспитывался в детских домах. Работал шофёром на целине в Казахстане. Жил в городе Акмолинске. Печатался в республиканских газетах и журналах. В 1994 году переехал в ЕАО. Жил в Биробиджане в доме для престарелых, изредка публикуясь в областной периодике. Посмертно стихи А. Овечкина публиковались в газете «Биробиджанская звезда», альманахе «Биробиджан», вошли в хрестоматию по литературе ЕАО.

ОЛЕВСКИЙ Бузи Абрамович (1908-1941). Родился в местечке Черняхов Житомирской области на Украине. Закончил Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. В 30-х годах жил и работал в Биробиджане. Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Писал на идише. Начал печататься в 1925 году. В 1930-м издал первый поэтический сборник «Рост». Затем вышли ещё две стихотворные книги «Начало жизни» и «На Биробиджанской земле». В 1956 году с предисловием Эм. Казакевича был издан сборник прозы Олевского «Ося и его друзья».

РИАНТ Макс Карлович родился в 1923 году в Саратове. В 1931 году переехал в село Валдгейм ЕАО. Учился в еврейской школе № 2 города Биробиджана. Участник Великой Отечественной войны. Участник Курской битвы, освобождал Польшу, Чехословакию, был ранен. Жил в Биробиджане, Самарканде. Окончил Хабаровский педагогический институт. Работал в газете «Биробиджанер штерн» и в радиокомитете. Цикл его стихов опубликован в антологии современной еврейской поэзии «Горизонты» (1965), в юбилейном (к 20-летию) номере журнала «Советиш Геймланд». Автор сборника стихов «Большие миры», книги рассказов «Поезд прибывает вовремя». С конца 80-х годов живёт в Израиле в г. Бней-Аише, где продолжил писать стихи на идише. Возглавляет местный клуб любителей идиша.

В 2004 году издал сборник стихов «Глазами моего сердца» о Биробиджане и Израиле, о любви поэта-фронтовика к родному языку, в нём более 100 стихотворений, баллад, поэм.

РУСАКОВ Владимир Николаевич родился в 1950 году в Кировской области. Учился в художественном училище, работал в леспромхозе, в сплавной конторе на Каме, художником, заведующим отделом райкома ВЛКСМ. Жил и работал в Заволжье, на Крайнем Севере, на Чукотке. С 1970 года — журналист. Узнав, что Облучье — город — переехал туда. Работал в районной газете «Искра Хингана». Печатался в журналах «Волга», «Дальний Восток», альманахе «Биробиджан». Член Союза российских писателей. Живёт в г. Облучье ЕАО.

РУСОВА Марина Юрьевна родилась в 1959 году в Биробиджане, окончила художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института. Работала в Музее современного изобразительного искусства ЕАО, занималась художественным творчеством, писала стихи и прозу, совместно с коллективом музея участвовала в выпуске ежемесячной странички «Музейный альбомчик» в газете «Ди Вох». Печаталась в областных газетах, в коллективном сборнике стихов и прозы «Солнце тебе». Лауреат премии мэра Биробиджана в области литературы.

В 1997 году уехала на постоянное жительство в Германию. Там продолжила занятия художественным и поэтическим творчеством, выпустила книгу стихов.

РУССКОВА Виктория Владимировна родилась в 1964 в Хабаровске. Училась на факультете иностранных языков Хабаровского государственного педагогического университета.

ческого института. Работала корректором, звукооператором в радиокомитете, журналистом. Стихи начала писать в 15 лет. В 1998 г. вышла её стихотворная подборка в журнале «Дальний Восток». Автор книги стихов «Время снов». Член Союза писателей России. В настоящее время живёт в Биробиджане.

СМИРНОВА Марина Владимировна родилась в 1964 году в Биробиджане. Окончила областной колледж культуры, Хабаровский государственный институт культуры — режиссерское отделение. Стихи её публиковались со школьных лет на страницах областных газет, в биробиджанских музыкально-поэтических сборниках. Совместно с Мариной Русовой стала автором либретто к музыкальному спектаклю «Суламифь» Биробиджанского театра «Когелет». В 1999 году выпустила поэтическое приложение к информационному сборнику «Ларец прекрасных муз» при поддержке фонда «Евразия». С 2000-го по 2007 год жила в Государстве Израиль. Печаталась там в русскоязычной газете «Новости недели» в приложении «Еврейский камертон». В настоящее время — актриса Биробиджанского театра кукол «Кудесник», а также еврейского народного музыкального театра «Когелет».

СОЛОМАТОВ Виктор Иванович родился в 1937 году в Хабаровске. Поэт и переводчик. Работал в газете «Суворовский натиск», газетах Приморья, Камчатки, Нижнеамурья. С шестидесятых годов жил в Биробиджане, работал в газете «Биробиджанская звезда». Печатался в журналах «Дальний Восток», «Советский воин», «Сельская молодёжь», «Смена», «Прапор», в коллективных сборниках, автор четырёх книг стихов. Стихи В. Соломатова переведены на идиш, украинский, армянский, французский языки. С 2002 года живёт в Израиле, печатался в русскоязычных изданиях этой страны.

СПИВАКОВА Елена Михайловна родилась в 1982 году в Биробиджане. Окончила филолого-исторический факультет Биробиджанского педагогического института (в настоящее время ДВГСГА). Участвовала в коллективных сборниках студенческого клуба «Олимп» «Здравствуй, XXI век!», победитель конкурса студенческих сочинений Президента России «Мой город. Моя страна» (2003). Старший преподаватель кафедры русского языка Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии. Кандидат филологических наук.

ФАЙНФЕЛЬД Игорь Ананьевич родился в 1940 году в г. Свободный Амурской области. Окончил Благовещенский медицинский институт. С 90-х годов работал в Институте комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН и в Биробиджанском педагогическом институте (в настоящее время ДВГСГА). В настоящее время преподаёт в Амурском госуниверситете (Благовещенск), завкафедрой педагогики и психологии Дальневосточной социально-гуманитарной академии (Биробиджан). Доктор биологических наук. Автор более десяти книг стихов. Лауреат премии «Золотое перо». Член Союза писателей России.

ФЕФЕР Ицик (Исаак Соломонович, 1900-1952) родился в местечке Шпола Черкасской области на Украине. В 1919 году добровольно ушёл в Красную

Армию, в том же году начал печататься. Писал на идише. Гражданская война отразилась в циклах стихов «Шпэнэр» («Щепки»), «Элес тойд» («Смерть Эли», 1928) и др. Автор пьес «Трубочист» и «Солнце не заходит».

Один из руководителей киевской литературной группы «Видэрвукс» («Поросль»). В 1927-м — один из инициаторов Всеукраинского совещания еврейских пролетарских писателей. С 1926 года — аспирант отделения еврейской культуры при Академии наук Украины. Книга по материалам его исследований «Вопросы творчества Шолом-Алейхема» вышла в свет в 1939 году.

Прожив 1937 год в Биробиджане, создал цикл стихов «На Дальнем Востоке». К стихотворению «Свадьба в Биробиджане» создал иллюстрации художник Марк Шагал.

В годы Великой Отечественной войны — член (с 1945 года — секретарь) Еврейского антифашистского комитета. Замредактора газеты «Эйникайт» («Единение») — печатного органа АЕК. Летом 1943 года вместе с С. Михоэлсом совершил поездку по США, Канаде, Мексике, Англии для сбора средств для Красной Армии. В декабре 1948 года арестован, от него добились оговора многих коллег. На заключительном судебном заседании неожиданно заявил: «Меня радовало, что евреи, изгнанные из Палестины предками Муссолини, снова создали там еврейское государство». Расстрелян по «делу АЕК» 12 августа 1952 года.

ФОМЕНКО Валерий Петрович родился в 1939 году в с Лежаново Алтайского района Алтайского края. Во время военной службы познакомился с Дальним Востоком, окончил филологический факультет Хабаровского педагогического института. Служил в УВД, был литсотрудником в «Биробиджанской звезде», работал радиожурналистом, был заместителем главного редактора газеты «Биробиджанер штерн», редактором газеты Биробиджанской еврейской общины. В настоящее время — пенсионер, продолжает работать в областном Институте усовершенствования учителей, преподаёт на отделении журналистики ДВГСГА. Выпустил сборник едких сатирических стихов «Гарики по-биробиджански» (Владивосток, 2009).

ФРИДМАН Наум Моисеевич (1907-1976) родился в деревне Ломуш Хойничского района в Белоруссии. В 1928 году первым эшелом прибыл на станцию Тихонькая. После окончания Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина снова вернулся в Биробиджан, жил и работал в области до последних дней. Участник Великой Отечественной войны.

Наум Фридман печатался в областных газетах, в журнале «Форпост» и альманахе «Биробиджан», выходивших в ЕАО на идише, в журнале «Советиш Геймланд». В газете «Биробиджанская звезда» в начале 70-х годов открыл специальную рубрику для детей «Колобок».

ХАРИК Изи (Исаак Давидович Харик, 1898-1937). Родился в местечке Зембин в Белоруссии. В 1919 году добровольцем ушёл в Красную Армию. После гражданской войны учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова, окончил еврейское отделение педагогического факультета 2-го Московского госуниверситета.

Печататься начал в 1920 году. Первый сборник стихов «Трепет» вышел под

псевдонимом Н.З. Зембин. В идишских стихах 1924–1926 гг. отмечается много параллелей со сборником Михаила Светлова «Корни». Работал редактором журнала «Штерн» («Звезда»), был членом президиумов союзов писателей СССР и БССР. При жизни вышло более десяти его книг стихов на идише. Много переводился белорусскими поэтами.

В поэмах «Минские болота», «Хлеб», «Круглые недели», «Ночь в Биробиджане», написанных им в 1934 году на Дальнем Востоке, присутствуют мотивы еврейских и белорусских песен. В сентябре 1938 года арестован сотрудниками НКВД, через полтора месяца расстрелян. В ночь с 28 на 29 октября в Минске с ним были расстреляны 22 белорусских и еврейских писателя. Место захоронения неизвестно.

В Минске действует общественное объединение еврейской культуры имени Изи Харика.

ЧЕРНЕНКО Виктор Михайлович родился в 1967 году в пос. Теплоозёрск ЕАО. Окончил Хабаровский институт народного хозяйства по специальности «экономист». Работал в государственных и коммерческих структурах. Стихи начал сочинять с середины 80-х, занимался в литературном объединении Хабаровского Дома писателей, публиковался в газетах «Молодой дальневосточник», «Приамурские ведомости», выпустил несколько авторских поэтических сборников. Специальный корреспондент газеты «Биробиджанская звезда».

ШКОЛЬНИК Леонид Борисович родился в 1945 году в г. Кемерово. В 1951 году семья переехала в Биробиджан. В юности работал на обувной и кондитерской фабриках, заводе силовых трансформаторов. Сотрудничал с газетой «Биробиджанская звезда». В 1973 году зачислен в штат газеты «Биробиджанер штерн», выходившей на идише, где прошёл путь от младшего литсотрудника до главного редактора. Переводил на русский язык стихи еврейских поэтов. Стихи Л. Школьника публиковались в журналах «Дальний Восток», «Советиш Геймланд», в коллективных сборниках, магнитофонной кассете молодых поэтов «Радуга». Лауреат премии Хабаровского комсомола. В конце 80-х основал первую газету «Взгляд». С 1991 года — в Израиле, был журналистом еженедельника «Новости», главным редактором газеты «Форверст» в США, в настоящее время живёт в Израиле, выпускает интернет-газету «Мы здесь».

ЧТО ТАКОЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ БИРОБИДЖАН

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

ЕВРЕЙСКАЯ? РУССКАЯ? БИРОБИДЖАНСКАЯ!

Удивительно, но факт: в 1930-40-х годах XX века все работающие в Еврейской автономной области писатели и поэты были еврейского происхождения и писали на идише. Некоторые из них приезжали жить и работать в Еврейскую автономную область из-за границы — Польши, Палестины, Бразилии.

Из биробиджанской литературной молодёжи позже выросли значительные советские писатели, публицисты, из которых звездой первой величины справедливо считать Эммануила Казакевича — дважды лауреата Государственной премии СССР в области литературы.

Впоследствии еврейские литераторы стали друзьями и наставниками молодых авторов, пишущих по-русски. Наверное, нигде больше в России не найти в литературной среде такого постоянного обращения русских писателей к еврейской тематике, как в Биробиджане. Можно с уверенностью сказать, что сегодня здесь рождаются произведения особой — биробиджанской — литературы на русском языке.

ЧТО ТАКОЕ ИДИШ?

Идиш — язык европейских евреев. Он начал складываться в XII-XIII веках на базе немецких диалектов во взаимодействии с древнееврейским и славянскими языками.

Ещё в начале XX века многие филологи не считали идиш самостоятельным языком, а именовали его «еврейским жаргоном». Но XIX-XX веках на идише сложилась обширная светская литература. Её классиками стали Ш.-Я. Абрамович (Мендэлэ Мойхер-Сфорим), Ш. Рабинович (Шолом-Алейхем) и Перец.

Идиш, принятый в СССР и России, имеет отличия в орфографии от принятого за рубежом. За рубежом слова древнееврейского происхождения пишутся так же, как века назад — без ряда гласных букв, разные буквы обозначают один и тот же звук, есть отличия в грамматике и т. д.

В Советском Союзе, для ускорения обучения грамоте широких слоёв населения, при письме стали обозначать все буквы или использовать дифтонги — сочетания нескольких букв.

Все еврейские писатели, приезжающие в строящуюся Еврейскую автономию, разом стали участниками грандиозного культурного эксперимента. Уже поэтому вся созданная здесь на идише литература — от романов, повестей и стихов до газетных статей — уникальное лингвистическое явление, достойное изучения.

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ

Областные газеты «Биробиджанер штерн» (на идише) и «Биробиджанская звезда» (на русском языке) с первого десятилетия своего существования уделяли поддержке местных литераторов немало места. На их литературных страницах наряду с новостями политики, общественной жизни и партийными передовицами также публиковались стихи и проза биробиджанских авторов, многие из которых в разные годы работали в этих газетах.

Литературный Биробиджан не желал оставаться «литературной провинцией», и в 30-е гг. сюда нередко приезжали в длительные творческие командировки поэты — известные мастера слова с запада страны: Лейб (Лев) Квитко, Самуил (Шмуель) Галкин, Перец Маркиш, Ицик Фефер... Они создавали свои новые произведения в Биробиджане, о Биробиджане, для Биробиджана (напомним читателю, что 30-40-е гг. XX в., а за границей — и сейчас Биробиджаном нередко называют всю Еврейскую автономную область), и поэтому многие их вещи по праву могут быть отнесены именно к биробиджанской литературе. Такой творческий обмен, конечно, крепко обогатил её. Тем временем в ЕАО окрепли собственные силы. И хотя многие поэты и писатели области впоследствии сменили место жительства и работы (Арон Вергелис, Эммануил Казакевич и др.), в их произведениях навсегда остался чёткий «биробиджанский след», без которого знакомство с их творчеством будет неполным.

Литературные произведения, созданные на идише (в частности, поэзия), конечно же, переводились и на русский язык — не для всех евреев идиш был родным языком, а русскоязычный читатель хотел «слышать голос соседа». Не всегда эти переводы бывали удачны, как случилось с «Корейской новеллой» Эм. Казакевича в «переложении» (это мягкое слово) Семёна Бытового в «Тихоокеанском комсомольце» в начале 30-х гг.

Систематическая работа по переводам с идиша началась, по существу, в 60-х гг., в период политической «оттепели», и достаточно активно шла до конца 80-х. В благородном искусстве поэта-переводчика тогда отметились биробиджанцы Нина Филипкина, Виктор Соломатов, Леонид Школьник, хабаровчанин Роальд Добровенский, в Белоруссии стихи Хаима Мальгинского много переводил Александр Дракохруст.

Старые идишские писатели стали также друзьями и наставниками многих нынешних русскоязычных литераторов Биробиджана.

Увы, самый конец 80-90-х гг., после ухода из жизни биробиджанских литературных «стариков», эмиграции большинства носителей языка и переводчиков стали годами «молчания» биробиджанской еврейской поэзии на русском языке.

Во второй половине 90-х началось возвращение к переводческой работе, делали это уже новые люди, принадлежащие к различным поколениям, большинство среди них — журналисты упомянутых выше областных газет: Валерий Фоменко (проза, публицистика, подстрочки стихотворений), Елена Сарашевская (публицистика, подстрочки стихотворений), Алла Акименко (поэтический перевод) и автор этих строк. Работа этих переводчиков обновила ряд представленных в антологии поэтических подборок. Конечно, в Биробиджане, ЕАО не забывают «своих» хабаровчан — Михаила Асламова, Николая Наволочкина и др., в творчестве которых также живёт любовь к земле, на которой они родились. А на самой земле биробиджанской сейчас происходит интересный творческий процесс, понемногу вбирающий в себя опыт предыдущих поколений литераторов и формирующий новый (надемся, узнаваемый) облик современной биробиджанской литературы. Надемся, что читатель заметил это, знакомясь с настоящей «Антологией поэзии ЕАО».

СОДЕРЖАНИЕ

Виктор Антонов	
«Национальный изгиб мысли» и единая региональная литература	6
Алла Акименко	
<i>Памяти Шнеера Коники</i>	
«Какая тишь и солнышко какое...»	10
«Плодоносящий маленький Израиль...»	10
Кузнецовский перевал	11
Павел Алексейчук	
Пир весны	13
Снегопад	13
Памяти Николая Рубцова	14
«Без умолку кукушка куковала...»	14
Сельские сирены	15
Виктор Антонов	
<i>Стихи для детей</i>	
Дог	16
Чау-чау	16
Собачья обновка	16
Кошачье место	16
Все мы немножко кошки	17
Завируша	17
О стойкости	17
Биробиджанец	18
<i>Китайские мотивы из цикла «Сердце Белого камня»</i>	
«Весною лилии цвели...»	19
«Пройдись в моей деревне по дворам...»	19
«Пуст мой котёл и прохутился кров...»	19
«Грустить не успевают мотыльки...»	19
«Полвека позади...»	20
«Не умер я пока...»	20
Михаил Асламов	
Бира	21
Ах, отцы!	21
«В ночь беззвёздную, как бездна...»	22
Человек с Бухенвальдским значком	23
Местный поезд	24
Евгения Батурина	
«А ты ещё смуглей вблизи...»	26
«Я полюбила сумерки зимой...»	26
Владивосток	27

«Тоска по предкам всё сильнее!...»	27
Царь Соломон	28

Хаим Бейдер

На идиш	29
Наводнение	30
Доброе утро, город!	30
Берёзка	31
"Целый день разборчивое небо..."	31
Закат	32
Первопроходцы	32
Первый глоток	33
Закат на Бире	34
Автобус "Сопка - Вокзал"	34
Дожди всю неделю	35
Будь чист и прост	36
Родословная	37
Пойдёмте, Люба!	38

Исаак Бронфман

К переводчику	39
Улица Шолом-Алейхема	39
Живой родник	41
"Лес в душу лез..."	42
Исправленная отметка	43
Сыграй мне, Нехамеле!	44
"Ничьи в долину не вели следы..."	44
Косари	45
Две белых розы	46

Виталий Бурик

День первый	47
-----------------------	----

Из маленьких поэм

Дом дождя	47
Вода	48
Птица	49
Природа Востока	49
Девушки Китая	50

Люба Вассерман

Прощание	51
В тюрьме	51
Мой дом	52
Сыну	52
Моя река	53
Ландыш	53

Арон Вергелис

Любар	55
Родившийся в тайге	55
Ещё вы, дети, не видали	56
Легенда о дороге	57
Ханешоме лох вехагуф шелох	59
"Ночь в тайге прижалась чёрной тенью..."	59
"Всё безмолвно вокруг..."	60
Кто мог меня убить?	60
Цимес	61
"Вязаный берет до бровей..."	61
Самый счастливый день моей жизни	62
Колыбельная для Адама	62

Сарра Вехтер

Биробиджан	64
Новое	64
За всё в ответе	65
Сердце	65

Стихи для детей

По дороге в первый класс	65
Прощание	66
В школу	66
Песня	66

Самуил Галкин

"Преданье говорит..."	68
У первого костра	68
Стекло	68
"Мне звезда отрадн эта..."	69
Начало зимы	69

Мария Глебова

"Я работала в зоне..."	71
"Спят предложенья, как щенки..."	71
"Жара. Уже почти что лето..."	72
Памяти Анатолия Кобенкова	72
"Тронуты морозом георгины..."	73
"Пора б уже с котомкой в монастырь..."	73
"Город так удивительно чист..."	74
"Отдам январь за два апреля..."	74
"А я ещё живу..."	75

Александр Драбкин

Апрель	76
"В дожди каморка дворника пуста..."	76
Назаретская история	77
Скрипач	77

Ольга Ермолаева

Мой город	79
"Та девочка, что по полям блуждала..."	79
"В кирзовых сапогах..."	80
"Когда распрямлюсь..."	81
"Ты существуешь. Мне сказала..."	82
"Радужный круг у солнца..."	83

Тамара Ильина

Отыщутся в траве плоды	84
"Быт поладил с дождём..."	84
"Ну кто ты такой, объясни мне..."	85
"Опять сошлись на крыше два кота..."	85
"Если вовремя книгу закрыть..."	86
"Из восточной экзотики пышной..."	86
"Вот примятая рощица..."	87
"Рыжеватая кошка сидит с алкашом на скамейке..."	87

Эммануил Казакевич

Песенка о станции Тихонькой	89
Большой мир	90
За порогом я оставил	90
Отрывки из поэмы "Начало"	91
Корейская новелла	93

Николай Капусто

Весенняя земля	95
Сенокос	95
"По-осеннему тихо в степи..."	95
Дождь	96

Лидия Капуцына

"Ты - Дон Гуан мой..."	97
"Был день как день..."	98
"Высокие идут переговоры..."	98
"Не пойму, что со мною случилось..."	99
"Вновь поражением увенчана..."	99
"Пролетает рядом автострада..."	100
"На бумагу не ложатся..."	100
"А осенью мы платим..."	101
"Сегодня я тоскую по тебе..."	102

Анатолий Кобенков

Корзинка	104
Лирический монолог	105
Юрию Кублановскому	106
"А ещё - за туманами голубыми..."	106
"Мир еврейских местечек..."	107

Арон Кушниров

"Я не знаю, заслужено ль это?"	109
Солали	109
По следам моей молодости	111
Сосна	112
В тайге	112
Слова	114
Дорога в тайге	114

Римма Лавочкина

Самолётная молитва	116
"И будет лето..."	116
"Пушай любовь таится..."	117
"Я - женщина! Я - женщина..."	118
Малиновое	119
Клейзмер	119

Валерий Логунков

"Осень щетинится кошкою рыжею..."	121
"Неяркий солнца луч тихонько ткнулся..."	121
"Ширь небес, как полотно..."	122
"Здесь берег гол и крут..."	122

Хаим Мальтинский

"Качается ветка, дрожит, как струна..."	124
"Среди тысяч незнакомых..."	124
"Я хочу, чтоб всю жизнь, до последнего дня..."	125
"Писал, друзья, я с правой стороны..."	125
"Я соснам читаю еврейское стихотворенье..."	125
"Я никак не пойму..."	126

Перец Маркиш

Дальневосточное	127
-----------------	-----

Ирина Метёлкина

"Неведомо, но есть село вдали..."	130
"По улице порой хорошею..."	130
Любовь	131
"Колес дешёвых колесница..."	132
Осень	133

Борис Миллер

Стихи в прозе	134
Цветение	134
Первый снег	134
Поёт Мирей Матье	134
Дворовая команда	135
Другу	136

Василий Морозов

Ключ "Берёзовый"	137
Ручей	137
Аист	137
Недотрога	138
Рысь	138
Червяк-землемер	138
Медуза	139
Птица-лесовод	139
Стряпухи	139
Сварщик	139
Весёлый таз	140

Николай Наволочкин

Грамотей	141
"Жадная" сестрёнка	142
Двое	142
Егорка и Трезорка	143

Анатолий Овечкин

Родник	145
Утро	145
"Говорят, не все пути сквозные..."	146
Воробышек	146

Бузи Олевский

В тайге	148
С лесорубами	149
Дома становится тесно	150
В селе	151
Мы сызмальства взрослыми стали	152
Первые	152

Макс Риант

Слово нашлось	154
Падает яблоко с дерева	154
О тебе	155
Не забывай	156
Раздумье	156
Мера	157
Родной дом	158

Владимир Русаков

Я ехал	159
В Биробиджане	159
"Ещё не закончена повесть..."	160
"Я себя измотаю. Я знаю..."	160
Маме	160
Биробиджан	161

Марина Русова

Соломон	162
Ривке, Саре и Рахель, похороненным на еврейском кладбище в Биробиджане	162
"Девочка глазами серыми с просинью..."	163
Миражи	163
Настройщик пианино	164

Виктория Русскова

"Я жила - как шила по канве..."	166
"Души неосторожный бег..."	166
Суламифь	166

Марина Смирнова

"Голый куст смородины..."	168
-------------------------------------	-----

Виктор Соломатов

Раздумья в снегопад	169
Пушкин	170
Суворов	170
"Разожми персты..."	170
"По стволам - водопроводным трубам..."	171
Анатолию Кобенкову	171
Откровение	172
Обещали	172
Из Израиля с любовью	173
Гекзаметры Гомера	173

Елена Спивакова

Песенка про скрипку и мастера	175
Ткачихи	176
Вавилонская башня	177
"В венке из красных васильков..."	178

Игорь Файнфельд

"Я помню: меня проглотила звезда..."	179
Гражданин Вселенной	179
Бессмертье	180
Слепые, которые думали, что они зрячие	180
"Адрес мира? Мне он не известен..."	180
"Я видел кладбища рождений..."	181
"Бушуют во мне океаны..."	181
"Зелёные сосны..."	181
Даос	182
"Словно десять веков живу..."	182
"Зачем я родился незрячей слезой..."	182
"Сквозь искру божью, вечный день..."	183
"Душа с душою говорит..."	183
"Старее роза на моём столе..."	184

Ирик Фефер

К Тихому океану	185
Бироканский мрамор	186
Тайга ждёт	187
На Родине	188
Лондонский ландыш	189
Мой путь	190
Выстрел в лесу	191
Я - еврей	192
На Бире	195

Валерий Фоменко

Лерики без лирики	197
"В вековечном споре всех со всеми..."	197
"Тем, кто громко без толку орёт..."	197
"Там, где ходят многие и много..."	197
"Известно, что женщину портит свобода..."	197
"Готовя посох и суму..."	197
"Одну из нынешних примет..."	197
"У всего два полюса, два края..."	198
"О, женщина! Подчас и сам Аллах..."	198
"Не осуждайте серый фон..."	198
"Чтобы ни женщину, ни хмель..."	198
"Когда у вас растёт живот..."	198
"Жаль, не слышат нас боги и маги..."	198
"Каким бы ни был лик системы..."	198
"Немало сделала наука..."	199
"По русскому обычаю..."	199
"Уж сколько зим и сколько лет..."	199
"Увы, от юных будущее скрыто..."	199
"Нынче не в чести искусство слога..."	199
"Всюду свет и тень двойного знака..."	199
"Политика - море..."	199
"Шторма, землетрясения, цунами..."	200
"И власть, и вершина высокой скалы..."	200
"Умом Россию - вашу мать!"	200
"В мире нет такого капитала..."	200
"От самих от себя не уйти нам никак..."	200
"Вода - первейшая основа..."	200

Стихи для детей

Что случилось?	200
Мечта	201
Страшный сон	201
Что видно по следам	201
Ёлочка	201
Сосулька	201
Зонтик	202

Наум Фридман

Утреннее	203
Старые имена	203

Изи Харик

Ночь в Биробиджане	206
------------------------------	-----

Виктор Черненко

"Укрыть малину от морозов..."	210
"Светло! Светло! Бежать туда! Бежать..."	210
"Зеленоватая вода..."	210
"Вновь осень кисти винограда..."	210
Моим родителям	212

Леонид Школьник

Придворный	213
Сенокос	213
Дворник	214
Памяти Толи Кобенкова	215
Парикмахер	215

Биографии

Что такое литературный Биробиджан	230
---	-----

Литературно-художественное издание

**АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ
ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ**

Редактор — **Елена Добровенская**
Художественный редактор — **Владислав Цап**
Технический редактор — **Ефим Вепринский**
Компьютерная вёрстка — **Ирина Сафрошкина**

Сдано в набор 08.09.2010. Подписано к печати 12.11.2010.
Формат 60х90^{1/16}. Бумага КМА. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,66.
Гарнитура “Таймс”. Тираж 500 экз. Объем 61.
ОГАУ “Издательский дом “Биробиджан”,
г. Биробиджан, ул. Ленина, д. 32. 2010 г.(И)

Отпечатано в типографии № 1, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.